Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Володина Светлана Вячеславовна

ПРИНЦИП ДОВЕРИЯ В СИСТЕМЕ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специальность 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,

Дудко Игорь Геннадьевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ. 23

1.1. Доверие в системе конституционных ценностей..... 23

1.2. Конституционные принципы и их значение в правовой системе47

1.3. Сущность и конституционное содержание принципа доверия... 68

ГЛАВА 2. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ СТРОЕ РОССИИ 110

2.1 Принцип доверия и конституционализация российского законодательства..... 110

2.2. Интерпретация и применение принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации 141

ГЛАВА 3. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ 170

3.1. Принцип доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации 170

3.2. Применение принципа доверия в статусе и деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ 192

ГЛАВА 4. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ В ИНСТИТУТАХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ДОВЕРИЯ 225

4.1. Реализация принципа доверия в организации и деятельности общественных объединений...... 225

4.2. Принцип доверия в «цифровой среде». 252

4.3. Реализация правового и социального доверия в зарубежных государствах (на примере стран БРИКС)...... 281

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 314

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 327

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Проблемы понимания конституционных ценностей и принципов, определяющих конституционное развитие России, занимают одно из центральных мест в отечественной науке конституционного права. Особое значение данная проблема обрела по итогам конституционной реформы 2020г., результатом которой стало дополнение текста Конституции Российской Федерации рядом положений, отражающих национальные ценности и закрепляющих принципы взаимоотношения государства и гражданского общества. Одним из важных конституционных принципов, получившим текстуальное выражение является принцип взаимного доверия государства и общества (ст. 75[1]).

Закрепление в Конституции РФ принципа взаимного доверия государства и общества явилось отражением конституционной практики, а также значимой идеи конституционного развития России. По мнению председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина доверие народа к власти обеспечивает ее легитимность и жизненность действия Конституции[1]. Взаимное доверие государства и гражданского общества обеспечивает не только политическое, но также экономическое и социальное развитие, влияет на духовную сферу. Значимой проблемой современной государственной и общественной практики является проблема доверия в «цифровой среде».

Фундаментальность самого феномена правового доверия определяет широту исследовательского поиска и его направлений. Будучи одним из ключевых ресурсов взаимодействия государства и общества, правовое доверие нуждается в анализе и конкретизации в целях наиболее эффективных решений по обеспечению и поддержания режима конституционности.

Конституционный принцип взаимного доверия государства и общества выступает в качестве идеала, определяющего процесс должного конституционного развития Российского государства. Он направлен на обеспечение стабильности и предсказуемости правоотношений в государстве,

[1] Зорькин В.Д. Под знаком Конституции // Российская газета. 2023. 12 декабря.

возникающих и реализующихся между различными субъектами. Принцип доверия отражает конституционную ценность «гражданского мира и согласия», выраженного в преамбуле Конституции Российской Федерации. Взаимосвязи государства и личности через мир и согласие, основываются на взаимных конституционно обусловленных ожиданиях и ответственности. Принцип направлен на конструктивное взаимодействие органов публичной власти и граждан, институтов гражданского общества.

Важным направлением реализации принципа доверия является отношение граждан к государству, органам публичной власти, их актам и действиям. Демократическое правовое государство, как цель конституционного развития России, обязывает уполномоченные органы публичной власти обеспечивать доверие граждан к законодательству и их действиям. Принцип доверия находит отражение в действующем законодательстве, правовых конструкциях и положениях. Вместе с тем, исследование законодательства и правоприменительной практики свидетельствует, подчас о недостаточном и противоречивом понимании содержания принципа, условий его применения.

Принцип доверия реализуется в правоотношениях субъектами которых являются граждане и создаваемые ими институты гражданского общества. Многообразие этих отношений, основанных на законодательстве, дополняется локальными актами, в том числе актами, содержащими положения нравственного характера, направленными на поддержания доверия в общественных объединениях.

Особая роль в понимании доверия в праве и правовых отношениях принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Применение категории «доверие» весьма активно в нормоконтрольной деятельности российского органа конституционной юстиции. В решениях Конституционного Суда, в рамках разрешения конкретных дел, дана интерпретация принципа доверия к закону и действиям государства. Вместе с тем, конституционная судебная интерпретация данного принципа и оценка особенностей его применения не исчерпывает содержание принципа доверия.

Вышеизложенное свидетельствует об актуальности концептуального научного исследования принципа взаимного доверия государства и общества, обуславливает важность раскрытия правовой природы и содержания принципа, форм его реализации, значения в системе конституционных принципов.

Степень научной разработанности темы исследования. Конституционный принцип доверия, его сущность и содержание не являлись предметом специального исследования в отечественном конституционном праве. Исследования феномена доверия в праве, в правовом регулировании и практике отношений в отечественных научных работах весьма редки.

Наиболее значительной работой в которой раскрывается роль доверия к праву, как область правосознания, является труд И. А. Ильина «О сущности правосознания»[2]. В качестве научной задачи он выдвигал идею нормального правосознания гражданина, которая выражает доверие к государству. Нормальное (государственное) правосознание, по его мнению, состоит в государственном образе мысли, государственном настроении чувств и государственном воленаправлении. Все это вместе составляют основу «всякого живого государства»[3].

Роли доверия в правовом регулировании посвящена монография А.Н.Кокотова «Доверие. Недоверие. Право»[4]. В работе исследуется проблематика доверия/недоверия как социально-психологических составляющих правового регулирования и правовых отношений. Такой подход в изучении феномена доверия в правовой среде приводит автора к выводу о весьма значимой роли доверия. По его мнению доверие «составляет сущностную основу права, его складывание и действие»[5]. А.Н. Кокотов раскрывает значение доверия как мотива правового поведения правотворческих органов, адресатов правовых норм. Он обратил внимание на проблему влияния права на доверие и его состояние в

---

[2] Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, дополненное / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008.
[3] Ильин И. А. Теория права и государства. С. 411.
[4] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004.
[5] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004. С. 51

различных сферах регулирования. Вместе с тем, в данной работе доверие, как конституционный принцип, не получил развернутого обоснования.

Несмотря на возросший интерес к феномену доверия в праве, научные исследования в конституционном праве во многом ограничиваются рассмотрением доверия как социально-психологического отношения субъектов[6]. Такой подход к пониманию доверия вполне уместен. Однако в рамках данных исследований доверие выступает в значительной мере фактором, опосредующим правовые отношения.

Среди специальных исследований посвященных изучению принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства выделяется диссертация Н.А. Арапова[7]. На основе работ зарубежных и отечественных исследователей, а также анализа законодательства и решений Конституционного Суда РФ им представлена характеристика юридического содержания принципа доверия граждан к закону и действиям государства. В диссертации исследуется один из аспектов принципа доверия.

Проблематика доверия как условия легитимности представительной власти исследуется в диссертации А.Н. Гуторовой. Основное внимание уделено разработке понятия «демократический мандат народного доверия». Автор подчеркивает роль демократического мандата народного доверия для обеспечения «предсказуемой вероятности» публичной политики, для обеспечения «гражданского активизма», реализации мнения политического большинства, при учете публичных интересов политических групп и непосредственно граждан[8].

---

[6] См: Нарутто С.В., Никитина А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 13-18; Комарова В.В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 29 – 38.

[7] Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015.

[8] Гуторова А.Н. Народное доверие в конституционном праве России: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 5.1.2. / Гуторова Алла Николаевна. – Н. Новгород, 2024. – 62 с.

Основой концепции проведенного исследования послужили труды отечественных конституционалистов: С.А. Авакьяна, Н.С. Бондаря, Н.В.Витрука, Г.А. Гаджиева, В.Д. Зорькина, И.А. Ильина, В.Т. Кабышева, А.Н. Кокотова, И.А. Кравца, В.И. Крусса, О.Е. Кутафина, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева и других.

Исследуя вопросы конституционных ценностей, автор обращался к работам С.А. Авакьяна, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, В.Д.Зорькина, А.А. Кондрашева, В.В. Комаровой, С.В. Нарутто, В.В.Невинского, М.С. Саликова, О.А. Снежко, Н.Е. Таевой, А.А. Троицкой и других.

Анализируя основополагающие подходы в понимании принципов права и конституционных принципов, автор опирался на труды С.А. Авакьяна, С.С.Алексеева, И.А. Алешковой, М.И. Байтина, А.А. Белкина, Н.А.Богдановой, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, И.Г. Дудко, В.В.Ершова, В.Д. Зорькина, О.Э. Лейста, М.А. Преснякова, И.А. Умновой и ряда других.

При изучении феномена доверия автор обращался к трудам отечественных и зарубежных философов, социологов, политологов, психологов: А.А. Гусейнова, Г. Кертмана, В.П. Кохановского, А.Б.Купрейченко, Д.А. Леонтьева, Н. Лумана, Ф. Фукуямы и других.

Рассматривая проблемы реализации принципа доверия в правовых институтах и отношениях, автор использовал работы правоведов, представителей отраслевых наук: И.З. Аюшеевой, К.С. Евсикова, А.А.Ефремова, Т. В. Сойфер, А. И. Химченко и ряда других.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, обусловленные практикой осуществления принципа доверия в деятельности органов публичной власти, интерпретационной практики Конституционного Суда РФ, институтов гражданского общества.

Предметом исследования являются теоретические представления о конституционных принципах, природе и особенностях принципа доверия; нормы конституционного права и отдельных отраслей российского права,

интерпретационная практика российского органа конституционной юстиции, правоприменительная практика в сфере конституционных отношений

Цель диссертационного исследования состоит в формировании концепции принципа доверия в системе основ конституционного строя России, раскрывающей юридическую природу, содержание, формы осуществления; выявление особенностей реализации принципа доверия в процессе конституционализации российской правовой системы; разработка теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование российского законодательства в сфере правового регулирования отношений опосредованных действием принципа доверия.

Достижение поставленной цели обеспечивается решением **следующих задач:**

- исследовать особенности доверия как социального явления;

- выявить конституционную природу правового доверия как ценности;

- проанализировать методологические подходы к пониманию сущности и содержания конституционных принципов;

- раскрыть конституционную природу и содержание принципа доверия;

- выявить способы осуществления принципа доверия в правовой системе;

- разработать требования к законодателю для цели осуществления конституционных принципов;

- проанализировать особенности интерпретации принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации;

- исследовать особенности реализации принципа доверия в правовых взаимоотношениях Государственной Думы и Правительства РФ, определить направления совершенствования;

- проанализировать применение принципа доверия в регулировании статуса Уполномоченного по правам человека в РФ, выявить проблемные аспекты;

- установить особенности реализации принципа доверия в организации и деятельности общественных объединений;

- выявить специфику реализации принципа доверия в «цифровой среде»;

- исследовать практику реализации правового и социального доверия в зарубежных государствах (на примере стран БРИКС) и выявить тенденции.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых (монографии, научные статьи, диссертации, авторефераты диссертаций) в области конституционного права, теории права, философии, социологии и психологии.

Нормативно-правовой основой диссертационного исследования являются: Конституция Российской Федерации, законы о поправках к Конституции РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, конституции СССР и РСФСР, нормативные правовые акты зарубежных государств.

Эмпирическую основу исследования составили: постановления, определения и заключения Конституционного Суда РФ, постановления пленумов Верховного Суда РФ, информация сайтов органов публичной власти, послания Президента РФ, доклады Уполномоченного по правам человека в РФ, статистические данные, результаты социологических исследований.

Методология исследования включает систему методов познания, выбор которых обусловлен предметом исследования.

Методологическую основу исследования составили общенаучные, частно-научные и специальные методы познания.

На основе диалектического метода исследовался социальный феномен доверия, выявлялись особенности, проявления, взаимосвязи с иными социальными феноменами.

Для раскрытия юридической природы принципа доверия важное значение имеет истолкование ценностей и целей конституционного текста на основе телеологического метода. Выявлению логических и системных связей конституционных принципов служат структурный и системный методы.

Метод анализа и синтеза используется для раскрытия содержания понятия принцип, конституционный принцип и принцип доверия.

Функциональный подход применялся в работе для изучения функций конституционных принципов, функций принципа доверия.

Формально-юридический метод применяется в исследовании при анализе осуществления конституционных принципов в российском законодательстве, содержания решений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Количественный метод применялся для анализа практики Конституционного Суда РФ, что позволило обеспечить достоверность теоретических выводов.

Частно-научные методы (социологический и статистический) обеспечивали достоверность научных выводов данными о состоянии доверия в обществе.

Сравнительно-правовой метод применялся при исследовании зарубежного опыта осуществления правового доверия и позволил выявить отдельные тенденции.

Научная новизна диссертации состоит в том, что на основе теоретического, нормативного и эмпирического материала разработана концепция принципа доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации, его конституционной природы и содержания, регулятивного потенциала, соотношения с иными принципами конституционного строя России.

В диссертации представлено либо уточнено понимание конституционных ценностей и принципов; раскрыта роль и значение принципа доверия в конституционализации правовой системы и конституционной судебной практике.

По итогам проведенного исследования диссертантом обоснованы новые теоретические положения и практические выводы, рекомендации по совершенствованию действующего законодательства на основе реализации принципа доверия.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Выявлено, что правовое доверие — это рациональная оценка надежности, а не интуитивная. Основывается на наличии правовых и институциональных гарантий, носит деперсонализированный характер. Правовое доверие выступает в

качестве нематериального актива демократического государства. Государство и гражданское общество должны поддерживать правовое доверие в состоянии баланса, чтобы не смещать вектор движения к любой абсолютизации (тотальное доверие/недоверие).

2. Установлено, что если в основе социального доверия лежат нравственные, религиозные, иные социальные ценности, то в основе правового доверия – конституционные ценности. Они обладают свойством нормативности особого рода, не сводимой к нормативности принципа или нормы. Их нормативность обусловлена авторитетом и юридической силой Конституции Российской Федерации. Конституционные ценности, имея оригинальное текстуально-формальное выражение, определяют: источник суверенной власти; значимость социальных, общественных и государственных явлений (институтов), обуславливающих конституционные отношения; разделяемые российским обществом блага; конституционные цели; предопределяют смысловое и юридическое содержание иных конституционных положений (принципов, норм, презумпций и т.д.).

3. Обосновано, в преамбуле Конституции Российской Федерации конституцируется особое условие и цель, выступающее основой государственного и общественного порядка и развития России – «гражданский мир и согласие». Достижение этого состояния невозможно без правового доверия, существующего как во взаимодействии граждан и государства, так и в рамках общественных, гражданских отношений.

Доверие является частью провозглашаемого конституционного правопорядка. Будучи отражением потребности государства и общества в создании конституционного правопорядка доверие как ценность служит достижению закрепленных целей развития, выступает критерием оценки деятельности органов публичной власти и институтов гражданского общества.

4. Обосновано, что конституционный принцип доверия не сводится исключительно к его трактовке как доверия граждан к государству и

законодательству. Содержание принципа доверия, составляющего одну из основ конституционного строя Российской Федерации, включает четыре аспекта:

- доверие граждан к государству, органам публичной власти, их актам и действиям;

- доверие государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности;

- доверие в системе публичной власти (во взаимоотношениях ветвей власти, органов, должностных лиц, иных субъектов публичного права);

- доверие во взаимодействии граждан, включая отношения в рамках институтов гражданского общества.

Совокупность этих четырех аспектов образуют общее содержание конституционного принципа доверия, получившего текстуальное выражение как принцип взаимного доверия государства и общества (Конституция Российской Федерации ст. 75^{1}). Только в единстве указанных аспектов достигается полнота идеи принципа, которая заключается в достижении стабильного и максимально возможного правового доверия государства и общества, выраженного в конституционной ценности - «гражданский мир и согласие». Принцип выступает гарантом стабильности и предсказуемости правоотношений в государстве, отражает конституционную ценность взаимосвязи государства и личности через мир и согласие, основанную на взаимных конституционно обусловленных ожиданиях и ответственности.

5. Аргументировано, что конституционную основу принципа доверия составляет положение преамбулы о гражданском мире и согласии, положения статей 1, 2, 3, 5, 7, 10, 15, 17, 18, 19, 52, 53, 54, 55, которые обеспечивают устойчивость правовой системы и правовых отношений в указанных выше четырех аспектах принципа.

Обосновано, что принцип доверия, будучи одним из принципов основ конституционного строя России означает, что действия участников правоотношений должны соответствовать правомерным ожиданиям участников,

возникшим в результате их собственных действий или законодательства, обеспечивая предсказуемость и стабильность правоотношений.

Принцип доверия, в аспекте правового доверия граждан к государству, состоит в том, что органы публичной власти, действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений законодательства, обязано учитывать и защищать обоснованные ожидания граждан, возникшие в результате их действий или законодательства.

Принцип доверия, в аспекте правового доверия государства к институтам гражданского общества состоит в том, что органы публичной власти, действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений статуса граждан (общественных объединений), признавая автономию, полагаются на их разумность и добросовестность, сохраняя возможность осуществления контроля в законодательно установленных пределах.

Принцип доверия в системе публичной власти означает, что органы публичной власти действуют в рамках компетенции добросовестно, ответственно и согласовано, исходя из информационной открытости и подконтрольности /подотчетности.

Принцип доверия в среде гражданского общества означает, что гражданин, действуя правомерно, проявляя разумность и добросовестность полагается на адекватные и предсказуемые действия со стороны другого гражданина либо граждан (общественных объединений) не злоупотребляющие правом.

Стабильное и максимально полное соответствие общественных отношений конституционному принципу взаимного доверия государства и общества обеспечивает конституционный правопорядок, являющейся целью и одновременно условием развития основ конституционного строя России. Достижение и поддержание конституционного правопорядка, его постоянная актуализация конституционная обязанность государства, органов публичной власти. Однако граждане, их объединения своими действиями должны способствовать поддержанию конституционного правопорядка. Особенно важным является использование гражданами правовых средств защиты

нарушенных прав и восстановления в праве, а также осуществлением общественного контроля за деятельностью органов публичной власти.

6. Установлено, что конституционализация направлена на раскрытие и усиление регулятивного потенциала конституционных принципов. Цель конституционализации заключается в достижении и поддержании режима конституционности, как деятельности направленной на соответствие существующих отношений в государстве и обществе основам конституционного строя России.

Применительно к принципам, конституционализация представляет собой: во-первых, осуществление конституционных принципов в законодательстве (законах, иных нормативных правовых актах) посредством законодательно установленных процедур для достижения презюмируемых ими целей; во-вторых, возможность и необходимость субъектов правоотношений соотносить свои действия с конституционными принципами и закрепленными в нормативных правовых актах моделями поведения участников; в-третьих, интерпретацию принципов органом конституционной юстиции для цели должного (конституционного) правопонимания и устранения неопределенности в правоприменительной практике.

7. Выявлено, что презумпция добросовестного законодателя и презумпция конституционности закона основаны на принципе доверия, в соответствии с которым законодатель должен своими действиями и результатами действий (закон) оправдывать конституционное доверие, оказываемое иными органами публичной власти и гражданами законодателю и его решениям.

8. Аргументировано, что осуществление конституционных принципов в законодательстве будучи наиболее сложным видом деятельности законодателя должно проистекать с учетом ряда требований.

Первое требование состоит в том, что законодатель должен учитывать специфические особенности сферы регулируемых отношений, применительно к которой необходимо обеспечить действие принципа. Соответственно

закрепляемые законом принципы должны быть адекватны сфере регулируемых отношений.

Второе требование заключается в сопряжении закрепляемых в законе принципов с конституционными принципами. Установленные в законе принципы регулируют конкретную сферу отношений, определенную Конституцией РФ. Соответственно закрепленные в законе принципы не должны вступать в противоречие с конституционными принципами, ибо именно они определяют условие действия выраженных в законе принципов. Для процесса конституционализации наиболее важным является должное соответствие принципов закона конституционным принципам.

Третье требование состоит в соблюдении правовой определенности принципов закона, составляющей юридико-содержательную основу доверия к закону. Правовая определенность принципов должна заключаться в соблюдении требований формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания принципов, их согласованности в системе закрепленных принципов.

Четвертое требование заключается в обеспечении полноты следования принципам в содержании закона. Это означает: во-первых, что в законе принципы должны отражаться таким образом, чтобы не искажался их смысл и они получали развитие в правах и обязанностях участников соответствующих правоотношений; во-вторых, не должны излагаться правила, вступающие в противоречие с принципами; в-третьих, должно обеспечиваться системное действие принципов. Объект правового регулирования закона должен воплощать не один, а все принципы закона. Положения закона должны синтезировать эти разнообразные принципы. Системное действие принципов должно заключаться в усилении действия одного принципа другим (другими). Регулируемые отношения должны отвечать системе исходных принципов закона, которые соответствуют конституционным принципам.

Деятельность федерального законодателя по осуществлению конституционных принципов в законодательстве является особым видом правотворческой деятельности. Она заключается в разработке юридических

конструкций, наиболее полно воплощающих конституционные принципы в текущем законодательстве. Результатом данной деятельности должно быть отражение принципов в содержании закона. Это явление можно определить как «конституционную трансдукцию принципов», суть которой заключается в передаче характеристик (качеств) конституционного принципа закону.

9. Обосновано, что Конституционный Суд РФ, разрабатывая доктрину и догму современного российского права, обосновал и интерпретировал принцип доверия. Юридико-содержательное определение содержания принципа осуществлялось Конституционным Судом имплицитно, на основании ценностей, закрепленных в преамбуле, принципов и положений глав 1 и 2 Конституции РФ. Ценностное и функциональное значение принципа доверия обосновывается Конституционным Судом через его взаимосвязь с другими конституционными принципами системы основ конституционного строя России, прежде всего во взаимосвязи с принципами равенства и справедливости.

Наиболее развернутое обоснование принцип доверия получает на основе конституционной доктрины защиты прав человека в рамках нормоконтроля осуществляемого Конституционным Судом в отношении положений законодательства по жалобам граждан. В правовых позициях Конституционного Суда принцип доверия определен конституционной ценностью основ конституционного строя, идеальной моделью правовых отношений и применяется в качестве критерия проверки законодательства.

С принятием поправок 2020 г. к Конституции Российской Федерации, наряду с формулировкой «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства», в решениях Конституционного Суда используется формулировка «принцип взаимного доверия государства и общества».

10. Выявлено, что сложившаяся модель взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы в рамках Конституции РФ, действующего федерального законодательства, Регламента Государственной Думы и практики их применения свидетельствует о расширении направлений и форм их взаимодействия на основе конституционного принципа доверия.

Обоснована необходимость закрепить в Регламенте обязанность Государственной Думы принимать постановление по итогам рассмотрения ежегодного отчета Правительства РФ. Председатель Правительства или лицо его замещающее, по итогам обсуждения доклада, должен ставить вопрос о доверии Правительству Российской Федерации.

Предложено в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» установить критерии, на основе которых Государственная Дума вправе принимать решение о недоверии Правительству Российской Федерации. Такими критериями могут быть: во-первых, возникновение чрезвычайных (кризисных) ситуаций, вызванных действиями Правительства РФ или федеральными органами исполнительной власти (неисполнение обязанностей); во-вторых, систематическое несоблюдение Правительством и/или федеральными органами исполнительной власти требований по принятию нормативных правовых актов в установленные федеральными законами сроки. Указанные основания выражения недоверия Правительству РФ имеют конституционно-правовую основу, выступают итогом осуществления парламентского контроля. Отставка Правительства РФ по данным основаниям является конституционной санкцией.

Кроме того, должна быть установлена персональная ответственность членов Правительства РФ. Государственная Дума должна обладать правом выражения недоверия, в случае признания деятельности члена Правительства неудовлетворительной. Решение должно приниматься квалифицированным большинством голосов депутатов Государственной Думы.

11. Обосновано, что особенность конструкции правового доверия, которым наделяется кандидат, назначенный Уполномоченным по правам человека в РФ, заключается в одностороннем, безотчетном характере доверия.

Аргументировано, что принцип доверия в статусе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации достигается: посредством норм устанавливающих конституционный статус как независимого субъекта в системе публичных правоотношений; наличием компетенции, организационными, финансовыми, материальными, информационными и др. формами и средствами

для ее реализации; не подотчетности и не подконтрольности каким либо органам и должностным лицам; правовым иммунитетом для осуществления полномочий; уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами обеспечения независимости; законодательно установленными основаниями досрочного прекращения деятельности.

В целях совершенствования статуса Уполномоченного сформулировано предложение о необходимости дополнить правовое регулирование процедуры досрочного прекращения полномочий в рамках конституционной ответственности, положениями, которые бы отвечали требованию правовой определенности.

12. Выявлено, что правовое доверие является неотъемлемым составляющим в организации и деятельности общественного объединения. Правовое доверие выражено в процедурах принятия решений, устава и иных локальных актов, формирования органов, в процессе взаимодействия участников, выявления проблем и определения способов их решения, в контроле за исполнением принятых решений. В связи с этим предлагается принципы создания и функционирования общественных объединений дополнить принципом доверия, изменив статью 15 Федерального закона «Об общественных объединениях». Включение принципа доверия в положение указанного Закона являлось бы выражением сложившейся практики его реализации.

13. Обосновано, что обеспечение доверия в рамках правового регулирования общественных отношений в цифровой среде выступает в качестве важнейшего условия формирования современного правопорядка. Ключевыми инструментами и механизмами обеспечения доверия являются существующие и перспективные институты идентификации субъектов общественных отношений в цифровой среде, в том числе институты электронной подписи, биометрической идентификации и цифровых платформ. Отмечено, что биометрия – это самый «хрупкий» элемент доверия. Закон должен прямо запрещать сбор биометрических данных без явного, отдельного, письменного согласия и запрещать их использование для эмоционального и поведенческого скоринга и слежки без

санкции суда. Необходима трансформация института согласия от формальности к осознанности.

Обеспечение баланса между безопасностью и свободой личности в цифровой среде, комфортностью цифровых государственных и частных услуг и цифровым контролем над личностью на основе сбора данных (цифровых следов) требует взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества для развития уровня цифровой грамотности и цифровой культуры, формирования ответственного поведения в цифровой среде всех субъектов общественных отношений. Обоснована перспективность формирования общественно-государственных рабочих групп с участием НКО, в том числе в рамках деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, а также аналогичных органов в субъектах РФ для совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности указанных органов, ориентированной на обеспечение доверия в цифровой среде.

14. Выявлены общие тенденции развития правового и социального доверия в странах БРИКС, на примере Бразилии, Индии и Китая. В каждом из государств существуют особенности конституционно-правового развития, обусловленные историей государства, национальными традициями и социальным составом населения. Для правового и социального доверия важное значение имеют «политический менталитет», общественное сознание и развитие экономики.

Развитие потенциала доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов в государствах БРИКС обеспечивается посредством создания цифровых платформ. В Бразилии создан и действует «правительственный портал», направленный на поддержание «прозрачности» правительственных расходов Федерального Правительства Бразилии; в Индии – цифровая платформа Правительства для гражданского участия. В Китае внедрена система социального доверия, основанная на социальном и правовом рейтинге граждан, для «построения гармоничного социалистического общества».

Общей тенденцией государств БРИКС является развитие информационного общества, посредством внедрения цифровых технологий для обеспечения доверия граждан к «цифровой среде» и государству.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке концепции принципа доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации; предложено авторское понимание конституционно-правовой природы принципа доверия, обусловленного конституционной ценностью «гражданского мира и согласия»; раскрывается регулятивный потенциал принципа доверия, формы его осуществления в процессе конституционализации правовой системы России; на основе анализа правовых позиций Конституционного Суда по интерпретации принципа доверия заключено, что данный принцип определен конституционной ценностью основ конституционного строя, идеальной моделью правовых отношений и применяется в качестве критерия проверки законодательства. Содержащиеся в диссертации теоретические выводы формируют основу для дальнейших исследований в конституционном праве.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений в нормотворческой и законотворческой деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. Автором сформулированы предложения по совершенствованию Регламента Государственной Думы, в части дополнения процедуры о конституционной ответственности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; по совершенствованию процедуры конституционной ответственности Правительства и членов Правительства РФ и изменении положений Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

По итогам проведенного исследования в диссертации сформулированы предложения по совершенствованию Федерального закона «Об общественных объединениях», федеральных нормативных правовых актов регулирующих взаимодействие федеральных государственных органов и институтов гражданского общества в целях обеспечения доверия в цифровой среде.

Материалы проведенного исследования могут применяться в процессе преподавания дисциплин «Конституционное право России», «Конституционное право зарубежных стран» и других.

Степень достоверности результатов подтверждаются многообразием используемых методов исследования, изучением при подготовке диссертации фундаментальных трудов по теории государства и права, конституционного права, отраслевым юридическим наукам, социологии, политологии, а также широким спектром используемого нормативного и эмпирического материала: нормативных правовых актов, судебных решений, статистических данных и результатов социологических опросов, достоверность которых обеспечивается посредством транспарентности и верифицируемости, а также аргументированностью положений и выводов, содержащихся в работе.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 12 мая 2026 года. Положения диссертации использовались и были апробированы в процессе преподавания учебных курсов «Конституционное право» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные положения диссертации нашли отражение в 20 публикациях за период 2018 – 2026 гг. общим объемом 13 п. л., из них 16 в статьях в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертационных исследований. В учебном пособии для магистратуры «Конституционно-правовой статус общественных объединений в современной России» (Глава 11).

Положения диссертации докладывались на научно-практических конференциях (международных, всероссийских и иного уровня):

Научно-практической конференции «Конституционное обеспечение суверенитета России в условиях геополитических трансформаций» (Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва,

2023 г.), совместной XXIV Международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и XXIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» (г. Москва, 2023 г.); на IX Уральском Форуме конституционалистов (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, 2023 г.); на международном конгрессе молодых ученых «Традиции и новации в системе российского права» (Москва, 2024 г.); на совместной XXV Международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности» в рамках XIV Московской юридической недели, посвященной 270-летию МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, 2024 г.); на X Уральском Форуме конституционалистов (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, 2024 г.); на Международном научно-практическом форуме «Юридическая наука и образование в эпоху искусственного интеллекта» (Тюмень, 2025 г.); на XI Уральском Форуме конституционалистов (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, 2025 г.);

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих десять параграфов, заключения и библиографии.

Глава 1. Конституционные основы и содержание принципа доверия

1.1. Доверие в системе конституционных ценностей

В действующей Конституции Российской Федерации закреплены ценности имеющие важное значение для каждой личности, образуемых личностями сообществ, для гражданского общества и государства. Значимость конституционных ценностей для правовой системы определена высшей юридической силой Конституции России. Конституционные ценности, будучи отражением значимых явлений социального бытия и национального опыта, воздействуют на отношения в различных сферах – политической, социальной, экономической и иных. Выраженные в тексте основополагающего нормативного акта ценности влияют на характер деятельности субъектов конституционных отношений и определяют их содержание.

Осмысление конституционных ценностей как феномена, их потенциал и роли в правовой системе является одной из значимых проблем современной науки конституционного права. Развитие проблематики конституционных ценностей, наряду с вопросом о ценности Конституции обусловило разработку аксиологического подхода. В отечественном конституционном праве аксиологическому подходу в осмыслении правовой действительности посвящено ряд монографических исследований и научных статей[9], а также диссертаций[10].

---

[9] См., например: Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография – М.: Изд-во РАП, 2008; Зорькин В.Д. Ценностный подход в правовом регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3 - 14; Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. : в 2 т. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. М.: Российская академия правосудия, 2010; Аксиология российского конституционализма: история и современность / Под ред. С.И. Дудника, И.Д. Осипова. СПб., 2012; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. 176 с.; Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 14 – 26; Троицкая А.А., Храмова Т.М. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 54 – 79; Белов С.А. Ценности российской Конституции в тексте и практике ее толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 68 – 83.

[10] Например: Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010; Ройзман Г. Б.

Следует отметить, что после поправок внесенных в Конституцию РФ в 2020 г. обсуждение вопроса о конституционных ценностях активизировалось в научной доктрине[11]. В тоже время, отсутствует единство в понимании какие именно положения Конституции РФ относятся к ценностям как с позиции содержания, так и формализации[12].

По мнению В.Д. Зорькина к непреходящим конституционным ценностям относятся: права и свободы человека и гражданина; справедливость и равенство; верховенство права и конституционная законность; правовое, демократическое, федеративное и социальное государство[13].

В качестве конституционных ценностей С.А. Авакьян называет конституционную ценность государства; саму Конституцию; служение конституционных норм и правил интересам человека и гражданина; закрепление плюрализма форм собственности, при котором право на равное существование и использование имеют как частная, так и государственная собственность, а также иные ее формы; закрепление демократического режима власти, основой которого является народовластие; установление принципов и правил сопричастности народа к выработке законопроектов – от выявления мнения граждан, общественного мнения о законопроектах до народной правотворческой

Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012; Карасёва И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014; Бурла В. М. Система ценностей в конституциях государств - членов Содружества Независимых Государств : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.

[11] См., например: Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса. 2020. № 1. С. 61 – 66; Нравственные ориентиры и принципы в системе ценностей российской Конституции: монография / отв. ред. С.Б. Сафина. – М.: Юрлитинформ, 2024; Суханова А.А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации: дис. …канд. юрид. наук. Челябинск, 2023; Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 11–26.

[12] Володина С. В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[13] Зорькин В.Д. Ценностный подход в правовом регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3.

инициативы; наличие системы разделения власти; прозрачность и гласность осуществления государственной власти; выборы; использование в качестве основного регулятора общественных отношений закона[14].

По мнению Г.А. Гаджиева конституционными ценностями являются конституционные принципы и объективная система основных прав и свобод человека[15]. Им заявлена проблема аксиологии конституционализма, в рамках которой, рассматриваются вопросы соотношения конституционных и нравственных ценностей, их применение в конституционно-судебной практике[16].

Н.С. Бондарь, указывая на ценность действующей Конституции России в целом, отмечает что аксиологическими свойствами обладают конкретные ее нормы, принципы, аксиомы, презумпции[17]. Существенно важным в концепции Н.С. Бондаря, является утверждение тезиса о том, что в практике Конституционного Суда РФ получили обоснование «ряд формально не имеющих прямого закрепления в Конституции РФ ценностей»[18]. По его мнению, Конституционный Суд обеспечивает процесс конституционно-судебного генерирования конституционных ценностей[19].

Вышеуказанные позиции авторитетных ученых свидетельствуют о различии в понимании того, что относится к конституционным ценностям. Наряду с Конституцией РФ и закрепленными в ней принципами, к ценностям отнесены иные текстуально-конституционные феномены (нормы, аксиомы, презумпции и др.). В качестве конституционных ценностей определены, вытекающие из Конституции Российской Федерации, положения получившие

---

[14] Авакьян С.А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. 2001. № 4. С. 44 - 47.

[15] Гаджиев Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 9.

[16] Гаджиев Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 16.

[17] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013. С. 23 – 25.

[18] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. С. 16.

[19] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. С. 86.

обоснование в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Вместе с тем к конституционным ценностям отнесены система основных прав и свобод человека, институты народовластия, конституционные характеристики российского государства и др.

Многообразие взглядов на то, какие положения Конституции РФ относятся к ценностям свидетельствует, во-первых, о разных методологических подходах в понимании феномена «конституционной ценности», даже в рамках аксиологии конституционализма; во-вторых, об отсутствии единых концептуальных основ в отечественной конституционной науке, применительно к обсуждаемой проблеме; в-третьих, о недостаточной проработке категории «конституционные ценности» с позиции юридической техники. Нередко обсуждение вопроса о конституционных ценностях сводится к субъективному составлению их перечня с указанием отдельных характеристик.

Вместе с тем, полагаем что для отечественной науки конституционного права развитие конституционной аксиологии как научного направления является важным и имеющим практическое значение. В работах отечественных ученых исследуются проблемы ценности Конституции РФ, содержание конституционных ценностей, их система, отражение и применение в практике Конституционного Суда РФ[20].

Рассматривая проблемы конституционных ценностей В.Д. Зорькин подчеркнул, что в современном конституционном праве, в особенности после Второй мировой войны, нашло отражение интегративное понимание права,

[20] См. например: Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 7 – 20; Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Международной научно-практической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2 т. Т.1. / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. - М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 9 – 20; Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7 - 14; Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Комковой Г. Н. — М.: ДМК Пресс, 2009; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2013; Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина: монография / под общ. ред. В.В. Комаровой; отв. ред. О.С. Рыбакова. – М.: Проспект, 2023.

включающее в себя не только формально-догматические и социологические аспекты, но и аксиологические и телеологические проблемы права[21].

Аксиология конституционализма, как ее определяет Г.А. Гаджиев, имеет прикладное значение, своего рода «философские проблемы конституционного права». «Аксиология конституционализма занимается: 1) определением того, что есть конституционные ценности, каково их генетическое происхождение; 2) каково соотношение различных конституционных ценностей между собой»[22].

По мнению Н.С. Бондаря, конституционная аксиология, будучи новым направлением современного конституционализма, концентрирует и соединяет сложные, недостаточно исследованные, научно-теоретические проблемы с вопросами практической реализации конституционно-правовых ценностей[23]. Данная позиция акцентирует внимание на значимости и актуальности конституционной аксиологии для конституционной судебной практики.

Указанные выше понимание российской конституционной аксиологии как научного направления имеет важное методологическое значение для исследования доверия как конституционной ценности. Несомненно, значимым является выявление социального («генетического») происхождения ценности доверия, раскрытие особенностей, свойств; рассмотрение вопроса о функциональном предназначении; о соотношении доверия с иными конституционными ценностями.

Доверие как явление имманентно присуще природе любого человеческого сообщества. Оно «сопровождает» жизнь людей и воздействует на социальную организацию общества. Доверие, наряду с другими феноменами, например, таким как справедливость, значимо определяет жизнь сообществ, наполняя ее предсказуемостью и стабильностью.

---

[21] Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3.

[22] Гаджиев Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 16.

[23] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2013. С. 12.

Как социальное явление доверие имеет собственную бытийную сущность. Она заключается в ценности доверия как положительного явления для человека, важного регулятора поведения людей и образуемых ими сообществ. «Ценности — специфические социальные характеристики объектов, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное и т. п.), заключенное в явлениях общественной жизни»[24]. Специфические характеристики объектов определяемые как ценности не могут быть выявлены вне человеческой деятельности или сферы интересов человека[25]. Ценность проявляется через отношения людей к объектам, которые важны и необходимы для личности, сообщества людей. В этих субъектно-объектных отношениях ценность проявляет себя как область интереса, свойство и цель. В этом заключается существо ценностей, включая ценность доверия.

Отмечается, что доверие возникая во внутреннем мире личности проявляется в активности человека; в момент взаимодействия оно как бы «выносится» в сам акт взаимодействия, проявляется между человеком и тем, с чем он взаимодействует[26]. Как феномен надиндивидуальный, доверие является порождением и условием межличностного общения. Доверие как социальная ценность обусловлено стремлением личностей (людей) к объективному благу, выражается ли это на уровне семьи, социальной группы, институтов гражданского общества, государства. Стремление к объективному благу посредством доверия заключается: во-первых, в готовности индивида положиться на другого, в достижении интереса (личного блага) в соответствии с действующими правилами (традициями); во-вторых, как действие в отношении другого субъекта (личности, коллектива, организации и т.д.) и ожидании адекватных (положительных) и предсказуемых действий. Доверие может быть выражено односторонне (например, доверие к информации), в двусторонней форме (например,

---

[24] Кохановский В. П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. — Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. С. 460.

[25] См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 512.

[26] Скрипкина, Т.П. Доверие как социально-психологическое явление : автореф. дис. на … докт. псих. Наук : 19.00.05. / Скрипкина Татьяна Петровна. – Ростов. пед. ун-т., 1998. – 46с.

договоренность между людьми) либо в многосторонней форме (например, создание общественного объединения).

Субъективно-психологическое состояние доверия между конкретными личностями, между личностью и сообществом имеет сложное содержание, компонентами которого являются эмоции, чувства, умственные оценки и их воля, «…доверие родиться тогда, когда человек начинает учитывать практическую сторону жизни уважаемого человека, т.е. его волю, его воленаправление, самые творческие истоки его личного духа»[27]. Доверие в конкретных отношениях как индивидуальное переживание, психологический настрой субъекта проявляется как субъективная ценность имеющая значение для участников отношений. Личность осуществляет действия с верой в то, что ответные действия будут адекватными со стороны того, кому доверяют. В этом аспекте доверие ценно для каждого участника отношений.

Наряду с эмоционально-чувственным, доверие может быть основано на рациональном отношении личности к другому субъекту, основанном на уверенности в его предсказуемом и/или результативном действии. В практической деятельности доверие проявляется в волевых действиях субъектов, основанных на их вере и согласии в достижении значимого для них или иных субъектов результата (цели). Конкретно-межличностные доверительные отношения подтверждают ценность доверия как общего блага и лежат в основе общностного доверия.

Доверие проявляет себя как объективный феномен человеческого общежития, в основе которого лежит открытость к межличностному общению. В этом аспекте доверие выступает общечеловеческой ценностью – «абсолютным благом». Оно относится к смысложизненным ценностям, таким как добро и справедливость. «Социальные ценности, - отмечает Д.А. Леонтьев, - трансцендентны индивидуальному сознанию и деятельности и, безусловно, первичны по отношению к индивидуально-психологическим ценностным

[27] Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, дополненное / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. С. 510.

образованиям. Вместе с тем они не абсолютны и не объективны в строгом смысле слова, и современные сравнительно-культурные исследования превосходно демонстрируют относительность даже высших и неколебимых ценностей любой культуры»[28].

Важно подчеркнуть, что ценность доверия обладая свойством «абсолютного блага» есть явление социальное. Оно проявляет себя в социокультурных отношениях и опосредуется традициями, религиозными и иными правилами существующими в конкретных обществах. В силу социокультурных, цивилизационных отличий, оно имеет различное содержание в схожих отношениях. К примеру, в семейных отношениях доверие в исламской семье существенно отличается от европейской. В основе отношений одной религиозные традиции, в основе отношений другой – рациональность.

Ценность доверия в его регулятивном свойстве. В различных сообществах людей доверие не только оказывает влияние на формирование и развитие личности, но и определяет характер отношений в обществе. Состояние общностного доверия порождает устойчивость межличностных отношений в плане их позитивного восприятия отношений. Сложившаяся «замиренная среда» влияет на установки личности, формирует мотивацию поступка на позитивную оценку и деятельность[29]. «Замиренная среда» не есть всеобщая гармония отношений, она представляет собой состояние согласования интересов, снятие конфликтов через существующие механизмы межличностных отношений. В условиях «замиренной среды» как состояния общностного доверия, личность свободно проявляет свою волю, которая объективно стремиться к поддержанию сложившегося порядка доверительных отношений. Личность подпитывает своей «энергией доверия» общностную среду. Доверие к другим становится частью сознания личности. Таким образом, «замиренная среда» как состояние

---

[28] Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15 – 26.

[29] Термин «замеренная среда» предложен М.М. Ковалевским. См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 15.

общностного доверия определяет установку личностей на позитивный порядок отношений.

Ценность доверия как регулятора поведения имеет важное значение для различных социальных общностей и форм общения. Отличающиеся по своему социальному составу, степени внутренней сплоченности и активности эти общности по-разному «используют» потенциал доверия. Не одинаковым образом доверие проявляет себя, к примеру, в этнической группе и профессиональном объединении. Однако вне зависимости от вида социальной общности, доверие воздействует и с разной степенью «скрепляет» общности. «В условиях атомизации общества, усиления автономности его составляющих без доверия как способа обеспечения общественного единства, соборности не обойтись…доверие значимо для обеспечения общественной лояльности, а в конечном итоге – для общественной стабильности, общественного единства, солидарности, развитой слитности общества и власти»[30].

Итак, содержание доверия заключается в ожидании субъектом отношений адекватных (положительных) и предсказуемых действий со стороны иного субъекта (субъектов), готовность вступать в эти отношения, результатом которых должно быть общностное благо, являющееся целью отношений. Доверие формируется на основе эмоциональных, чувственных и умственных оценок личности. Однако в своем итоге выражается через волевые действия субъекта (субъектов). Доверие есть проявление доброй воли. Социальная ценность доверия заключается в его регулятивном свойстве, определяющем поведение субъектов; доверие «настраивает» доверителя и доверяемого на взаимодействие в соответствии с ожидаемым поведением. Подчеркнем, доверие как ценность обусловлена стремлением личностей (людей) к объективному благу.

Доверие, рассматриваемое в социальном аспекте, предполагает отношение между субъектами опосредуемые традициями, религиозными, нравственными нормами конкретных обществ. В силу цивилизационных отличий, доверие имеет различное содержание в схожих отношениях. Социальное доверие

[30] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004. С. 36.

характеризуется как один из видов общественного капитала, который представляет собой возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его отдельных частях. Общественный капитал отличается от иных форм человеческой деятельности. Он создается через религию, традиции, исторические обычаи[31]. Отметим следующее: доверие является многомерным социальным явлением, в котором воплощаются индивидуальное и коллективное, ценностное и институциональное[32].

В последние годы проблеме доверия было посвящено ряд междисциплинарных исследований[33], а именно его определению, типам и видам, развитию, последствиям[34], функциям социально-психологического характера, а также его взаимосвязи с различными феноменами жизнедеятельности[35]. Само толкование термина «доверие» имеет множество точек зрения. В исследованиях сущность доверия раскрывается как ожидание, состояние, чувство, установка, личностное или групповое свойство[36]. В классическом понимании доверие – это уверенность в надежности, честности, компетентности другого субъект. Так, например, согласно концепции Ф. Фукуямы, доверие определяется через коллективное ожидание того, что члены определенного общества будут вести себя честно и нормально, будут готовы проявить взаимопомощь внутри сообщества, основанного на разделяемых этических ценностях и культурных практиках[37]. Д. Руссо, С. Ситкин, Р. Берт и К. Камерер под доверием подразумевают «психологическое состояние, включающее намерение принять

---

[31] Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 134.

[32]Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[33] Антоненко И. В. Доверие: понятие, генезис, структура // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2015. – Т. 9. – №. 2. – С. 34-44.

[34] Данкин Д. М. Проблема политического доверия в международных отношениях: Дис. … докт. полит. наук. М., 2000.

[35] Купрейченко А. Б. Социально-психологические функции доверия и недоверия в жизнедеятельности человека // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2005. Т. 11. № 3. С. 48–55.

[36] См.: Алексеева А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения// Социальная реальность. 2008. № 7. С. 85-98; Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7-24; Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 4-17.

[37] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

собственную уязвимость, основанное на позитивных ожиданиях относительно намерений или поведения другого»[38]. Однако определения доверия как ожиданий были наиболее распространёнными в числе проведенных в XX веке исследований[39].

Доверие не является исключительно социально-психологическим феноменом. Оно имеет нормативные характеристики и становясь важным элементом правового регулирования. Правовая природа доверия проявляется в способности конкретизироваться в виде нормативных предписаний, правовых презумпций и принципов[40]. Отмечено, что доверие в праве - это не просто эмоциональная установка, которая возникает в ходе межличностного общения, а правовая категория, которая всегда сопровождается определенными действиями. Такая характеристика доверия в праве отличает от доверия в социологии и психологии.

Одним из основных отличий доверия в праве от других социально-гуманитарных сфер проявления, определяется его субъектно-объектным составом, где и субъектом и объектом доверия может выступать не только человек, но и государство, государственные органы, институты гражданского общества и т.п. Пантыкина М.И. рассматривает доверие в праве как «когнитивную установку индивидуального правосознания», подчеркивая его значение для формирования правовой субъектности и правового поведения[41]. Такой подход позволяет понять механизм влияния доверия на реализацию правовых норм через внутренние установки индивидов, указывая на проявления правовой установки как «формы сознания и мотивации». И.З. Аюшеева и Т.В. Сойфер анализируют доверие в гражданском праве, при этом отмечая его особую

---

[38] Цит. по: Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – №. 2. – С. 34-41.

[39] См.: Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.

[40] Тихонова Ж. К. К вопросу о доверии в праве // Вопросы экономики и права. – 2019. – №. 127. – С. 7-9.

[41] Пантыкина М.И. Доверие в праве как когнитивная установка индивидуального правосознания // Философия права. 2016. №2 (75). С. 53-58.

значимость для обеспечения стабильности гражданского оборота[42]. Научный интерес вызывает также концептуальный подход, определяющих доверие в качестве ключевого механизма легитимации власти, который актуализирует анализ институциональных условий формирования доверия в современном политико-правовом пространстве[43].

По авторитетному мнению А.Н. Кокотова доверие составляет сущностную подоснову права. Само право, как регулятор отношений направлено на «выработку и поддержание необходимого уровня доверия»[44]. Он полагает, что доверие выступает также внешним фактором влияющим на право, является предметом правового регулирования, элементом правосознания, результирующим состоянием правовой действительности и ценностью, которая является объективным критерием проверки социальной действительности[45].

Разделяя мнение А.Н. Кокотова отметим, что феномен доверия в праве образует общее понятие «правовое доверие». Оно является не только средой, поддерживающей отношение к праву, закону в обществе и государстве, но и источником правоотношений, основанных на нормативных правовых актах, заслуживающих доверие. Правовое доверие является частью социального доверия. Оно связано с состоянием общества как системы взаимодействующих институтов в различных сферах. Однако правовое доверие есть самостоятельное явление. Оно одинаково значимо как в публично-правовых, так и частно-правовых отношениях. В тоже время правовое доверие становится основанием, формирующим отношения общества к другим сферам: политике, экономике,

---

[42] Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о доверии в гражданском праве // Lex russica. – 2022. – №. 11 (192). – С. 9-20.

[43] См., например: Арапов Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015; Степкин С. П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 10 (155). – С. 30-44.

[44] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. С. 43.

[45] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. С. 43.

культуре. Как отмечает Г.А. Гаджиев, «доверие к правовым институтам государства становится своего рода кислородной подушкой для экономики»[46].

Понимание правовой природы доверия основывается на его общесоциальных характеристиках, рассматриваемых в различных социальных и гуманитарных науках, поскольку такое понимание возможно только на междисциплинарной основе. Феномен доверия в настоящее время представляет собой одну из актуальных социальных проблем. Каждый человек оказывался в ситуации доверия или недоверия на любом этапе его формирования и развития как личности, при различных видах деятельности, а также во всех возможных социальных сферах общества. Однако значимость доверия заключается не только в том, что его присутствие носит тотальный характер во всех социальных взаимодействиях, но обусловлено социальной проблемой доверия, а именно - укоренившееся тенденцией снижения уровня доверия в обществе[47], отмечаемой в целом ряде социологических исследований[48] и научных публикаций в различных науках[49].

Отметим, актуальность механизмов правового доверия как на уровне правотворческой, так и правоприменительной практики. Важным также является доверие общества к субъектам власти, принимающим и реализующим нормотворческие решения. Не менее важным являются доверительные отношения между гражданами, их объединениями. В целом, доверие к праву выступает важнейшим ресурсом поддержания политико-правового порядка[50].

В правовых отношениях доверие складывается в условиях предсказуемых решений и действий институтов публичной власти, на основе стабильного

---

[46] Гаджиев Г.А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. 2012. № 1. С 10.

[47] Число россиян, не доверяющих окружающим, выросло до 46% за пять лет // Деловой Петербург. 2025. 9 сентября. URL: https://www.dp.ru/a/2025/09/09/chislo-rossijan--ne-doverjajushhih (дата обращения: 12.12.2025 г.).

[48] ВЦИОМ: россияне становятся менее доверчивыми // BFM. 2025. 9 сентября. URL: https://www.bfm.ru/news/583606 (дата обращения: 12.12.2025 г.).

[49] Eisenstadt S. N. Power, trust, and meaning. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.

[50] Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 37 – 42.

права[51]. Доверие обеспечивается посредством различных форм взаимодействия институтов гражданского общества с органами публичной власти, включая правовые механизмы разрешения споров. В публично-правовой сфере доверие заключается в правомерном ожидании граждан, что органы публичной власти, должностные лица будут действовать на основе права, обеспечивая, а в необходимых случаях защищая их права. В частно-правовой сфере доверие является основой свободы действий между гражданами, их объединениями для достижении индивидуальных и общих целей, решения частных и общественных задач. Правовое доверие формализуется в правовых институтах, юридических конструкциях и основанных на праве действиях субъектов. Важным результатом доверия выступает «замиренная среда» как состояние общностного доверия.

«Правовое доверие — это рациональная оценка надежности, а не интуитивная. Основывается на наличии правовых и институциональных гарантий, носит деперсонализированный характер. Правовое доверие выступает в качестве нематериального актива демократического государства. Государство и гражданское общество должны поддерживать правовое доверие в состоянии баланса, чтобы не смещать вектор движения к любой абсолютизации (тотальное доверие/недоверие). Доверие не заменяет контроль, но и не существует без его рамок»[52].

В конституционном государстве отношения между гражданами и органами публичной власти соответствуют действующей конституции, содержащей правовые ценности, принципы и нормы, направленные на обеспечение конституционного правопорядка, сочетающего свободу граждан и взаимную ответственность граждан и государства[53]. При этом конституция должна отражать

---

[51]Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[52] Володина С.В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. - 2026.- Т. 21. № 5 (186). - С.41 - 49.

[53] См., например: Бернацкий Г.Г. В обществе есть ценности не менее высокие, чем права и свободы человека // Конституционализм: идеал и/или реальность: Сборник материалов дискуссии за круглым столом 4 февраля 2011 / Под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М.: Институт права и публичной политики, 2012. - С. 93 – 98; Крусс В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. – М: Норма, 2007. С. 179 – 209.

устои общества, не вступать в противоречие с национальными ценностями общества (народа). Это одно из начальных условий для создания конституционного правопорядка и отношений правового доверия[54]. «Конституция - это формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства, - отмечает В.Д. Зорькин, - базой которого должен быть реальный общественный договор между основными социальными слоями и группами нашего общества»[55]. Общественное доверие, как доверие между людьми, между социальными группами, между обществом и властью, по его мнению составляет одну из важнейших проблем российского общества, которая должна решаться формальными правовыми регулятивными механизмами «в осознанном сопряжении с неформальными моральными механизмами»[56].

Если в основе социального доверия лежат нравственные, религиозные, иные социальные ценности, то в основе правового доверия – конституционные ценности.

В работах российских исследователей сложилось неоднозначное понимание и выражение конституционных ценностей. Они определяются в качестве принципов, целей, установок, идей, явлений, социально значимых обстоятельств[57].

Так, по мнению О.А. Снежко под конституционными ценностями следует понимать основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), лежащие в основе российской государственности[58].

Схожая позиция выражена в диссертациях Е. В. Ереклинцевой и Г. Б. Ройзмана, которая заключается признании конституционных ценностей как

Невинский В.В. Избранные труды / В.В. Невинский. – М.: Норма, 2021. – С. 95 – 113.

[54] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[55] Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 29 апреля 2013.

[56] Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 29 апреля 2013.

[57] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[58] Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 13.

приоритетных социальных принципов (целей, установок), которые выражены в Конституции РФ или являющиеся результатом конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающие оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов[59].

С позиции Д.А. Авдеева конституционными ценностями выступают идеи, явления или социально значимые обстоятельства, которые закреплены в конституциях. Они предопределяют содержание норм текущего законодательства. В качестве общечеловеческих ценностей, он указывает следующие: правовая свобода, собственность, общественный правопорядок и государственная безопасность[60].

Конституционные ценности, по мнению А.А. Кондрашева, есть «общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией». Они закреплены в конституции или выявляются в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия на основе системного толкования. А.А. Кондрашев полагает, что цель конституционных ценностей заключается в обеспечении должного соотношения интересов личности, общества и государства. При этом высшей ценностью являются личные права человека»[61].

Более широкий подход в понимании конституционных ценностей предложен В.М. Бурлой. По ее мнению, это социальные ценности (цели, приоритеты, принципы организации и деятельности государства) которые получили отражение в конституции. Их особенность заключается в значимости для государства («государственно организованного общества») в конкретный

---

[59] Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 12; Ройзман Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С.8.

[60] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 2 (22). С. 76 – 77.

[61] Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России / А. А. Кондрашов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 22 (21-29).

исторический период. Конституционные ценности есть «инструмент государственного целеполагания». Соответственно они имеют стратегическое (программное) значение; направлены на «обеспечение оптимального устойчивого развития и сбалансированной конституционно-правовой защиты личности, общества и государства»[62].

Иная позиция выражена в работе А.А. Сухановой. По ее мнению, конституционные ценности есть система закрепленных в нормах конституции приоритетных установок политического, экономического, правового, социального, нравственного, духовного характера[63].

В литературе выражено мнение о существовании трех блоков конституционных ценностей: первый блок составляют конституционные ценности, которые закреплены в Конституции РФ; второй блок образуют конституционные ценности, которые выявляются Конституционным Судом в процессе интерпретации; третий блок ценностей выявляется учеными при исследовании Конституции Российской Федерации[64]. Заявленная позиция снижает объективный характер конституционных ценностей. С одной стороны, конституционные ценности «выявляются» органом конституционной юстиции, с другой определяются субъективными мнениями и предпочтениями исследователей. Неопределенность возникает при оценке положений Конституции, определяемые автором в качестве конституционных ценностей.

Такой подход приводит, например, к выводу о том, что к конституционным ценностям относятся права и свободы человека и гражданина, правовая государственность, единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, равная защита форм собственности,

---

[62] Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 11–26.

[63] Суханова А.А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации: дис. …канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 12 – 13.

[64] См.: Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1 – 8. С. 1387.

идеологический и политический плюрализм, гражданство, демократия и народный суверенитет, государственный суверенитет Российской Федерации, федерализм, республиканская форма правления, разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, светский характер государства, разграничение государственной власти и местного самоуправления[65]. При этом перечень конституционных ценностей не является исчерпывающим и может подлежать изменению в силу динамичного характера[66]. Вышеуказанный перечень позволяет заключить, что к конституционным ценностям отнесены принципы, конституционные определения характера государственности, государственного (политического) режима, правовые институты и др. Таким образом, к конституционным ценностям отнесен неопределенный состав конституционных положений, который может дополняться в текущем законодательстве.

Обзор позиций отечественных исследователей позволяет заключить, что определение конституционных ценностей осуществляется через категории - принципы, цели, идеи, установки, нормы, правовые, институты, конституционные определения государственности и др. Получается, что конституционные ценности не имеют самостоятельного содержания и формы выражения, поскольку являются принципами, установками, нормами, институтами, правами человека и т.д. При этом нередко в указанных выше мнениях не представлена правовая характеристика закрепленных в Конституции России ценностей. Такой подход не способствует раскрытию конституционных ценностей как самостоятельного явления. Тем самым нивелируется значение категории «конституционные ценности»[67].

В социально-философском аспекте ценности есть то, что не относится к знанию, не является истиной или заблуждением. Они содержат собственные основания. «Ценности предельны, абсолютны, равны сами себе. Это - то, что в

---

[65] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[66] Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского университета. Серия: Право. 2015. № 23 (378). С.53.

[67] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

обыденной речи называют словом «святое»»[68]. Конституционные ценности имеют различные, лежащие в их основе социальные явления (сущности), включая универсальные (например, гражданский мир, добро, справедливость). Они являются благом и не могут быть определены как «наиболее значимые» или «значимые». Однако это блага особого порядка. Они выражены в нормативном правовом акте обладающим высшей юридической силой, который учреждает правовую систему и предопределяет последующую правовую практику. Верно отмечается, что конституционные ценности получают развитие в нормах конституционного строя[69].

Конституционные ценности отражают и выражают общенациональную идентичность, преемственность и одновременно устремленности нации. Выражение конституционных ценностей – задача создателей конституции. Однако, при текстуальном выражении ценностей в Конституции, создатели всегда «интеллектуально связаны» исторически переживаемым периодом, необходимостью его отражения, учитывая особенности прежнего периода и устремления в будущность[70]. В действующей Конституции России конституционные ценности, выраженные в преамбуле, суммативно отразили национальную идентичность, преемственность и устремленность российской государственности. Отмечается, что Конституция не просто фиксирует в концентрированном виде систему национальных ценностей и идеалов, а «придает им качество принципиальных нормативных оснований действия, определяет их смыслообразующее значение в законодательстве, правоприменении, правосудии»[71].

---

[68] См.: Гусейнов А.А. Философия: между знаниями и ценностями // Философия науки. 2001. № 2. С. 19.

[69] Румянцев О.Г. Том. I. Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание, вопросы становления. Монография (1994). Практикум (2023) – М.: Инфотропик Медиа, 2024. – С. 48.

[70] См. подробнее: Невинский В.В. Избранные труды // В.В. Невинский. – М., Норма, 2021. С. 117 – 119.

[71] Кабышев С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию) / С.В. Кабышев.- М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. - С. 40.

В преамбуле закреплен «многонациональный народ Российской Федерации» как особый субъект конституционных отношений осуществивший учреждение конституционного строя; «общая судьба на своей земле» как явление общественного и государственного развития в исторической (прошлом, настоящем и будущем) проекции, в рамках территории государства; «права и свободы человека» как феномены российского права и конституционная ценность; «гражданский мир и согласие» - основанные на доверии, условие и цель общественного и государственного развития; «исторически сложившееся государственное единство» - ценность объединения в сложившейся государственной форме; «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов» - признание важности принципов международного права как основы международного правопорядка; «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» - идеальные объекты («память предков, Отечество») и нравственные категории («добро и справедливость») как часть права; «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы» – неотъемлемое качество государства («суверенность») и конституционный режим; «стремясь обеспечить благополучие и процветание России» - цель развития российского государства и общества, определяемая посредством социальных категорий; «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» - ценность Родины, как идеального объекта, подлежащего сохранению социальными общностями ; «осознавая себя частью мирового сообщества» - утверждение роли страны в международных отношениях[72]. Отметим, что конституционные ценности образуют системное единство, а не иерархию[73].

---

[72] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[73] Исходя из композиционного и содержательного единства конституционных ценностей, вызывает сомнение стремление при помощи схем выстроить их иерархию. См.: Шустров Д.Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. - С. 14 – 26.

Итак, в содержательном плане, в преамбуле определен особый субъект конституционных отношений – многонациональный народ Российской Федерации, от имени которого принимается Конституция. Преамбула закрепляет как абсолютные ценности «память предков, Отечество, Родина, Россия», «добро, справедливость» имеющие безусловный характер, так и ценности, относимые к государственно-правовым (суверенитет, демократия, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, государственное единство и др.) и международно-правовым (общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов) явлениям. Через закрепленные в преамбуле ценности осуществляется самоиндентификация многонационального народа как субъекта, учреждающего конституционный строй и стремящегося обеспечить «благополучие и процветание России». Преамбула содержит ответ на вопрос кто мы и какие ценности для нас важны?[74]

Конституционные ценности обладают свойством нормативности особого рода, не сводимой к нормативности принципа или нормы. Их нормативность обусловлена авторитетом и юридической силой Конституции. Конституционные ценности, имея оригинальное текстуально-формальное выражение, определяют: источник суверенной власти; значимость социальных, общественных и государственных явлений (институтов), обуславливающих конституционные отношения; разделяемые российским обществом блага; конституционные цели[75]. Они предопределяют смысловое и юридическое содержание иных конституционных положений (принципов, норм, презумпций и т.д.). Как верно отмечает В.И. Крусс, без композиционно-целостного восприятия ценностей преамбулы Конституции РФ, нельзя уяснить содержательное значение основ

[74] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[75] Сравнительно-правовое исследование закрепляемых в преамбулах конституционных ценностей приводит авторов к выводу о схожести «смысловых блоков». См., подробнее: Троицкая А.А., Храмова Т.М. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). - С. 58. Однако в содержательном плане преамбула каждой из конституций направлена на утверждение национальной идентичности.

конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, иных благ и возможностей, отраженных в главах Конституции[76].

Обладая правовым свойством регулятивного воздействия, конституционные ценности, мотивируют субъектов отношений на конституционно должное поведение. Соответственно участники правовых отношений обязаны соотносить свое поведение с изложенными в преамбуле конституционными ценностями как «идеальными» правовыми критериями долженствования. Конституционные ценности влияя на содержание иных положений Конституции Российской Федерации, изложенные в виде принципов, норм, презумпций и т.п., являются основой для правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти. Российское право, как система норм, основанная и функционирующая на принципах, должно следовать в своем развитии к установленным в Конституции целям, обеспечивая конституционно определяемые преамбулой блага. По мнению Н.Е. Таевой, «конституционные ценности – это сложная конституционно-доктринальная, юридико-логическая и нормативная конструкция, возникающая как результат реализации аксиологической функции конституции»[77].

Выраженные в преамбуле ценности являются основой для формирования конституционного правосознания граждан Российской Федерации, образующих многонациональный народ Российской Федерации[78]. Ценности служат основой для правовой мотивации поведения граждан[79]. Закрепленные в преамбуле ценности являются основой должной конституционной мотивации органов публичной власти, обеспечивающих «перевод» конституционных ценностей в нормотворческую и правоприменительную практику. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде постановлений указывает на взаимосвязь

---

[76] Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография /В.И. Крусс. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 63 – 64.

[77] Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2 – 5.

[78] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

[79] Титова Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: автореф. дисс. …докт. юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 16 – 17.

основополагающих ценностей закрепленных в преамбуле с иными положениями Конституции РФ, которые должны учитываться законодателем и правоприменителем. Так, в постановлении от 24 марта 2022 г. Суд подчеркнул, что в качестве одной из основополагающих ценностей, объединяющих многонациональный народ Российской Федерации, Конституция Российской Федерации в своей преамбуле называет веру в добро и справедливость. Конкретные правовые механизмы, созданные на основе конституционных положений, трансформируют общее требование справедливости, относящееся к духу Конституции Российской Федерации, в конституционно-правовой принцип, воплощенный в ее букве[80]. Речь идет о провозглашенном в ст. 19 принципе равенства, который также служит проявлением справедливости.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ при характеристике отраженных в преамбуле ценностей использует категорию «дух» подчеркивая особость их положения в Конституции Российской Федерации. Это вполне обосновано. Закрепленные в преамбуле ценности выражают различные по своей сути явления, отражающие устои общества и государства. Конституционные ценности имеют собственную правовую сущность, не сводимую к идее или установке, принципу или норме. Они являются выражением самоидентификации многонационального народа Российской Федерации учреждающего конституционный строй и в силу этого являются конституционными ценностями, в абсолютном значении данного понятия. В таких конституционных ценностях, как Отечество, добро, справедливость, доверие, гражданский мир, согласие выражаются устои и закрепляются правовые ориентиры развития общества и государства. Они есть признаваемое многонациональным народом России в качестве «абсолютного и безусловного». В конституционных ценностях находит

[80] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2022 года № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189/91 и пункта 31 статьи 189/96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки И.В. Рехиной // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2371.

отражение социальное и бытийное существование многонационального народа России на своей земле, выраженное в форме положений преамбулы.

Следует обратить внимание, что принятые в 2020 г. поправки в Конституцию Российской Федерации в ряде новых статей и дополненных (обновленных) статей содержат положения, направленные на развитие конституционных ценностей, закрепленных в преамбуле. Это к примеру, положения ст. 67.1 о сохранении памяти предков, преемственности в развитии Российского государства, исторически сложившемся государственном единстве; положения ст. 75.1 о взаимном доверии государства и общества, сбалансированности прав и обязанностей, социальной солидарности; положение ст. 79.1 о принятие Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, недопущению вмешательства во внутренние дела государства. «Включение в Конституцию РФ новой статьи 67.1, – отмечают Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, – служит развитию ценностного содержания российской Конституции, решает задачи, которые в 1993 г. в силу исторических причин не получили необходимого отражения в Основном законе»[81].

В Преамбуле конституцируется особое условие и цель, выступающее основой государственного и общественного порядка и развития России – «гражданский мир и согласие». Достижение этого состояния невозможно без доверия, складывающегося (существующего) как во взаимодействии граждан и государства, так и в рамках общественных, гражданских отношений. «Нормальное правосознание утверждает - пишет И.А. Ильин, - что государство по своей идее есть живая система всеобщего доверия. Исторические государства должны постоянно стремиться к этому идеалу; от достижения его зависит вся правовая жизнь народа и вся его политическая судьба. Есть необходимый минимум взаимного – общественного и политического доверия: вне его

[81] Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма – Инфра-М, 2020. С. 204.

государство не может существовать; есть крайний максимум отсутствия доверия, за которым государство начинает заживо разлагаться»[82].

Конституция Российской Федерации объединяет интересы публичной власти и граждан в достижении конституционно установленных целей на основе конституционно обусловленного доверия. Перевод доверия из социального явления в конституционное положение означает не только формальное признание доверия как ценности, но и установление цели конституционного развития («гражданский мир и согласие») имеющей важнейшее значение для утверждения нового конституционного строя. При этом следует отметить, что доверие как конституционная ценность лежит в основе иных постулируемых преамбулой ценностей: доверие к предкам, доверие в утверждение демократической основы, доверие к Родине, будущность которой состоит в благополучии и процветании, доверие к мировому сообществу и других. Преамбула закрепляет веру в «добро и справедливость» как абсолютные конституционные ценности, наряду с доверием. В последнем положении отражается доверие не к самим постулируемым ценностям, они абсолютны, а к учреждаемому конституционному устройству, деятельности публичной власти, взаимоотношениям власти и общества, взаимодействию институтов гражданского общества, которые должны быть справедливыми и основываться на доверии.

Доверие становится частью провозглашаемого конституционного правопорядка. Будучи отражением потребности государства и общества в создании конституционного правопорядка доверие как ценность служит достижению закрепленных целей развития, выступает критерием оценки институтов публичной власти и гражданского общества, деятельности субъектов конституционных правоотношений, прежде всего органов публичной власти[83].

1.2. Конституционные принципы и их значение в правовой системе

---

[82] Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, дополненное / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. С. 521.

[83] Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. № 3 (172). С. 75 – 86.

В отечественной юридической науке вопрос о принципах права и конституционных принципах, в частности, обсуждается достаточно активно[84]. Вместе с тем, данный вопрос не получил завершенного в научном плане разрешения в раскрытии юридической природы, назначения и практической роли конституционных принципов.

В работах дореволюционных ученых принципы права рассматривались многоаспектно. «То, что люди называют принципом, - писал С.А. Муромцев, - есть, в сущности, только обобщенное описание или выражение совокупности общих свойств («общего смысла») существовавшего или существующего порядка, существовавших или существующих правил, отношений, действий. Таким образом, юридический принцип выражает собой явление истории права, или, точнее, некоторую совокупность историко-юридических явлений»[85]. И далее С.А. Муромцев уточняет: «Юридический принцип служит формулой, которая определяет так или иначе известную группу правовых отношений и соответствующую им правовых постановлений. Напротив, закон составляет формулу, которая определяет отношение этих отношений и постановлений как исторических фактов между собой или к другим историческим фактам»[86].

Б.А. Кистяковский, рассуждая о правовом государстве, отмечает: «Так как свое высшее выражение верховная власть получает в законодательстве, то из этого следует, что в правовом государстве именно для законодательства установлены известные границы. Такие границы создаются, однако, не какой-либо другой государственной или хотя бы негосударственной властью, а известными принципами и правовыми отношениями, которых государственная власть не может нарушать»[87]. Применительно к принципам прав человека, закрепленным в Декларации прав человека и гражданина 1789г., он писал: «…принципы декларации прав должны рассматриваться как нечто независимое от

---

[84] Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т.76. № 12. (205). С.52 – 60.
[85] Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 93.
[86] Там же. С. 29 – 30.
[87] Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указа. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1998. С. 285.

того или иного законодательного акта, в котором они были выражены. Еще важнее не забывать, что оценка их не должна ставиться в какую-либо связь с тем или иным применением, которое они получили в жизни»[88].

Принципы права признаются самостоятельным явлением, выраженным в законодательстве как «общая мысль»; в качестве исторически развиваемого «общего смысла», выражающего общие свойства юридических правил; представляющие собой идею как часть правового сознания, предшествующую выражению в законодательстве. Следует отметить, что в дореволюционной юридической литературе феномен принципа обсуждался исходя из действующего законодательства Российской империи либо зарубежного конституционного опыта.

В советской теории права принципы рассматривались как отражение объективной закономерности социалистического строительства[89], «идейно-правовые основы»[90], как выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие содержание права, его основы, закрепленные в них закономерности общественной жизни[91], объективно обусловленные начала в соответствии с которыми строится система права[92], начала, отправные идеи бытия права, обладающие универсальностью, высшей императивностью и общезначимостью[93]. В советском государствоведении указывалось на самостоятельность принципов, выделялась их особенность как «общих норм»[94]. Характеризуя правовые принципы советские ученые определяют их в качестве

---

[88] Там же. С. 286.

[89] Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 17.

[90] Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976. С. 208.

[91] Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. С. 102.

[92] Лукашова Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21.

[93] Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М.: Юрид. лит., 1978. С. 11.

[94] Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1969. С. 46

«начал», обусловленных экономическим строем (формацией), которые выражают (отражают) объективные закономерности развития общества и системы права.

Разрабатываемое в советской теории права понятие принципов находилось под очевидным влиянием идеологических установок. Определение принципов как руководящих начал, «идейно-правовой основы» построения системы права, не способствовало раскрытию юридической природы и собственных (юридических) характеристик правовых принципов. Вместе с тем, в советской теории прослеживается тенденция объективации принципов как особых явлений в праве. В современный период сложилась обширная литература о правовой природе, функциях, основаниях классификации и особенностях принципов права в общей теории права[95], конституционном праве[96] и отраслевых науках[97].

В постсоветский период представление о принципах как «началах» сохраняет свое влияние. Б.С. Эбзеев полагает, что это основополагающие начала, ключевые идеи и положения, которые определяют и выражают сущность

---

[95] См., например: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001; Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. Самара, 2005; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. – М.: Изд – во Института государства и права РАН, 1993. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008; Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 5 – 36.

[96] Например: Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 69 - 77; Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001; Белкин А.А. Государственное право: юридическая техника и юридические категории: избранные статьи. – М., 2007; Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002; Кравец И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка: монография / И.А. Кравец. – М.: РУСАЙНС, 2017; Умнова-Конюхова И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики / И.А. Умнова-Конюхова. – М.: РГУП, 2019; Алешкова, И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография / И.А. Алешкова ; РАН, ИНИОН, отд. правоведения ; под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. – Москва, 2022.

[97] См., например: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2019; Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства. : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2022; Тулинова Б. О принципах правосудия по гражданским и административным делам и о своеобразии принципа доверия к суду и правосудию // Современное право. 2014. № 2. С. 99 – 103.

конституционного права[98]. По мнению В.В. Невинского, конституционные принципы являются общими, руководящими началами конституционно-правового регулирования, которые обладают высшей степенью нормативной обобщенности[99].

Наряду с указанием на то, что принцип является «началом» («руководящим началом»), выделяется нормативный характер принципов конституционного права, их определяющее значение в формировании конституционного права и высокий регулятивный потенциал в системе конституционного права. О.Е. Кутафин обосновывает положение о конституционных принципах как нормах, закрепляющих устои государства; они содержатся в основах конституционного строя и призваны обеспечить для России характер конституционного государства[100].

Наряду с содержательной характеристикой конституционных принципов С.А. Авакьян обращает внимание на их важную роль в государственной и общественной жизни. Он отмечает, что принципы конституционного права помогают формировать общественное сознание, вместе с тем, положения конституции должны стать частью общественного сознания[101].

Следует отметить, что по мере развития отечественной конституционной теории на основе осмысления положений действующей Конституции Российской Федерации и анализа практики ее применения и, особенно деятельности Конституционного Суда РФ, развивается системное и практико-ориентированное теоретическое исследование конституционных принципов.

Обстоятельное рассмотрение феномена «принцип» в конституционном праве осуществлено в монографии Н.А. Богдановой «Система науки конституционного права». По ее мнению, принцип в теории конституционного права является сущностным образованием. В силу того, что принципы

---

[98] Конституционное право России: Учебник / под ред. Б.С. Эбзеева. М., 2012. С. 23.
[99] Невинский В.В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционных принципов // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002 С. 194.
[100] Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 193.
[101] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. – М., 2000. С. 211.

направлены на обоснование идеи, заложенной в основе выбора модели правового регулирования, устройства государства и общественных институтов, их выделение как самостоятельного явления имеет методологическое значение, выводит конституционную теорию на уровень философии права. Н.А. Богданова полагает, что конституционные принципы имеют объективный характер, ибо основываются на опыте, «отражают конституционно-правовую действительность, апробируются практикой и объясняют ее»[102].

Н.А. Богданова разграничивает конституционные принципы на принципы науки и принципы как правовые установления (нормы). Конституционные принципы в науке - идеи (фундаментальные, важные), на основе которых разворачивается осмысление проблем, осуществляются теоретические построения. Принципы конституционного права это обобщенные положения, получившие закрепление в конституционном праве в виде норм. Они являются общими правовыми ориентирами для субъектов конституционно-правовых отношений[103].

В рассуждения Н.А. Богдановой о принципах науки представляется значимым указание на мировоззренческую позицию исследователя. Данный вывод подтверждается научными работами, посвященными общим принципам права и отраслевым принципам.

Так, например, К.В. Ведяхина, исследуя вопрос об основных нравственно-этических и социально-политических принципах российского права, указывает на необходимость их рассмотрения с позиции концепции единства взаимосвязи естественного и позитивного права и концепции правового государства. На этом основывается предлагаемая автором классификация принципов[104]. В советской юридической науке профессор Л. С. Явич в работе, посвященной разработке общей теории права, выделял социально-экономические, политические, идеологические, этические, религиозные и специально-юридические принципы права. Он

---

[102] Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. С. 165 - 166.
[103] Богданова Н.А. Система науки конституционного права. С. 166 – 169.
[104] Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: автореф. дис. …канд. юрид. наук.. - Волгоград, 2001. С. 7.

подчеркивал: «За исключением специально-юридических принципов все перечисленные принципы отражают предмет правового воздействия и содержание воли господствующих классов в праве»[105]. В специально-юридических принципах, по мнению автора, отражаются особенности права как такового, и на их основе строится вся структура правовой реальности данной общественно-экономической формации.

Вышеуказанные позиции авторов по обсуждаемой проблеме принципов права основаны на различных идеологических позициях[106].

В современном отечественном конституционном праве концептуальные подходы в раскрытии содержания и роли принципов основаны на признании определяющего значения Конституции и интерпретационной практики Конституционного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, отсутствует завершенность в понимании принципов как «феноменов», их роли в правовой системе.

Характеристика выражения существа конституционных принципов осуществляется через категории «идея», «основа», «начало», «обобщенное положение», в различных вариациях.

Применение категорий «основа», «начало» не способствует выявлению сущности конституционного принципа, а указывает на связь с источником - конституцией, признаваемой в современной конституционной теории и практике нормативным правовым актом обладающим высшей юридической силой.

Конституционный принцип является продуктом интеллектуальной деятельности. Создатели конституции вводя тот или иной принцип в текст конституции свободны в выборе формулировок. Однако эта свобода усмотрения обуславливается: во-первых, историческим периодом (ситуацией) разработки текста; во-вторых, уровнем правовой культуры создателей; в-третьих, конституционными традициями страны.

---

[105] Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 151.

[106] Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т.76. № 12. (205). С.52 – 60.

Это явно прослеживается на примере советских конституций при формулировании принципа равенства. В Конституции РСФСР 1918 г., впервые закрепившей этот принцип было установлено: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия» (ст. 22)[107]. В статье указаны основания, по которым запрещено ограничение в правах – расовая и национальная принадлежность. Создали Конституции признали данные основания наиболее актуальными для многонационального государства.

Этот подход сохраняется в Конституции СССР 1936 г. «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом» (ч. 1 ст. 123). Во второй части данной статьи установлен запрет на «прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ» по этим основаниям. Вместе с тем, в отдельной статье закрепляется положение о равных правах женщины с мужчиной (ст. 122)[108]. Создатели Конституции, закрепляя и принцип равных прав и сохраняя преемственность в установлении оснований, посчитали необходимым дополнить принцип указанием на равенство прав женщин и мужчин во всех областях общественной и государственной жизни.

В Конституции СССР 1977 г. принцип равноправия получает более четкое юридико-техническое выражение и обоснование. Расширен перечень оснований, по которым запрещено ограничение в правах. Создатели Конституции посчитали необходимым «раскрыть» содержание принципа в трех отдельных статьях. В тоже время, сохраняется конституционная традиция с позиции оснований (раса и

[107] https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения - 12.05.2024)
[108] https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения - 12.05.2024)

национальность) и субъектов равноправия (женщины и мужчины). «Граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» (ст. 34)[109]. В последующих двух статьях (ст. 35, 36) раскрывается содержание принципа применительно к аспекту равенства женщины и мужчины, а также в плане этнического равенства (расы и национальности).

Создатели действующей Конституции Российской Федерации в наиболее лаконичной формулировке выразили принцип равенства: «Все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19).

Приведенные положения конституций о принципе равноправия свидетельствуют об отражении в тексте не только «переживаемого исторического периода», но и о преемственности применительно к содержательным аспектам принципа, а также уровне правовой культуры, отраженной в формулировках принципа.

Следует отметить, что «появление» принципа в конституции может являться результатом конституционной рецепции. Примером является закрепление в Конституции РФ принципа разделения властей (ст. 10). Данный принцип был заимствован создателями Конституции из европейского конституционного опыта[110]. В литературе отмечается отсутствие единых подходов как в понимании принципа разделения властей, так и исчерпывающего определения «ветвей» государственной власти[111].

---

[109] https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (дата обращения - 12.05.2024)

[110] См., например: Сравнительное конституционное право. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. С. 428 – 433; Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 296 – 300; Чеботарев Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. – Тюмень, 1997. С. 15 – 19.

[111] Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. С. 234 – 235.

Несомненно, конституционные принципы выражают идеи. Создателями конституции они определяются в виде содержательных формул на основе логики «развертывания» идеи, имеющей существенное значение для правовой системы страны. Конституционные принципы являются логической концентрацией правового материала на основе национальной практики, предшествующего опыта или заимствованного опыта зарубежных государств. Этим объясняется абстрактность принципа, наряду с формальной определенностью. Сформулированные в виде конституционного принципа идеи являются правилом, выражающим объективное право; они есть требование, которое является одновременно целью и условием действия национального права и правоприменения. Конституционный принцип определяет границы правомерного поведения субъектов правоотношений. Именно поэтому принципам свойственна императивность. Отметим, что конституционные принципы являются неизменным атрибутом текстов современных конституций.

Следует подчеркнуть, что конституционные принципы образуют системное единство. Как отмечал О.Е. Кутафин, «каждый конституционный принцип существует не сам по себе. Они конституционируют государство в совокупности и потому должны рассматриваться только во взаимосвязи. Конституционные принципы могут дополнять и конкретизировать друг друга, все они находятся во взаимозависимости»[112].

По своей юридической природе конституционные принципы не сводимы нормам. Они являются нетипичными правовыми предписаниями или нормативными предписаниями, но не являются нормами[113]. Они не являются нормами права в «классическом» понимании; не содержат элементы нормы (гипотезу, диспозицию, санкцию)[114]. Определение конституционных принципов как «нормы» или «нормы-принципа» является не верным, лишает их

[112] Кутафин О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. М.: Норма, 2008. С. 194.
[113]См.: Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. – Волгоград, 2001; Карташев В.Н. Теория правовой системы общества: Учеб. Пособие: в 2 т. Т. 1. – Яролавль, 2005. С. 102 – 105.
[114] Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т.76. № 12. (205). С.52 – 60.

самостоятельного значения в организации системного единства национального права.

Тексты современных конституций отличаются сложностью не только с позиции аксиологического содержания, отражения и выражения ценностей общества и государства, регулирования конкретных отношений, но и структурной сложностью в аспекте юридико-техническом. В самой природе современной конституции как акта высшей юридической силы в правовой системе государства, заложено «разнообразие» структурных элементов текста. Наряду с нормами в конституции содержатся нетипичные нормативные предписания – ценности, принципы, определения, презумпции, фикции[115].

Так, в конституциях, как правило содержатся преамбулы, как особые струтурно-содержательные части текстов. По конкретному содержанию тексты преамбул различаются. Однако, как правило, преамбулы в патетической форме «объясняют» предназначение принимаемых конституций и, как отмечалось в предыдущем параграфе, отражают и выражают общенациональную идентичность и устремленности нации[116]. По своей юридической природе, как отмечалось, преамбулы содержат нормативные предписания. Несмотря на специфику текстуального выражения преамбулы имеют правовое значение и могут применяться органами конституционной юстиции, например, в процессе толкования положений Конституции и при разрешении дела в порядке конкретного нормоконтроля.

Иными нетипичными правовыми предписаниями в тексте конституций являются определения или характеристики государства, являющиеся целями государственного развития. Именно в этом их предназначение в конституции

---

[115] См., например: Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве. М., 2009; Филимонова И.В. Юридические фикции в праве России: история и современность. – М.: Юрлитинформ, 2012.

[116] См., например, преамбулы Конституции США, Основного закона ФРГ, Конституции Японии, Союзной Конституции Швейцарской Конфедерации.

государства. Поэтому данные элементы текста конституции не являются принципами или нормами[117].

Конституционные характеристики государства имеет важное значение для оценки сложившихся на практике конституционных отношений. Они могут использоваться также для оценки действующего законодательства на предмет соответствия Конституции органом конституционной юстиции в качестве аргументов в итоговых решениях[118].

В науке конституционного права раскрытие характеристик государства составляет основу построения концепций, для исследования многообразия институтов государства, их отношений с иными субъектами, например, институтами гражданского общества. Исходя из научных концепций разрабатываются проблемы и предлагаются решения для достижения конституционно значимых целей, определяемых положениями о демократическом, правовом, социальном государстве[119].

Подчеркнем, что конституционные характеристики государства не являются конституционными принципами в специальном значении. Это конституционные «определения», а в некоторых случаях - конституционные «дефиниции», включаемые создателями текстов конституций для выражения и закрепления высоких целей развития государственности[120].

---

[117]Богданова Н.А. Система науки конституционного права. С. 173.

[118] См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 № 11-П; постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 № 2-П; постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 № 24-П.

[119] Например: Руденко В.Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе: автореферат дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2003; Осейчук В. И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: автореферат дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.02. Тюмень, 2009; Галустова К. Р. Конституционно-правовые основы формирования Российской Федерации как социального государства и перспективы его развития в условиях модернизации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 - М., 2010.

[120] Например, в Конституции Французской Республики определено: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой» (ст. 1); Согласно Конституции королевства Испания: «Испания конституируется в правовое, социальное, демократическое государство, которое »провозглашает высшими ценностями правопорядка свободу, справедливость, равенство, политический плюрализм» (ст. 1); По Конституции Итальянской Республики: «Италия – демократическая Республика, основывающаяся на труде» (ст. 1).

Современные конституции отражают общую тенденцию включения в предмет регулирования, наряду с традиционным (устройство государства, организация государственной власти, личные и политические права граждан), комплекса экономических, социальных отношений, статуса институтов гражданского общества (политических партий, профсоюзов, религиозных организаций и др.), внешнеполитическую (международная) деятельность государства; расширяется состав прав личности (экономические, социальные, в сфере культуры и др.), более подробно регулируются «новые» отношения (экологические, в сфере науки и т.п.)[121]. Г. Хессе, оценивая современную конституцию как «основной порядок жизни общества», подчеркивает, что она не ограничивается установлением государственного строя, а охватывает регулированием «основы устройства негосударственной жизни»[122]. В текстах конституций появляются «новые» принципы (например, о действии норм международного права в национальной правовой системе), расширяются границы действия закрепленных принципов (например, в отношении реализации принципа равноправия в связи с «цифровыми правами»).

Конституционные принципы обладают качеством объективности[123]. Они отражают господствующее, выраженное в Конституции РФ представление о должном праве, основаниях и условиях его осуществления. Конституционные принципы являются концентрированным выражением («движущими идеями») развития правовых и общественных отношений. Однако, являясь в высокой степени абстрактными положениями для целей практического воплощения, требуют «раскрытия» юридического содержания. Во многом содержание данных принципов раскрывается в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Однако представления о содержании принципа вправе выразить и иные органы публичной власти. Например, в Федеральном конституционном

[121] См., например: Конституция Аргентины (ст. 41), Конституция Федеративной Республики Бразилия (ст. 5), Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации (ст. ст. 64, 65, 120).
[122] Хессе Г. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 28 – 29.
[123] См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. С. 165; Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 36.

законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», в главе IV «Принципы конституционного судопроизводства» раскрывается содержание принципов деятельности Конституционного Суда РФ[124], которые изначально закреплены в Конституции Российской Федерации. Законодатель посчитал необходимым развить представление о конституционных принципах применительно к статусу и деятельности Конституционного Суда РФ.

Правовое качество конституционных принципов заключается в высокой степени обобщения, исходя из правовых и социокультурных факторов развития государственности. Принципы, закрепленные в Конституции, носят всеобщий характер. Они фундаментальны в аспекте утверждения основ конституционного строя, построения системы государственности (формы правления, государственного режима, государственно-территориального устройства), организации государственной власти, конституционно-правового статуса личности, статуса иных субъектов конституционных отношений. Так, к примеру, принцип верховенства Конституции Российской Федерации по своему правовому содержанию и смыслу является фундаментальным как для государственности, конституционного строя, системы органов публичной власти, так и для иерархической системы нормативных и иных актов, а также любых других источников права; он воздействует на все элементы правовой системы страны и реализуется посредством правоприменительной практики. Особое значение данный принцип имеет в деятельности Конституционного Суда РФ, как высшего судебного органа, осуществляющего власть в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ. Каждое из его решений основано на принципе верховенства Конституции России.

В одном из первых постановлений Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 № 1-П было установлено, что общие принципы конституционного права обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют

---

[124] Федеральный конституционный закон от 23.07.1994 (ред. от 31.07.2023) N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права[125].

Принципы Конституции Российской Федерации обладают исключительной императивностью в отношении отраслевых, межотраслевых и иных принципов, закрепленных в нормативных правовых актах, действующих в правовой системе. Они определяют содержание конституционного и действующего права в целом. Высокая роль конституционных принципов исходит из авторитетности действующей Конституции России, ее юридической силы[126]. По обоснованному мнению В.И. Крусса все правовые принципы должны быть конституционными по своей сути[127]. Это означает, что вне зависимости от источника, в котором закрепляется тот или иной принцип, каждый из них должны соответствовать конституционным принципам в содержательном плане.

Конституционные принципы, будучи самостоятельным видом нормативных предписаний, играют особую роль в регулировании отношений[128].

---

[125] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1993. – № 2-3.

[126] См.: Дудко И.Г. Авторитетность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 3 - 8.

[127] Крусс В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. – М. : Норма, 2007. С. 424. Стремление разграничить понятие «принципы Конституции» и понятие» принципы конституционного права», посредством выделения самостоятельных признаков последних, демонстрирует смешение выделяемых понятий. См.: Алешкова, И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография / И.А. Алешкова ; РАН, ИНИОН, отд. правоведения ; под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. – Москва, 2022. С. 34 – 56.

[128] Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т.76. № 12. (205). С.52 – 60.

Прежде всего, регулятивное значение и потенциал конституционных принципов обусловлен юридическими свойствами Конституции Российской Федерации – верховенством, высшей юридической силой, прямым действием.

Если в понимании верховенства и высшей юридической силы в отечественной конституционной доктрине отсутствуют разночтения, то вопрос о прямом действии Конституции РФ получил неоднозначную оценку и определение. Во многом это обусловлено различными позициями в понимании «прямого действия» норм Конституции.

В одной из первых обширных работ, посвященных раскрытию содержательных особенностей положений Конституции Российской Федерации, В.О. Лучин предложил разграничить понятия «действие» и «реализация» Конституции. По его мнению, «действие» представляет собой более широкое понятие и выражает «проявление всех свойств и качеств Конституции», а понятием «реализация» охватывается «процесс, система мер и средств», которые направлены на претворение в ее жизнь[129]. Таким образом, действие Конституции рассматривается как ее способность оказывать влияние на поведение субъектов, как претворение в жизнь ее положений, тогда как реализация определяется в качестве процесса осуществления ее положений в поведении субъектов. Автор полагает, что большинство конституционных норм реализуются в «совокупном» применении с другими нормативными правовыми актами. Вместе с тем, В.О. Лучин не является сторонником разделения и противопоставление действия Конституции РФ на прямое (непосредственное) и опосредованное[130].

С.А. Авакьян обратил внимание на ряд аспектов понимания прямого действия Конституции. По его мнению, Конституция закрепляет строй отношений, который существует или должен существовать. Положения Конституции являются базовыми для всех отношений. В тоже время, отдельные конкретные положения Конституции непосредственно регулируют отношения.

---

[129] Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 61 – 62.
[130] Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – С. 65.

Третий аспект заключается в применении норм исходя из духа, смысла Конституции. Этот аспект осуществляется при толковании Конституции, раскрытии заложенных в ней идей и концепций[131]. С.А. Авакьян указывает на одно из важнейших значений Конституции для правовой системы – единство положений, конструкций и категорий, образующих конституционный строй, которые должны применяться в общественных отношениях. Что касается применения норм Конституции исходя из ее духа, то, раскрытие их смысла должно осуществляться, полагаем, в соответствии с полномочием органа конституционной юстиции.

По мнению И.А. Кравца действие Конституции является юридической предпосылкой реализации ее норм. «Прямое действие» Конституции рассматривается им в качестве категорического императива, нацеленного на реализацию норм в правоотношениях[132]. Понятие «прямое действие» с позиции И.А. Кравца охватывает три уровня. В рамках первого уровня происходит реализация ее норм физическими и юридическими лицами, когда это предусмотрено. Ко второму уровню он относит применение норм Конституции судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Наконец третий уровень - это применение конституционных норм Конституционным Судом РФ. Полагаем, предложенная И.А. Кравцом классификация разделения конституционных норм на уровни имеет весьма условный характер. В значительной мере речь идет о субъектах, которые соблюдают, исполняют или применяют нормы Конституции. Однако такой подход не раскрывает содержания понятия «прямое действие», особенно в рамках первого уровня.

Б.С. Эбзеев указывает, что действие Конституции является предпосылкой осуществления ее норм. Конституция действует как нормативный правовой акт во времени, в пространстве, по кругу лиц. Конституция, независимо от выполняемых социальных, политических и иных функций не утрачивает качеств нормативного

---

[131] Авакьян С.А Конституция России: природа, эволюция, современность: 2-е изд. –М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – С. 193 – 195.

[132] Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд – во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 358 - 359.

акта, а все ее положения, включая преамбулу, обладают нормативностью и имеют регулирующее значение. Речь идет о регулирующем воздействии всех ее положений. Однако нормы Конституции, по его мнению, имеют различное материальное и юридическое содержание. Он предлагает разграничить статический и динамический аспекты действия Конституции. Первый заключается в действии Конституции как акта обязательного для всех субъектов, второй - во внедрении ее в общественные отношения как ограничителя публичной власти и гарантии прав личности[133].

По мнению Б.С. Эбзеева следует разграничивать непосредственное и опосредованное действие Конституции Российской Федерации, как формы реализации. Если непосредственное действие Конституции связано с реализацией ее положений органами государственной власти, а также при осуществлении гражданами прав и обязанностей, то опосредованное обусловлено необходимостью конкретизации конституционных норм посредством нормирования в отраслевом законодательстве. Следует согласиться с тем, что непосредственное действие норм Конституции имеет важное значение при разрешении коллизий, а также восполнении пробелов в праве при разрешении спора в рамках конкретных правоотношений[134].

Концепция прямого действия конституционных норм имеет не только сторонников, но вызывает сомнения. Возражения сводятся к аргументу о невозможности применения конституционных норм в конкретных правоотношениях, особенно в рамках реализации прав граждан[135]. Указывается на необходимость большей степени детализации и формальной определенности прав и обязанностей в рамках отраслевого регулирования, например, в налоговых, трудовых, социальных и др. правоотношениях. При этом законодатель может урегулировать отношения не адекватно конституционно правовому смыслу

---

[133] Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – М., Проспект, 2023. – С. 398 – 401.

[134] Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – М., Проспект, 2023. – С. 403 – 405.

[135] См., например: Головко Л.В Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгом и реальностью // Государство и право. 2013. С. 83 – 94.

нормы или исказить смысл[136]. В тоже время обосновывается идея «актуализации Конституции» в нормах отраслевого законодательства[137].

По мнению А.Н. Кокотова каждое конституционное право человека по своему содержанию «шире» чем его нормативное регулирование. Отраслевая конкретизация не исчерпывает их богатого внутреннего содержания. Прямое действие конституционных норм Конституции России не может быть сведено к «ревизии» норм текущего законодательства на предмет их соответствия конституционным[138]. Однако отметим, что раскрытие смыслового содержания конституционной нормы признается А.Н. Кокотовым в качестве исключительного правомочия Конституционного Суда РФ[139]. Во многом к этой позиции сводятся рассуждения авторов исследующих проблему прямого действия Конституции Российской Федерации[140].

Таким образом, прямое действие конституционных норм рассматривается как в аспекте непосредственного их применения различными способами правореализационного процесса, так и в аспекте отраслевой конкретизации. Однако «раскрытие» содержания конституционных норм является исключительной сферой деятельности Конституционного Суда РФ. В постановлении от 16 июня 1998 № 19-П по делу о толковании статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации указано, что решения Конституционного Суда, в результате которых нормативные акты или отдельные их положения, признанные неконституционными, утрачивают юридическую силу, имею такую

---

[136] Правовая определенность и права человека: Монография / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. – Саратов: Из-во «Саратовский источник», 2021. С. 239 – 243.

[137] Ершов В.В. Размышления к 20-летнему юбилею Конституции России // Российский судья. 2013. № 12. С. 3 – 13.

[138] Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1513.

[139] Кокотов А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1516.

[140] Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография – М.: Изд-во РАП, 2008. – 147 - 154; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; Инфра-М, 2011; Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – С. 405 – 419; Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. - С. 362 – 379; Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории : монография / В.И. Крусс. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. - С. 72 - 87.

же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа. Определив конституционное значение своих решений, Конституционный Суд указал, что акты судов общей юрисдикции и арбитражных судов не обладают таким значением и по природе относятся к правоприменительным актам[141]. Таким образом, в отличие от решений иных судов, решения (прежде всего постановления) Конституционного Суда обладают нормоустаналивающей силой и имеют прецедентное значение для правовой системы.

Полагаем, что при рассмотрении вопроса о прямом действии Конституции во-многом упускается из виду действие конституционных принципов. Именно конституционные принципы могут быть применены непосредственно в правоотношениях, судами и правоприменителями при разрешении коллизий в законодательстве, а также пробельности в правовом регулировании. Как верно отмечает Н.А. Богданова принципы выполняют функцию общих правовых ориентиров; они определяют границы требуемого от субъектов конституционно-правовых отношений поведения[142]. Так, например, принцип равенства перед законом и судом обязаны соблюдать, исполнять и применять все субъекты конституционных и иных отраслевых отношений. Данный принцип определяет основания, по которым не допускается дискриминация человека в правах. Установлен запрет на любые формы ограничений прав связанных с биологическими, личными, этническими, социальными и иными особенностями человека.

Другое дело, что в рамках сложных правоотношений, этот принцип устанавливается в законодательстве применительно к особенностям статуса субъекта, получая «уточнение» или «детализацию»[143]. Конституционный принцип

---

[141] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 № 19-П // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

[142] Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. С. 168 – 169.

[143] Например, принцип равноправия детализируется применительно к статусу субъектов в рамках избирательных правоотношений регулируемых Федеральным законом от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253. Например, закрепляя принцип

получает отражение в законодательстве, для обеспечения достижения цели регулирования правоотношений. Тем самым, через принятие законов и детализирующих нормативных актов, принцип, закрепленный в Конституции, направлен на регулирование отношений опосредованно. Это предполагает вариативные возможности регулирования конкретных правоотношений, закрепления полномочий различных субъектов. Вместе с тем, законодательное регулирование не исключает возможность «ограниченного» понимания принципа, которое может привести к «искажению» его содержания[144].

Назначение конституционных принципов заключается не только в их конструктивной (идея) роли для правовой системы. Принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, устанавливают одновременно границы (требования) допустимого в законодательстве, параметры действия в правовой системе[145].

Итак, конституционные принципы отражают господствующее, выраженное в Конституции РФ представление о должном праве, основаниях и условиях его осуществления. Они являются логической концентрацией правового материала на основе национальной практики, предшествующего опыта или заимствованного опыта зарубежных государств. Этим объясняется абстрактность принципа, наряду с формальной определенностью. Сформулированные в виде конституционного принципа идеи являются правилом, выражающим объективное право; они есть требование, которое является одновременно целью и условием действия национального права и правоприменения. В тоже время, конституционный

участия граждан в выборах на равных правах (ст. 5), Закон устанавливает ограничения в реализации пассивного права связанные с возрастом, наличием судимости, наличием гражданства иностранного государства и др.

[144] Применительно к избирательным правоотношениям, Конституционный Суд неоднократно указывал на недопустимость искажения принципа равенства в законодательстве. См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2020 г. № 43-П.

[145] См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М., 1976. С. 222; Белкин А.А. Государственное право: юридическая техника и юридические категории: избранные статьи. – М., 2007. С. 32 – 33.

принцип определяет границы правомерного поведения субъектов правоотношений. Именно поэтому принципам свойственна императивность. По своей юридической природе конституционные принципы не сводимы нормам. Они являются нетипичными правовыми предписаниями. В силу атрибутивных качеств конституционные принципы эксплицитно входят в содержание правовой системы, являясь ее «скрепами».

1.3. Сущность и конституционное содержание принципа доверия

Конституционный принцип доверия, его сущность и содержание становится предметом самостоятельного изучения в современном отечественном конституционном праве лишь относительно недавно. Начало этому было положено в монографии А.Н. Кокотова «Доверие. Недоверие. Право». В ней представлены проблемы отражения социального доверия в праве, его роли в правовом регулировании, конструкции и институты формализующие доверие, а также вопросы оценки правового поведения, мотивами которого выступает доверие, недоверие. Широкий подход в изучении роли доверия в правовой среде приводит автора к выводу о том, что доверие «составляет сущностную основу права, его складывание и действие»[146]. Иной значимый вывод заключается в том, что «право в целом (в его идеальном предназначении) призвано обеспечить общественное доверие, покоящееся на приемлемом для данного общества уровне порядка и справедливости»[147]. Данные выводы А.Н. Кокотова во многом определили существо последующих воззрения на роль доверия в праве и имеют важное значение для нашего исследования. Вместе с тем, в данной работе доверие как конституционный принцип не получил развернутого обоснования. К этому вопросу А.Н. Кокотов обращается в специальной статье[148].

---

[146] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004. С. 51

[147] Кокотов А.Н. Доверие. С. 51.

[148] Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 97 - 108.

Своеобразием отличается подход к пониманию принципа доверия изложенный в диссертации Н.А. Арапова. Он рассматривает его в аспекте доверия граждан к закону и действиям российского государства[149].

Исследуя феномен «доверия» в праве, автор, основываясь на работах западноевропейских ученых, полагает уместным применить конструкцию фидуциарности, используемую в гражданских правоотношениях, к публичным правоотношениям между гражданами и властью. По его мнению народ, который является «источником (условно говоря, учредителем) государства, образуя и преобразуя его, находится с ним как с субъектом в тех отношениях, в которых государство обладает над гражданами властью с широкой свободой усмотрения (дискрецией) о порядке реализации государственных полномочий»[150]. По мнению Н.А. Арапова, народ не наделяет государство правами и обязанностями. Народ «находится в состоянии лояльности» к государству, действующему «в целях обеспечения интересов граждан». Состояние лояльности народа по отношению к государству возможно только тогда, когда государство обеспечивает права и обязанности народа. Это и порождает у государства сообщающиеся с обеспечением таких интересов права и обязанности, образующие его полномочия. Правомерные ожидания народа о качествах деятельности конституционного государства, являются доверием к государству. Народ, полагает Н. А. Арапов, «доверяет» государству реализацию ряда интересов граждан, что образует, однако, юридическую уязвимость последних…государство как фидуциарий народа и граждан - это субъект, полномочия которого есть следствие публично-правового доверия граждан»[151].

---

[149] Арапов Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015.

[150] Арапов Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015. С. 57.

[151] Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015. С. 57 - 58.

Из рассуждений Н.А. Арапова следует, что государство будучи агентом народа и обладая полномочиями, имеющими дискреционный характер, действует в целях обеспечения интересов граждан, при том, что народ не передает и не наделяет правами государство. Народ доверяя государству реализацию интересов граждан находится в состоянии доверия и одновременно риска. При этом полномочия государства производны от правового доверия граждан.

Применение фидуциарных правоотношений, как конструкции частного права, к публичным правоотношениям, несомненно представляет интерес. Содержание фидуциарных отношений заключается в наделении одним субъектом (доверителем) другого субъекта (фидуциара) полномочиями по реализации своих субъективных прав и интересов, с тем, чтобы фидуциар осуществлял их в отношениях с третьими лицами так, как если бы он действовал в своих интересах[152]. Отметим, что конструкция фидуциарных правоотношений имеет особенности в странах англо-саксонской правовой семьи (договорные правоотношения) и отличается от конструкции в романо-германской правовой семье (корпоративные правоотношения). Несмотря на взаимную рецепцию конструкций, в каждой из правовых семей сохраняются оригинальные черты фидуциарных правоотношений. В основе конструкции фидуциарных правоотношений лежит доверительное управление собственностью (имуществом)[153]. Речь идет о равных субъектах свободно определяющих свою волю, один из которых получает от другого полномочия действовать в его интересах.

Однако государство и гражданин заведомо находятся в неравном правовом положении. Государство не учреждается гражданами. Если только речь не идет о некой новой территории вне юрисдикции какого-либо государства. Приведенный в диссертации пример Конституции Пенсильвании 1776 г. в которой закреплялось

---

[152] См., например, Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: автореф… дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

[153] См., например: Соколова Н.В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.

положение о том, что государственная власть «производна от народа» и выступает его агентом, не свидетельствует об учреждении государства и применении собственно фидуциарных правоотношений. Произошедшие более 250 лет назад события связанные с преобразованием английской колонии в штат, как и собственно конституционный акт, не есть свидетельство того что фидуциарные отношения широко используются в публичном праве[154]. Процесс формирования государственности в Соединенных Штатах Америки не типичен для государств большинства стран[155].

Посредством принятия конституции устанавливается новый конституционный строй с новой (обновленной) системой организации власти, но не само государство[156]. Органы власти обретают полномочия в силу закона (иного акта), который принимается (издается) органом публичной власти, в развитие конституционных положений, либо в силу признанной необходимости. Государство, даже современное конституционное государство, действует не только в интересах граждан, но и в собственных интересах (бюрократических). Другое дело, что органы конституционного государства обязаны действовать в рамках предписанных полномочий и сверять свои действия с целевыми установками о статусе и положениями конституции.

Нередко упускается из виду, что граждане, образующие современное гражданское общество, находятся в системе многообразных отношений основанных на частном интересе, который в большинстве своем не совпадает с публичными интересами. Цели и интересы граждан разнообразны и изменчивы. Создаваемые гражданами общественные объединения, группы и иные объединения выражают интересы и цели как лиц, участвующих в объединениях, так и собственно объединений. «Отношения между гражданами, их

---

[154] Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015. С. 58.

[155] См., например: Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. — М.: Издательство «Весь Мир», 2013.

[156] Полагаем, Принятие Конституции РФ в 1993 г. не являлось актом учреждения Российского государства. На это особо указывает ч. 2 ст. 67^1 Конституции Российской Федерации.

объединениями, союзами (и внутри этих объединений) основываются на соглашениях, договорах, строятся на началах равенства, свободы, координации. Образно говоря, гражданское общество основано на горизонтальных отношениях равноправных лиц»[157].

Разность в организации и степени организованности, интересах и целях государства и гражданского общества определяет разные способы правового регулирования публичных и частных отношений.

Для конституционного государства не свойственна модель патерналистских отношений в основе которой лежит ожидание граждан действия государства в их интересах. Роль конституции и конституционного законодательства состоит в обеспечении прав, свобод граждан, в создании гарантий их реализаций и защиты. Граждане, на основе законодательно установленных институтов и процедур, должны иметь возможность воздействия на публичную власть, защищать нарушенные права.

Однако это вовсе не означает что конституционное государство – «субъект производный, подчиненный, обязанный народу (как носителю учредительного права) существованием и учреждённый под условием, что выраженное ему доверие граждан должно быть оправдано»[158]. Государство (публичная власть) не является производным субъектом, а тем более подчиненным. Оно связано правом, конституционным правом в том числе. Но эта связанность правом не означает некое «условие» его «существования». Речь все же идет о реализации публичной властью компетенции в рамках конституционных (законодательных) установлений.

Следует согласиться с А.Н. Араповым в том, что деятельность государства должна отвечать «качествам» конституционного государства - стабильность

---

[157] Лейст О.Э. Сущность права. С. 143.

[158] Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015. С. 60.

правопорядка, определённость правового регулирования, добросовестность[159]. Определяемые им «качества» деятельности конституционного (правового) государства были выявлены в ходе интерпретационной практике Конституционного Суда.

Так, в постановлении от 24 мая 2001 № 8-П Конституционный Суд указал, что федеральный законодатель, внося изменения в действующее законодательство, обязан соблюдать положения Конституции РФ закрепляющих, что Россия является демократическим правовым государством (ч. 1 ст. 1), в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (ст. 2); каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Конституционный Суд указал, что принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям в законодательство[160]. Развивая правовую позицию Суд

---

[159] Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02. СПБ., 2015. С. 88.

[160] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

подчеркнул, что важной, содержательной частью принципа является правовая определенность[161].

Правовые позиции Конституционного Суда в которых раскрывается содержание принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства адресованы законодателю и правоприменителю. Выводы Суда о юридическом содержании данного принципа обязательны прежде всего для органов осуществляющих правовую политику - законодателей (федерального и регионального уровней), Президента РФ, Правительства РФ, иных нормотворческих органов[162]. При этом действующая Конституция России закрепляет основные параметры участия каждого из уровней публичной власти в реализации правовой политики направленной на достижение конституционно установленных целей. Сформулированные Конституционным Судом содержательные характеристики данного принципа выступают одновременно критериями оценки деятельности государства, органов публичной власти всех уровней.

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства рассматривается в монографии И.А. Алешковой[163]. По мнению автора, данный принцип относится к «конституционно-правовым нарративам»[164]. Последнее определены как «долженствования», которые определяют «основные регулятивные смыслы взаимоотношений человека, общества и государства», а также организации формы государства, публичной власти[165]. Очевидно, что каждый конституционный принцип есть «долженствование», выполняющий роль

---

[161] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ 23 декабря 2013 г. № 29-П // СЗ РФ. 2014. № 1. Ст. 79.

[162] Подробно вопрос о интерпретации принципа доверия в практике Конституционного Суда рассматривается в параграфе 2 главы 2 диссертации.

[163] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

[164] Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография / И.А. Алешкова ; РАН, ИНИОН, отд. правоведения ; под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. – Москва, 2022. С. 183.

[165] В качестве характеристики данного вида принципов указаны: многоаспектность, уникальность, универсальность, устойчивость содержания, способны обеспечивать связь между разными этапами правового развития. См: Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография. С. 183.

регулятора отношений между субъектами конституционных и иных отношений. Определяя принципы конституционного права в качестве «основных регулятивных смыслов», автор не проясняет существо выделяемого свойства. Могут ли среди принципов конституционного права быть «основные» и «не основные» по смыслу; в чем отличие «смыслов» от «идей»?

И.А. Алешкова указывает, принципы как конституционно-правовых нарративы входят в содержание конституционно-правового предписания. Выделены признаки данных принципов, их способность связывать нравственные и правовые контексты[166]. Полагаем, что каждый из закрепленных в Конституции принцип, будучи правовой идеей, является правовым элементом текста; принципы находят отражение в текущем законодательстве, в нормативных положениях и институтах. Заявляя о связи «нравственного и правового контекста», автор по всей видимости имел ввиду нравственные идеалы, которые отражаются в конституционном праве, в тексте Конституции. Однако не каждый принцип образует взаимосвязь правового и нравственного. Например, в основе принципа разделения властей находится рациональность.

В отношении характеристики – «многоаспектность, уникальность, универсальность, устойчивость содержания», следует отметить, что таковые свойства принадлежат каждому конституционному принципу вне связи с каким-либо нравственным аспектом выраженной в нем идеи. Так, например, принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) включает ряд содержательных аспектов: формальное юридическое равенство как «юридическая мера» свободы; как воплощение «юридической справедливости»; основа конкретных прав человека, определяемая термином «каждый» и ряд других. Универсальность принципа равенства состоит в обязательности отражения в отраслевом законодательстве и применение во всех видах правовых отношений. Принцип равенства призван обеспечить равные условия реализации правовых возможностей человека и гражданина, доступность для каждого предоставляемых

[166] Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография. С. 183.

государством благ и услуг. Вряд ли можно подвергнуть сомнению «уникальность» данного принципа в праве.

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства рассматривается И.А. Алешковой с позиции сферы применения. По ее мнению, принцип наиболее востребован в сфере экономических отношений. В данной сфере, по ее мнению, принцип выполняет «стабилизирующую функцию», особенно к сферам, которые не получили должного нормативно-правового обеспечения[167]. Данное мнение не получило в монографии обоснования. Неясно, что понимать под «должным нормативно-правовым обеспечением». Отмечается использование принципа доверия к закону и действиям государства в рамках гражданских правоотношений. Между тем, отношения в рамках указанных институтов поучили в гражданском праве развернутое регулирование.

Категория «доверия», по мнению И.А. Алешковой, используется в целях описания «основного регулятивного смысла» взаимоотношений между личностью, обществом и государством[168]. Обращено внимание на активность применения термина «доверие» в текущем законодательстве.

Исходя из анализа практики Конституционного Суда РФ, автор выделяет два ключевых элемента рассматриваемого принципа: 1) доверие граждан к закону; 2) доверие граждан к действиям органов публичной власти.

Поясняется, что элемент доверия граждан к закону предполагает «сохранение разумной стабильности правового регулирования»; элемент доверия граждан к действиям органов публичной власти «складывается из двух элементов – легитимности и качества деятельности органа публичной власти»[169].

Разграничивая принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на два указанных элемента, И.А. Алешкова выделяет по сути две взаимосвязанные области применения данного принципа. Это

---

[167] Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография. С. 189 - 190.
[168] Алешкова И.А. Указ.соч.
[169] Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография. С. 192.

собственно следует из сформулированного Конституционным Судом РФ наименования данного принципа, включающий аспект доверия к закону и аспект доверия к действиям государства.

Раскрывая элемент доверия граждан к закону, автор ограничивает его установленным Конституционным Судом требованием к законодателю - сохранение разумной стабильности правового регулирования. Такой подход существенно обедняет выработанные в правовых позициях Суда требования к закону (законодательству), которые включают: сохранение разумной стабильности правового регулирования, правовую определенность, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики[170].

В отношении элемента доверия граждан к действиям органов публичной власти, автор ограничивается указанием на элементы «легитимности» и «качества» деятельности органа публичной власти[171]. В чем применимость данных элементов к принципу в монографии не поясняется.

Таким образом, позиция И.А. Алешковой заключается в признании принципа доверия к закону и действиям государства в качестве регулятора в сфере частных (экономических), а также публичных отношениях между государством и личностью. Выделенные автором элементы данного принципа не получили содержательного обоснования.

В монографии «Правовая определенность и права человека» представлена авторская интерпретация принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип, в рамках поддержания доверия к закону, рассматривается в качестве одной из детерминант принципа правовой

---

[170] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П // СЗ РФ. 2004, N 19 (часть 2). Ст. 1923; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П // СЗ РФ. 2011. № 33. Ст. 4948; Постановление Конституционного суда РФ от 22 апреля 2013 г. N 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2013 г. № 9-П // СЗ РФ. 2013. № 21. Ст. 2692.

[171] Алешкова И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография. С. 192.

определенности[172]. По мнению авторов, принцип определяет правовую политику государства, распространяется на «потенциальное» правовое регулирование правоотношений; обеспечивает защиту прав и законных интересов от негативных изменений в правовой среде. На основе практики Конституционного Суда РФ и его правовых позиций, в работе выделены критерии должной правовой политики, отвечающей требованиям принципа[173]. Несомненный интерес представляет представленная в монографии интерпретация принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в качестве сложносоставного, обеспечивающего доверие граждан к российскому государству.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства применяемый Конституционным Судом РФ предлагается рассматривать как часть «доктрины законных ожиданий»[174]. Авторы статьи отмечают, что появление доктрины (Legitimate expectations) обусловлено стремлением стран общего и континентального права достичь эффективного государственного управления[175]. Признавая отсутствие единства в понимании доктрины законных ожиданий как в странах общего, так и континентального права, различия в правовых основаниях и подходах в правосудной деятельности, авторы считают, что в российском праве эта доктрина отчасти получила выражение в решениях Конституционного Суда РФ, в виде принципа поддержания доверия к закону и действиям государства. Вместе с тем, отмечается ограниченность применения данного принципа только Конституционным Судом в отношении законодательства. Такой подход, по мнению авторов, не позволяет говорить об эффективной защите прав личности[176].

---

[172] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Правовая определенность и права человека: Монография / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. С. 165 – 185.
[173] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Указ. соч.
[174] Павлисова Т.Е., Ембулаева Т.Ю. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства (защиты законных ожиданий) в российском праве: проблемы и перспективы // Право и политика. 2018. № 4. С. 1 - 10.
[175] Павлисова Т.Е., Ембулаева Т.Ю. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства (защиты законных ожиданий) в российском праве: проблемы и перспективы// Право и политика. 2018. № 4. С. 3-6.
[176] Павлисова Т.Е., Ембулаева Т.Ю. Указ. Соч.

Необходимо отметить следующее: во-первых, «доктрина защиты законных ожиданий», применяется в сфере управленческих, административных отношений, включая административно-процессуальные и, определяет отношения исполнительных органов и граждан; совершенно иное значение имеет применение принципа доверия в конституционно-контрольной деятельности Суда в рамках рассмотрения конкретных дел. Во-вторых, принцип доверия к закону и действиям государства, в решениях Конституционного Суда РФ, выступает критерием оценки деятельности не только законодателя, но и правоприменителя. В-третьих, данный принцип одновременно является целью конституционного государства, что в содержательном плане не может сводиться только к «эффективному управлению»[177].

В диссертации А.Н. Гуторовой излагается концепция демократического мандата народного доверия граждан в народном представительстве и вне институтов представительной демократии[178]. «Народное доверие» рассматривается автором в качестве одного из фундаментальных юридических условий легитимности публичной власти, как средства обеспечения ее публично-правовой ответственности и связанности конституционным правом. В диссертации рассматриваются проблемы легитимности представительной власти, статус и формы деятельности депутатов, особенности партийного и независимо-индивидуального представительства в обеспечении демократического мандата народного доверия, институты непосредственной демократии (референдум, плебисцит), механизм обеспечения народного доверия Президенту РФ, высшим должностным лицам субъектов РФ, главам муниципальных образований, исполнительной власти, судебной власти и ряд других.

Проблема доверия как условия легитимности представительной и иных властей исследуются А.Н. Гуторовой посредством категорий «демократический мандат народного доверия». По ее мнению демократический мандат народного

---

[177] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

[178] Гуторова А.Н. Народное доверие в конституционном праве России: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ...докт. юрид. наук : Н. Новгород, 2024. - 62 с.

доверия представляет собой «уникальный государственно-правовой феномен, который имеет общеюридическую и специальную конституционно-правовую сущность»[179]. Автор подчеркивает роль демократического мандата народного доверия для обеспечения «предсказуемой вероятности» публичной политики, для обеспечения «гражданского активизма», реализации мнения политического большинства, при учете публичных интересов политических групп и непосредственно граждан[180]. Отметим, что в автореферате диссертации не дается определение «демократического мандата народного доверия», не раскрывается существо его авторского понимания как «уникального государственно-правового феномена».

Судя по автореферату, в диссертации рассмотрены не только проблемы легитимность публичной власти федерального и регионального уровней, но и конституционно и законодательно установленные конструкции, которые, по мнению автора, с разной степенью обеспечивают демократический мандат народного доверия. Автор приходит к выводу о том, что доверие в политическом смысле есть солидарность и лояльность граждан в отношении государственности, государственно-правовой системы, патриотизм и приверженность граждан к базовым ценностям социума[181]. Следует отметить, что конституционный принцип доверия в диссертации не исследуется.

Изложенная в диссертации концепция демократического мандата народного доверия несомненно представляет научный интерес для понимания феномена доверия в конституционном праве, особенно в раскрытии институтов конституционного права, природы представительной власти, статуса и форм деятельности депутатов, институтов непосредственной демократии.

Следует отметить, что в диссертации А.Н. Гуторовой демократический мандат народного доверия определяется через категорию «легитимности» применительно к публичной власти. Концепция легитимности публичной власти,

---

[179] Гуторова А.Н. Народное доверие в конституционном праве России: проблемы теории и правового регулирования. - С. 4-5.
[180] Гуторова А.Н. Указ.соч.
[181] Гуторова А.Н. Указ. соч. – С. 44.

предложенная Максом Вебером, сохраняет свое значение и влияние на исследования прежде всего в современной политической социологии[182]. Несмотря на свою эвристическую ценность и широкое применение в социологии и политических науках, эта концепция используемая в конституционном праве лишь отчасти определяет существо правовых правоотношений, основанных на действующей конституции и законодательстве. Понятие «легитимности» сводится подчас к некоему социальному (социально-психологическому) отношению граждан (народа) к публичной власти и сложившемуся правопорядку[183]. Однако для конституционного права предметно важным является анализ институтов и юридических конструкций, их соответствия конституционным положениям, а также правоприменительная практика.

В ряде статей отечественных исследователей доверие рассматривается как необходимый терминологический компонент законодательства и политико-правовой практики, а также социальный фактор[184]. Так, в частности, В.В. Комарова оценивает применение термина «доверие» в научной доктрине, тексте Конституции Российской Федерации, федеральных законах, конституциях (уставах) субъектов РФ. Отмечается важность применения термина «доверие» в законодательстве для обеспечения общественного доверия к власти. Сформулирован вывод о кризисе доверия к власти в современной России, что по мнению автора требует не только научного осмысления, но и стратегии преодоления кризиса. На современном этапе развития российского общества, по

---

[182] Вебер, Макс Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер: [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

[183] «Легитимность» как социально-психологическое отношение граждан к власти измеряемое социологическими методами не раскрывает содержания правового доверия (правовых конструкций доверия), а лишь указывает на социальные проявления социальных групп, их установки, предпочтения и т.п. Применение социологических исследований и измерений несомненно способствует изучению тенденций социальных отношений, в том числе в сфере конституционных отношений, но не объясняют суть конституционных (правовых) институтов, конструкций и их применение на практике.

[184] Володина С. В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

мнению В.В. Комаровой, необходимо формирование «идеологии доверия»[185]. В чем суть этой идеологии, как и стратегии преодоления кризиса доверия к российской власти не поясняется. Доверие, таким образом, рассматривается в ракурсе отношений граждан к власти, как элемент социального доверия и фактор развития политических отношений, институтов публичной власти, а также как категория, используемая в научной доктрине. Однако содержание доверия как правового понятия и принципа не раскрывается.

В статье Нарутто С.В. и Никитиной А.В. доверие рассматривается в качестве категории действующего законодательства и как социальное явление. По мнению авторов, конституционная новелла 2020 г. о взаимном доверии государства и общества, предполагает прежде всего доверие граждан к государству, органам публичной власти, законодательству. Отмечается, что «действия властей должны быть ответственны, предсказуемы и прозрачны, понятны для населения, а законодательство - справедливым и стабильным»[186]. В качестве важных условий обеспечения доверия граждан к публичной власти указаны: реальная возможность осуществления общественного контроля; справедливый и независимый суд; общественное благополучие; неотвратимость привлечения к ответственности виновных вне зависимости от занимаемой должности. Авторы высказывают идею, заслуживающую интерес федерального законодателя, о том, что ответственность за должностные преступления коррупционной направленности, должна повышаться применительно к уровню должности[187].

Итак, принцип доверия рассматривается в научной доктрине в основном как принцип определяющий отношение граждан к государству (органам государства), его актам и действиям как принцип поддержания доверия к закону и действиям государства. Это вполне логично и объяснимо.

---

[185] Комарова В.В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 6. С. 37. С. 29 – 38.

[186] Нарутто С.В., Никитина А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 15.

[187] Нарутто С.В., Никитина А.В. Указ. соч. С. 18.

Во-первых, область правовых отношений между гражданином и государством является определяющей для конституционного строя России. Доверие граждан к государству, его актам и действиям характеризует главное направление общего процесса конституционализации. От конституционно должного правотворчества и правоприменения зависит полнота реализации прав граждан, достижение значимых для них целей и реализации законных интересов, степень защиты прав. Соответственно институты публичной власти, их акты и деятельность должны отвечать конституционным установлениям.

Во-вторых, научные подходы основаны во многом на содержательной интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации принципа поддержания доверия к закону и действиям государства, представленной во многих его решениях. Так, например, в постановлении от 22 апреля 2013 г. N 8-П, Конституционный Суд отмечает, при осуществлении правового регулирования, федеральный законодатель должен не допускать ситуаций, при которых нормативные предписания порождают у их адресатов необоснованные, нереализуемые на практике представления относительно судебной защиты избирательных прав. Иной подход нарушает требования формальной определенности правовой нормы и подрывает вытекающий из Конституции Российской Федерации, в том числе из ее преамбулы и статей 1(ч.1), 2, 18 и 21 (ч. 1), принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства[188].

В-третьих, сложившейся подходы к пониманию в научной доктрине были обусловлены отсутствием текстуального (буквального) выражения принципа доверия в действующей Конституции. Однако отметим, что и после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020г. и закрепления принципа «взаимного доверия государства и общества» (ст. 75^1) сохраняется прежний подход в понимании данного принципа как доверия граждан государству.

---

[188] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. N 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

В-четвертых, при исследовании доверия во многом не разграничивается принцип доверия как основополагающая идея, регулятор отношений в рамках национальной правовой системы, его осуществление в институтах (структурах) публичной власти, в законодательстве (правовых институтах), юридических конструкциях, с одной стороны и социальное (социально-психологическое) состояние доверия (эмоционально-волевой настрой), в различных сферах общественных и государственных отношений, включая политическую оцениваемое во многом социологическими методами. Именно социальному аспекту, как эмоционально-волевому проявлению доверия или недоверия граждан к государству, его органам и действующему законодательству во многом посвящены публикации в отечественном конституционном праве.

Полагаем, конституционный принцип доверия не сводится исключительно к его трактовке как доверия граждан к государству и законодательству. Признавая особую важность этого аспекта, считаем, что содержание принципа доверия, составляющего одну из основ конституционного строя Российской Федерации, включает четыре аспекта:

- доверие граждан к государству, органам публичной власти, их актам и действиям;

- доверие государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности;

- доверие в системе публичной власти (во взаимоотношениях ветвей власти, органов, должностных лиц, иных субъектов публичного права);

- доверие во взаимодействии граждан, включая отношения в рамках институтов гражданского общества.

Совокупность этих четырех аспектов образуют общее содержание конституционного принципа доверия, получившего текстуальное выражение как принцип взаимного доверия государства и общества (Конституция Российской

Федерации ст. 75[1])[189]. Только в единстве указанных аспектов достигается полнота идеи принципа, которая заключается в достижении стабильного и максимально возможного правового доверия государства и общества, выраженного в конституционной ценности - «гражданский мир и согласие», что служит основой поддержания конституционного правопорядка. Принцип выступает гарантом стабильности и предсказуемости правоотношений в государстве, отражает конституционную ценность взаимосвязи государства и личности через мир и согласие, основанную на взаимных конституционно обусловленных ожиданиях и ответственности. В основе этого принципа лежит комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных ценностей, определяющих суть правового государства и гражданского общества. При этом как указал Конституционный Суд положение о взаимном доверии государства и общества направлено на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности[190].

Доверие граждан к государству, институтам публичной власти, их актам и действиям несомненно является важнейшей частью содержания принципа, ибо на государство и его органы возлагается обязанность по обеспечению конституционного строя, соответствующего конституционным ценностям, принципам и положениям. Однако без усилий гражданского общества, сопряженных не только с воздействием на государство, но и направленным на развитие собственных институтов и гражданской позиции, учитывающей

---

[189] Анализ смысловых значений принципа доверия, в практике Конституционного Суда см.: Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 97 – 108.

[190] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 N 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. N 12. Ст. 1855.

индивидуальные и общие интересы в рамках конституционно должного, не может быть достигнуто взаимное доверие и, следовательно, реализован принцип[191].

Конституционное основу принципа доверия составляет положение преамбулы о гражданском мире и согласии, положения статей 1, 2, 3, 5, 7, 10, 15, 17, 18, 19, 52, 53, 54, 55, которые обеспечивают устойчивость правовой системы и правовых отношений в указанных выше четырех аспектах реализации принципа.

Принцип доверия, будучи основополагающим принципом основ конституционного строя России, опирающийся на верховенство Конституции Российской Федерации, означает, что действия участников правоотношений должны соответствовать правомерным ожиданиям участников, возникшим в результате их собственных действий или законодательства, обеспечивая предсказуемость и стабильность правоотношений.

Конституционный принцип доверия по верному определению А.Н. Кокотова выступает правовым идеалом, целевым ориентиром, регулятором отношений и одновременно эталонным критерием оценки явлений социально-правовой действительности[192].

Будучи правовым идеалом принцип доверия означает достижение состояния правового доверия во всех сферах правового регулирования, которые бы отвечали критериям данного принципа[193]. Основанием общественного доверия как идеала в правовом смысле является Конституция Российской Федерации, закрепленные в ней ценности многонационального народа, гражданский мир и согласие, вышеуказанные принципы и положения основ конституционного строя России. Принцип доверия служит основой для текущего законодательства и действий государства, его органов, которые должны обеспечить претворение принципа в социальной практике. В тоже время, принцип доверия определяет

---

[191] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

[192] Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 100.

[193] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

правоотношения в гражданском обществе, как между гражданами, так и в рамках деятельности институтов гражданского общества.

Конституционный принцип доверия выступает целью, важнейшим результатом конституционного развития, направленным на поддержание конституционного правопорядка, который должен поддерживаться всеми субъектами правоотношений. Принцип доверия как идеал и цель, направлен на достижение и постоянное поддержание взаимного доверия государства и общества в условиях конституционного правопорядка. «Правовое веление… предполагает в гражданах волю к праву, ибо правопорядок покоится на взаимодействии правосознаний. Если же этой воли нет, то правопорядок превращается в порядок непрерывного, систематического насилия… Нормальная власть видит в гражданах своих достойных и желанных сотрудников в деле государственного строительства; она доверяет их воле и их признанию; она рассчитывает на их поддержку и не боится их свободной инициативы: доверием граждан она утверждает свое доверие к себе и в этом почерпает силу для своего доверия к ним»[194].

Принцип доверия как регулятор отношений, определяя формы и способы действий субъектов отношений, имеет особенности применительно к четырем аспектам принципа.

Правовое доверие граждан к государству базируется, прежде всего, на соответствии системы публичной власти конституционным параметрам организации и деятельности, которые включают: 1) соответствие статуса органа конституционным (законодательным) положениям; 2) соответствие порядка деятельности, включая акты, критериям конституционности; 3) соответствие порядка использования правовых средств соразмерно конституционно определяемым целям.

---

[194] Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, дополненное / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. С. 363.

В рамках отношений граждан с государством (взаимное доверие государства и общества) данный принцип имеет фундаментальное значение для правовой государственности[195].

Принцип доверия в аспекте правоотношений граждан и государства основан, прежде всего, на положениях Конституции Российской Федерации о правовом (ст. 1) и социальном государстве (ст. 7), разделении государственной власти (ст. 10), признании, соблюдении и защите прав и свобод человека (ст. 2), деятельности органов публичной власти, обусловленной правами и свободами личности (ст. 18), равноправия (ст. 19); запрете для законодателя и иных нормотворческих органов, издавать законы, отменяющие или умоляющие права и свободы (ч. 2 ст. 55), запрете обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность (ст. 54), установлением ограничений прав и свобод человека исключительно федеральным законов в конституционно определенных целях (ч. ст. 55), обеспечение потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52), право граждан на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Следование данным конституционным положениям является обязанностью не только законодателя, но также иных органов публичной власти, включая правоприменительные и судебные.

Конструктивное содержание принципа доверия выражается в достижении и постоянной поддержке доверия граждан к законодательству (нормативным правовым актам) и действиям (актам, заявлениям, обещаниям) органов публичной власти, посредством осуществления, в соответствии с конституционными положениями и целями, последовательной, стабильной и предсказуемой правовой политики. Одновременно, содержанием принципа установлен общий запрет на осуществление правовой политики, вступающей в противоречие с конституционными положениями и целями, результатом которой является подрыв

[195] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.

доверия граждан к законодательству и действиям органов публичной власти. Это может выражаться в не предсказуемости, не стабильности законодательства, неконституционном ограничении прав, приводящее к нарушению правомерных ожиданий а, в итоге, недоверию граждан к проводимой правовой политике.

Как регулятивное, так и охранительное воздействия права на общественные отношения неразрывно связано с правосознанием участников таких отношений, их доверием к:

- праву как регулятору общественных отношений в целом;

- государству как субъекту, осуществляющему такое регулирование;

- органам государственной власти, непосредственно осуществляющим как нормотворчество, так и правоприменение, выступая тем самым в качестве индикатора качества государственного управления в стране[196];

- другим участникам общественных отношений, как частноправового, так и публично-правового характера.

Принцип доверия в аспекте правоотношений граждан и государства направлен на обеспечение режима конституционности, поддержания стабильности правопорядка; он выступает гарантией достоинства и свободы личности, должной, конституционно обеспеченной реализации прав, ограничивая произвольные (неконституционные) действия органов публичной власти.

Конституционным Судом РФ данный аспект принципа определен как принцип доверия граждан к закону и действиям государства[197]. В практике конституционного судопроизводства в рамках конкретных дел, Судом были определены критерии должной, отвечающей Конституции РФ, правовой политики, а также требования к «качеству» закона.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства предполагает:

---

[196] Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Доверие контрольно-надзорным органам как индикатор эффективности государственного управления // Государственная служба. – 2025. – Т. 27. – №. 2 (154). – С. 6-17.

[197] Вопросу интерпретации Конституционным Судом РФ принципа доверия к закону и действиям государства посвящен второй параграф главы 2 диссертации.

во-первых, предсказуемость законодательной политики, суть которой состоит в том, чтобы участники правовых отношений могли предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного (установленного законом) статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты, включая судебную[198].

Во-вторых, должна быть обеспечена разумная стабильность правового регулирования; это предполагает недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, запрет на придание обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмену ранее приобретенных прав; изменение законодателем ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип доверия к закону[199].

Конституционным Судом установлены требования к «качеству» закона, отвечающие принципу доверия: определенность, ясность, недвусмысленность содержания нормы. Суд подчеркнул, что эти требования наиболее значимы при закреплении правового статуса субъекта правоотношений, прав и обязанностей человека, а также в конструкциях составов правонарушений[200].

В правоприменительной практике принцип поддержания доверия к закону и действиям государства предполагает, что органы публичной власти обязаны принимать решения (акты) на основе строгого исполнения предписаний закона, обстоятельно и ответственно исследовать фактические обстоятельства, с

---

[198] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 N 9-П // СЗ РФ. 2013. № 21. Ст. 2692; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 N 41-П // СЗ РФ. 2024. № 40. Ст. 6055.

[199] Например: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 года № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276; постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2002 года № 17-П // СЗ РФ. 2003. № 1. Ст. 152; постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18 . Ст. 2292.

[200] См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 № 15-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647; постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // СЗ РФ. 2014. № 1. Ст. 79; постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 12-П // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2288.

которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение соответствующих прав и свобод[201].

Особое значение для обеспечения правового доверия в аспекте гражданин - государство имеет деятельность суда, направленная на защиту прав и законных интересов гражданина. Основанием доверия граждан к суду являются конституционные положения о самостоятельности судебной власти (ст. 10) и независимости судей, их подчинения только Конституции РФ и федеральному закону (ч. 1 ст. 120). Самостоятельность и независимость судебной власти (суда) обеспечивается правовыми, организационными, финансовыми, материально-техническими, информационными средствами. По обоснованному мнению В.Д. Зорькина, состояние судебной системы во многом определяет уровень доверия к российской власти в целом[202].

В развитие положений Конституции РФ о судебной системе принят Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»[203]. Согласно ст. 1. Закона: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия». В Российской Федерации действуют федеральные суды и суды субъектов РФ, при этом закреплен принцип единства судебной системы. Статус и организация деятельности судов устанавливается федеральными конституционными и федеральными законами[204].

---

[201] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2024 года № 27-П // СЗ РФ. 2024. N 23 (Часть II). Ст. 3271.

[202] Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 283. По мнению А. Барака «Доверие общества к судебной власти является наиболее ценным качеством, которым она обладает». См.: Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. С. 287. 376 с.

[203] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. 29.01. 2025) // СЗ РФ.1997. № 1. Ст. 1.

[204] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 9.11.2020) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550; ФКЗ от 28.04.1995 №1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ

В Российской Федерации судебная власть осуществляется судьями на постоянной, профессиональной основе[205]. На конституционном уровне закреплены требования предъявляемые для замещения должности судьи, запреты и ограничения (ст. 119). Важной частью статуса судьи являются гарантии независимости и неприкосновенности. В постановлении от 7.03.1996г. Конституционный Суд определил, что неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов[206]. Следует отметить, что деятельность судьи должна отвечать требованиям Кодекса судейской этики[207], который, являясь актом судейского сообщества, устанавливает обязательные для каждого судьи правила поведения как в профессиональной деятельности, так и во внесудебной, включая частную жизнь. Кодекс содержит нравственно-этических требования к поведению судьи, положения законодательства РФ, а также общепризнанные международные стандарты поведения судей. Таким образом, основу правового доверия к судьям составляют независимость и профессионализм судей, подчинение только Конституции РФ и федеральным законам, соблюдение ими профессиональных и нравственно-этических правил поведения, отправление правосудия на началах справедливости и беспристрастности[208].

РФ. 1995. N 18 Ст. 1589; ФКЗ от 23.06.1999 №1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. N 26. Ст. 3170; ФКЗ от 07.02.2011 №1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. N 7. Ст. 898; Федеральный закон от 17.12.1998 № 88-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. N 51. Ст. 6270.

[205] Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[206] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 года № 6-П // СЗ РФ. 1996. №. 14. Ст. 1549.

[207] Кодекс судейской этики, утвержден 12.12.2012 г. VIII Всероссийским съездом судей (ред. от 1.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[208] О проблемах судебной власти и деятельности судов см., например: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПКТ РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления // Е.А. Борисова, Л.В. Головко, Н.Н. Ковтун и др.; под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрист, 2011; Кузьмин А.Г. Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. – М.: Издат. Дом «Городец», 2016; Судебная власть: институционально-правовые аспекты: Монография / Аулов В. К. , Бурдина Е. В. , Ермошин Г. Т. И др.; под ред. Ю.Н. Туганова. – М.: РГУП, 2019.

Доверие граждан к судебной власти непосредственно обеспечивается конституционной гарантией судебной защиты их прав и свобод (ст. 46), а также рядом иных конституционных гарантий (ст. ст. 47 – 52). Для достижения этой цели, во-первых, законодательно определены правовые возможности обращения за судебной защитой прав и законных интересов, в рамках соответствующих правоотношений; во-вторых, установлен процессуальный порядок рассмотрения обращения (иска, жалобы и т.п.) гражданина и производство в рамках дела; в-третьих, закреплена возможность обжалования решения суда; в-четвертых, установлен порядок исполнения судебных решений.

Граждане и создаваемые ими организации, общественные объединения могут обратиться за защитой своих прав, свобод, законных интересов в порядке конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ)[209]. Они вправе оспорить положение нормативного правового акта, решение (ненормативный правовой акт), действие (бездействие) органов публичной власти, должностных лиц, иных органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, в результате которых, по их мнению, были нарушены права, свободы, законные интересы или созданы препятствия к осуществлению прав, свобод, законных интересов либо на них незаконно возложена какая-либо обязанность, они незаконно привлечены к ответственности.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2022 г. № 21 указано, что судам при рассмотрении дел об оспаривании гражданами и организациями решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц необходимо проверять, исполнена ли органом или должностным лицом при принятии оспариваемого решения обязанность по поддержанию доверия граждан и их объединений к закону и действиям государства. Это означает необходимость суда проверять не только формальное соответствие решений, действий (бездействия) требованиям правовых норм, но также соблюдение запрета

[209] Каждый из видов судопроизводств регулируется федеральными законами. Тем самым обеспечивается гарантия судебной защиты прав граждан.

злоупотребления правом, когда орган или должностное лицо, например, налагает на гражданина обязанности, формально не противоречащие требованиям норм, но искажающие существо реализуемого гражданином права (п. 17)[210].

Важной частью обеспечения правового доверия к суду является соответствие судебного решения требованию правовой определенности. Конституционный Суд подчеркнул, что правовая определенность содержательно заключена в ясности, недвусмысленности правоприменительных решений; единообразном применении закона, включая единство судебной практики[211].

Одними из значимых средств поддержания доверия граждан к суду является открытость и гласность судопроизводства, а также информирование о деятельности судов. Правовое регулирование обеспечения доступа граждан к информации о деятельности судов регулируется Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[212].

В конституционном механизме поддержания доверия к публичной власти значимую роль играют специализированные органы. Таковыми, в частности, являются Уполномоченный по правам человека в РФ и уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также уполномоченные по правам ребенка (федеральный и региональный), уполномоченные по защите прав предпринимателей (федерального и регионального уровней), финансовый уполномоченный. «Основным предназначением федерального и региональных уполномоченных является обеспечение гарантий государственной защиты прав и

---

[210] Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 АПК РФ».

[211] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П // СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551; постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2022 № 59-П // СЗ РФ. 2023, N 2. Ст. 547.

[212] Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217. См. также Постановление Пленума ВС РФ от 13.12.2012 № 35 (ред. от 9.12.2025) «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 3.

свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами»[213].

Правовое доверие граждан к государству обеспечивается посредством реализации конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти (ст. 33)[214]. Следует отметить, что формы и процедура обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления были установлены лишь в 2006 г[215]. Закон установил процедуры подачи обращений (заявлений, жалоб, предложений), порядок их рассмотрения органами публичной власти, а также организациями, наделенными публичными функциями, контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений и ряд иных вопросов, обусловленных предметом его регулирования[216]. Существенно важно, что законодателем установлена ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных и муниципальных органов, а также иных организаций выполняющих публично значимые функции[217]. Отметим, что Закон становится базовым как для иных федеральных

---

[213] См., подробнее: Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университет имени О.Е. Кутафина. 2021. № 4. С. 25.

[214] Подробнее см., например: Савоськин А.В. Обращения граждан в Российской Федерации: понятие и виды. Монография / Савоськин А.В. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2015. (196 с.); Широбоков С.А. Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 158 – 164; Степкин С.П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 34 – 37; Горбачева С. В. Теоретико-правовые проблемы организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 59 – 64.

[215] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

[216] Следует отметить, что ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» претерпел изменения, в том числе под влиянием практики Конституционного Суда РФ. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 N 19-П // СЗ РФ. 2012. N 31. Ст. 4470. Отмечено влияние определений Конституционного Суда на практику применения данного Закона. См., например: Сергеева Д.А. Приращение конституционного содержания института обращений граждан определениями Конституционного Суда России // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 264–270.

[217] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального

законов содержащих положения об обращениях граждан[218], так и законов субъектов РФ, устанавливающих дополнительные гарантии реализации данного права граждан[219].

Гражданское общество должно иметь разнообразные формы и способы воздействия на публичную власть, которые позволяли бы осуществлять контроль за действием органов и должностных лиц. Такие формы получают институциональное закрепление в федеральных законах[220].

Таким образом, *принцип доверия, в аспекте правового доверия граждан к государству, состоит в том, что государство (органы публичной власти), действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений законодательства, обязано учитывать и защищать обоснованные ожидания граждан, возникшие в результате его действий или законодательства.*

Принцип доверия реализуется в правоотношениях, обеспечивающих пользование правами, возможностью их защиты, а также участием граждан в осуществлении общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, регулируемых конституционно актуальным законодательством.

закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2307.

[218] Например: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.03.1997. № 9. Ст. 1011; Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ (ред. от 8.08.2024) «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640; Федеральный закон от 9.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

[219] Например: Закон Курганской области от 6 декабря 2006 г. № 203 (ред. от 01.03.2019) «О порядке рассмотрения обращений граждан в Курганской области» // Новый мир – документы. 14.12.2006. № 41; Закон Воронежской области от 19 октября 2009 г. № 125-ОЗ (ред. от 22.05.2019) «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти Воронежской области» // Молодой коммунар. 22.10.2009. № 116; Закон города Севастополя от 11 марта 2020 г. № 566-ЗС «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в городе Севастополе» // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя (http://sevzakon.ru). 11.03.2024.

[220] См.: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

В современном конституционном государстве аспект правового доверия государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности должен приобрести системообразующий характер. При переходе от «патерналистской» к регуляторной модели «партнерства», государство, сохраняя контроль, делегирует часть функций «общих дел» институтам гражданского общества. Таковы, в частности: деятельность саморегулируемых организаций, на которые возложено право установление стандартов и правил в соответствующей сфере[221]; участие корпоративных общественных организаций в аккредитации и сертификации, а также экспертной деятельности[222], деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в осуществлении благотворительности, социальном обслуживании, социальной поддержке и защите граждан[223], участие в охране общественного порядка[224] и другие.

Государство, определяя правовой статус объединений граждан, сферу и общие направления деятельности, признает их автономию в формах и способах реализации полномочий. Способы регулирования отношений государства с общественными объединениями могут быть различными от предоставления широкой автономии, до более детальной регламентации[225]. Признавая важность деятельности объединений граждан в определенных сферах, государство, в лице уполномоченных органов осуществляет финансовую поддержку[226].

---

[221] См., например: Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организация» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076; Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 6076; Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организация в сфере финансового рынка» // СЗ РФ. 2015. № 49. Ст. 6076.

[222] Например, Ассоциация юристов России наделена правом осуществления аккредитации и сертификации юридических организаций, а также проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов. См., подробнее: https://alrf.ru/association/goals-and-objectives/ (дата обращения: 12.12.2025 г.).

[223] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

[224] Федеральный закон от 05.12.2005 N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5245.

[225] См.: Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых: Монография / Под общ. ред. профессора С.А. АВАКЬЯНА. – М.: Юстицинформ, 2015.

[226] См., например: Указ Президента Российской Федерации от 8.08.2016 г. № 398 (ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» // СЗ РФ. 2016. № 33. Ст. 5164; Постановление Правительства

Правовое доверие государства к гражданскому обществу реализуется в форме партнерства. Это, в частности, осуществляется в учреждении общественных палат (федерального, регионального и муниципального уровней)[227]. Государство, в лице Президента РФ, глав субъектов РФ и муниципальных образований участвуют в формировании части состава общественных палат соответствующего уровня и обеспечивают бюджетное финансирование их деятельности. Иную часть состава общественных палат формируют общественные объединения. В рамках деятельности общественных палат выдвигаются и обсуждаются общественные (гражданские) инициативы, направленные на реализацию, обеспечение и защиту прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и некоммерческих организаций; обсуждаются и предлагаются рекомендации органам публичной власти в этой сфере; осуществляется экспертиза нормативных правовых актов в области прав человека; осуществление контроля за соблюдением прав человека; участие в формировании органов общественного контроля (например, наблюдательных комиссий) и ряд других направлений[228]. Весьма содержательным является информирование органов публичной власти и граждан о состоянии гражданского общества в форме докладов, которые ежегодно подготавливаются и публикуются Общественной палатой РФ[229].

Российской Федерации от 27.10.2016 г. № 1096 (ред. от 29.06.2019) «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» // СЗ РФ. 2016. № 45 (ч. II). Ст. 6261.

[227] См.: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

[228] См., например: Научно-практический комментарий Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации и регламента общественной палаты Российской Федерации» / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына, В. М. Дикусар [и др.] ; под ред. А. Г. Кучерены. М. : Юстицинформ, 2007; Гриб В.В. Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институциализации гражданского общества: монография. – М.: Юрист, 2010; Троицкая Т.В. Общественная палата в России: история создания и тенденции развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. С. 422–426.

[229] См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2025 год // https://report2025.oprf.ru/ru-RU/status-report-civil-society-russian-federation-2025.html (дата обращения: 12.02.2026 г.).

В России сложились различные формы государственно-общественного партнерства в различных сферах[230]. По мнению исследователей, основные проблемы в рамках взаимодействия государства и институтов гражданского общества заключается в отсутствии единого правового режима, направленного на целевое регулирование отношений, который бы включал формы и механизмы взаимодействия, оценки эффективности результатов деятельности, механизмы профилактики рисков коррупции в сфере государственно-общественного партнерства[231].

Осуществляя взаимодействие с различными общественными объединениями, государство, в лице специально уполномоченных органов, осуществляет контроль за соблюдением общественными объединениями положений законодательства; в соответствии с законодательно установленными процедурами, осуществляет регистрацию учредительных документов, ведет государственный реестр организаций, контроль за исполнением переданных полномочий и целевым расходованием переданных финансовых средств; осуществляет контроль за исполнением обязанности организации по информированию о деятельности; направляет предписания о устранении выявленных нарушений требований законодательства, а в случае не устранения требований, в соответствии с установленными процедурами, обращается в суд с

---

[230] См., например: Абдулгалимов Р.З., Сунцов А.П. Предметы ведения и полномочия общественных объединений, участвующих в управлении делами государства // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 5. - С. 506 – 510; Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Монография / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д.ю.н., профессор Авакьян С.А. – М.: Юстицинформ, 2015; Чеботарев Г.Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 12. - С. 33-36; Фадеева А.Н. Партнерские отношения между государством и гражданским обществом: необходимость и проблемы становления // Вестник СГЮА. - 2017. - № 6 (119). - С. 52-58; Шапкина, Е.А., Марчук, П.В. Партнерство государства и общества в сфере экологической безопасности // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 4 (172). - С. 90-93; Масленникова, С.В., Сушильников, И.С., Галстян, Н.А. Партнерство и конкуренция предпринимателей и органов власти Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование: коллект. моногр. – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2025.

[231] Шапкина Е.А. Государственно – общественное партнерство: проблемы теории, методологии, практики. - дис. ...докт. юрид. наук : 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки. – М., 2023. С. 19 – 20.

иском о ликвидации объединения. Полномочиями по осуществлению контроля (надзора) за некоммерческими объединениями обладают ряд органов - Министерство юстиции РФ, Прокуратура РФ, Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг. Существенно важным для общественных объединений является исполнение функции контроля в рамках установленных законом или специальным актом[232]. Конституционным Судом было определено, что злоупотребление полномочиями или действия в ущерб законным интересам граждан и организаций со стороны проверяющих органов не допустимы и при осуществлении проверок общественных объединений должны соблюдаться ряд условий[233].

Итак, аспект правового доверия государства к институтам гражданского общества заключается в основанном на действующей Конституции Российской Федерации правовом развитии и поощрении многообразия форм общественных объединений граждан, их автономии, механизмов взаимодействия с государством, в том числе посредством делегирования «общих дел», с сохранением контроля со стороны уполномоченных государственных органов.

Таким образом, *принцип доверия, в аспекте правового доверия государства к институтам гражданского общества состоит в том, что государство (органы публичной власти), действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений статуса граждан (общественных объединений), признавая автономию, полагается на их разумность и добросовестность, сохраняя возможность осуществления контроля в законодательно установленных пределах.*

---

[232] См.: Приказ Министерства юстиции РФ от 30 декабря 2021 г. N 274 «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // https://minjust.gov.ru/ru/documents/8078/ (дата обращения: 12.12.2025 г.).

[233] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

Современное конституционное государство со сложно устроенной организацией предполагает установление системы правовых гарантий, механизмов сдержек и противовесов, которые бы не допускали возможность концентрации власти у одного органа или должностного лица. Для решения этой задачи организация государственной власти основана на принципе разделения властей как одной из основ конституционного строя Российской Федерации (ст. 10). Разделение единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно - их взаимодействие[234]. В условиях следования принципу разделения властей не допустимо противоборство властей[235]. Напротив, разделение властей предполагает их взаимодействие (ст. 80, 132 Конституции РФ) для наиболее эффективного решения задач и достижения целей государственного и общественного развития[236].

В научной литературе отмечается, что универсальной модели разделения властей, которая могла бы быть реализована в каждом государстве не существует[237]. Для воплощения основных смысловых концептов разделения властей, как свидетельствует опыт различных стран, не имеет значение количество ветвей власти[238]. Верно указано, что суть разделения властей

---

[234] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996. № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

[235] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998. № 28-П // СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

[236] В научной литературе указывается и на иные цели введения принципа разделения властей. См.:, например: Соболева А. К. Принцип разделения властей // Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / под ред. А.Н. Медушевского. – М., 2013. С. 79 – 80; Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы модели организации власти в Российской Федерации // Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. Авторского колл. и отв редактор – д.ю.н., профессор Авакьян С.А. – Юстицинформ, 2014. С. 64 – 65.

[237] См., например: Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. – М..: Юрид. лит., 1995; Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) Пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. С. 81; Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – М., Проспект, 2023. С. 79

[238] Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. С. 237 – 239. 320 с.; Кененова И. П. Практика и проблемы организации разделения властей в Российской Федерации (федеральный уровень) // Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. Авторского колл. и отв редактор – д.ю.н., профессор Авакьян С.А. – Юстицинформ, 2014. С. 146

заключена в правомерности действий каждого из органов государственной власти, создании системы гарантий для обеспечения этого[239].

В Российской Федерации модель организации государственной власти основываясь на принципе разделения властей включает законодательную, исполнительную, судебную и президентскую власти (ст. 11)[240]. При этом в отечественной научной литературе признается доминирующее положение института президента в системе разделения властей[241].

Конституционная система организации государственной власти, исходя из принципа разделения властей, предполагает не только организационные (порядок формирования, избрания, назначения) и функциональные (основное предназначение, компетенция) аспекты, но что не менее важно наличие процедур взаимного контроля и взаимодействия между органами государственной власти для поддержания конституционного правопорядка. Особенность конституционных отношений в системе государственной власти, как и публичной власти в целом, заключается не только в формализованных процедурах выражения доверия, но и контроля, как имманентно присущей государству (органам публичной власти) функции[242]. Контроль может иметь как превентивную, так негативную (пресекательную) направленность; последняя является формой правового недоверия.

Применительно к федеральному уровню государственной власти, в частности, избрание депутатов Государственной Думы основывается на

---

[239] См.: Лейст О.Э. с. 148.

[240]С.А. Авакьян, наряду с указанными, выделяет несколько разновидностей государственной власти. См.: Авакьян С.А. Конституционное право Росси. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 379.

[241] См., например: Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. - М., 1996 с.; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 447 – 482. 687 с.; Марино И. Президент Российской Федерации: конституционно-правовые отношения. От Конституционного Совещания до современной практики. – м.: АЛМИ, 2007; Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. – М.: Институт права и публичной политики, 2008;

[242] См.: Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10 – 18; Чиркин В.Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин. - Москва : Юристъ, 2008. - 214 с.; Контроль в современной России: вопросы теории и практики правового регулирования: монография. – М.: Юрлитиформ, 2013. 312 с.

процедурах, установленных федеральными законами[243], направленными на выражение интересов избирателей и наиболее полное возложение доверия избранным депутатам. Последние получают мандат представителей народа, вне зависимости от порядка выдвижения (применяемой избирательной системы подсчета голосов)[244]. Соответственно депутаты представительных органов иных уровней (субъекта РФ и муниципального образования), являются доверенными представителями населения соответствующего субъекта Российской Федерации.

Доверие граждан выражается посредством процедуры избрания кандидата на должность Президента РФ. По мнению авторов комментария к Конституции РФ, глава российского государства является представителем граждан, многонационального народа России, а не какой-либо политической силы или социального слоя[245]. В контексте представительства, С.А. Авакьян приходит к выводу об уместности определения статуса Президента РФ через категорию «лидер россиян»[246]. Правовое доверие состоит в наделении Президента РФ функцией гаранта Конституции РФ, особых полномочиях для обеспечения ее действия[247].

Правовое доверие выражается через иные формы наделения полномочиями – назначение, утверждение. К примеру, Президент РФ выражает доверие кандидатуре на должность Председателя Правительства РФ внося ее на рассмотрение в Государственную Думу (п. «а» ст. 83); Государственная Дума вправе утвердить или отклонить кандидатуру на должность Председателя Правительства РФ (п. «а» ст. 103, ст. 111), выражая недоверие кандидату.

---

[243] Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

[244] Авакьян С.А Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография / С.А. Авакьян. – Юстицинформ, 2022. С. 158 – 165; Актуальные проблемы конституционного права: к 100-летию Е.И. Козловой: монография / отв. ред. В.В. Комарова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 157- 165.

[245] См. Комментарий к Конституции Российской Федерации С. 601.

[246] Авакьян С.А Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография / С.А. Авакьян. – Юстицинформ, 2022. С. 249.

[247] Подробнее данный вопрос рассматривается в параграфе 1 главы 3 диссертации.

Особая конституционная конструкция доверия / недоверия закреплена в рамках контроля Государственной Думы за деятельностью Правительства Российской Федерации. Так, Председатель Правительства РФ вправе поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству РФ (ч. 4 ст. 117). Государственная Дума вправе выразить недоверие Правительству Российской Федерации (ч. 3. Ст. 117)[248].

Доверие и недоверие отражены в процедурах принятия, одобрения и введения в действие федеральных законов. В частности, Совет Федерации наделен правом отклонения принятых Государственной Думой федеральных законов. Президент РФ вправе отклонить принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации федеральный закон (ст. ст. 105, 107).

Для России как федеративного государства актуальным является поддержания правового доверия не только между ветвями власти на каждом из уровней (федеральном и региональном), но и между политико-территориальными уровнями власти. Взаимодействие федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ устанавливается в соответствии с Конституцией РФ и законодательством (федеральным и региональным) на основе конституционных принципов, посредством различных форм (организационно-правовой, финансово-бюджетной и др.). В рамках каждой из форм должен осуществляется контроль, обусловленный задачами и целями взаимодействия.

Особое значение имеет создание механизмов доверия и контроля (недоверия) в аппарате государственной власти, особенно исполнительной власти. Принцип доверия находит отражение в Федеральном законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»[249]. Доверие государства к гражданскому служащему выражено в ряде правовых конструкций. Назначая гражданина на должность гражданской службы, государство доверяет профессиональным и личным качествам кандидата; доверие проявляется в

[248] Рассмотрению данного вопроса посвящен параграф 2 главы 3 диссертации.

[249] Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31 Ст. 3215.

наделение гражданина публично-властными полномочиями, которые должны реализовываться в строгом соответствии с законом и должностным регламентом; служащий получает доступ к конфиденциальной информации, а в ряде ситуаций к информации, относимой к государственной тайне, что представляет собой форму правового доверия высокого уровня.

Гражданин, поступив на государственную гражданскую службу доверяет государству (представителю нанимателя) по защите статуса, исполнения обязательств по оплате труда и других выплат, обеспечения социальных и иных гарантий, поощрениям и награждениям, защиты от неправомерных действий и др.

Высокая степень доверия к государственному служащему налагает на него соответствующие обязанности, ограничения и запреты. Осуществляется систематический контроль за профессиональным уровнем служащего (аттестация), соблюдением им ограничений и запретов, включая служебные проверки. Закон устанавливает специальное основание увольнения государственного гражданского служащего – в связи с утратой доверия (ст. 59.2)[250]. В случае совершения гражданским служащим коррупционного правонарушения, сведения о его увольнении в связи с утратой доверия включаются в специальный реестр (п. 3 ст. 59.2), предусмотренный Федеральным законом от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» [251].

По мнению В.Д. Зорькина борьба с коррупцией является жизненно важным вопросом для государства и общества, без разрешения которого сложно достичь общественного согласия[252]. В постановлении Конституционного Суда от 31 октября 2024 г. указано, что Россия как правовое демократическое государство обязана принимать для противодействия коррупции достаточные и эффективные правовые меры, включая направленные на предупреждение незаконного

---

[250] См. подробнее, например: Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 50 – 64.

[251] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 Ст. 6228; 2011. № 48. Ст. 6730; 2017. № 27. Ст. 3929.

[252] Зорькин В.Д. Конституционная идеология – это система самоограничения государства // https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html (дата обращения: 12.12.2025 г.).

обогащения лиц, осуществляющих публичные функции. Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества[253]. На разрешение этой проблемы направлено усиление антикоррупционного контроля за должностными лицами и лицами, замещающими государственные и муниципальные должности[254].

Таким образом, *принцип доверия в системе публичной власти означает, что органы публичной власти действуют в рамках компетенции добросовестно, ответственно и согласовано, исходя из информационной открытости и подконтрольности /подотчетности.*

Особо значимый аспект принципа доверия составляет его осуществление в среде гражданского общества. Конституционная ценность «гражданского мира и согласия» предполагает наличие правовых механизмов направленных на обеспечение доверия в гражданском обществе. Свобода и инициативность, присущие гражданам и создаваемым ими объединениями, с одной стороны, должны быть выражены в действующем праве, с другой стороны, не должны ограничиваться законодательством вопреки конституционным основаниям (ч. 3 ст. 55).

Вместе с тем, отношения в гражданской среде между гражданами должно отвечать конституционному положению, согласно которому, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции). Данное положение, имеет в своей основе «Золотое правило», нормативный постулат выработанный исторически практикой

---

[253] Постановление Конституционного Суда от 31 октября 2024 г. N 49-П // СЗ РФ. 2024. N 46 Ст. 7029.

[254] См., например: Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М., 2012; Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, А.М. Цирин и др. – М.: Проспект, 2019; Шевердяев С.Н. Отражение современной антикоррупционной культуры в российском конституционном праве: монография. М.: Юстицинформ, 2020; Шевердяев С.Н. Круг лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ и муниципальные должности: к вопросу об актуализации антикоррупционного контроля в связи с конституционной реформой 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 27.

человеческих отношений у разных народов – «(Не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе»[255]. Выраженное в конституционном положении «Золотое правило» обрело форму нормативного предписания для каждого субъекта правоотношений.

На основе принципа доверия формируются руководящие (постоянно действующие) и контрольно-ревизионные органы. В процессе деятельности объединения его члены (участники) доверяют друг другу, а также выборным (руководящим) органам не только в социально-психологическом аспекте, но и посредством юридических процедур. Принцип доверия обеспечивается соответствием действий, их результатов осуществляемых руководящим органом уставным целям и задачам. На руководителя (руководящий орган) возлагается обязанность действовать исключительно в интересах объединения, а не в своих личных интересах. Одним из важных аспектов обеспечения доверия является контроль членов (участников) за деятельностью руководящего органа объединения.

Гарантиями доверия является соблюдение равенства прав членов (участников), обеспечиваемое правом на участие в деятельности объединения, правом на участие в управлении объединением, правом на доступ к информации о деятельности объединения, правом обжалования решений руководящих органов[256].

Следует отметить, что в деятельности общественных объединений значимую роль играют не только юридические процедуры обеспечивающие правовое доверие, но что не менее важно соблюдение членами нравственных постулатов, в том числе «золотого правила», а также репутация лиц, входящих в состав руководящих органов.

Таким образом, *принцип доверия в среде гражданского общества (отношениях граждан) означает, что гражданин действуя правомерно, проявляя*

---

[255] См.: Лейст О.Э. Сущность права. С. 173.

[256] Подробнее вопрос о реализации принципа доверия в институтах гражданского общества рассмотрен в главе 4 диссертации.

разумность и добросовестность полагается на адекватные и предсказуемые действия со стороны другого гражданина, не злоупотребляющего правом.

Итак, принцип взаимного доверия государства и общества реализуется посредством создания специальных правовых институтов, которые способствуют преодолению социальной настороженности и отчасти недоверия, обусловленные деятельностью органов публичной власти и различных форм деятельности гражданского общества[257].

Осуществление принципа доверия, обусловленное отражением ценности гражданского мира и согласия, иных конституционных ценностей в основах конституционного строя России, направлено на достижения конституционно установленных целей - государство правовое, демократическое, социальное, федеративное, светское, с республиканской формой правления.

Стабильное и максимально полное соответствие общественных отношений конституционному принципу взаимного доверия государства и общества порождает, должно порождать конституционный правопорядок, являющейся конституционной целью и одновременно условием развития основ конституционного строя России. Достижение и поддержание конституционного правопорядка, его постоянная актуализация конституционная обязанность государства, органов публичной власти[258]. Однако граждане, их объединения своими действиями должны способствовать поддержанию конституционного правопорядка. Особенно важным является использование гражданами правовых средств защиты нарушенных прав и восстановления в праве, а также осуществлением общественного контроля за деятельностью органов публичной власти.

Итак, исходя из анализа, полагаем, что принцип доверия осуществляется в следующих формах:

---

[257] Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № S3 (127). С. 157 - 166.
[258] Володина С.В. Указ.соч.

Обеспечивает переход (трансляцию) от идеальной модели регулирования конституционным правом в фактические отношения субъектов.

Непосредственно воздействует на общественные отношения как стандарт поведения.

Воплощается в нормативных конструкциях и институтах конституционного права и иных отраслей.

Выступает в качестве фактора взаимодействия различных органов публичной власти; фактора, объединяющего граждан и институты гражданского общества.

Выступает в качестве критерия доктринальной оценки при осуществлении конституционного судебного контроля.

Является основой для формирования концептуальных подходов в правоприменении и судебной практике.

Выступает ценностно-идейной основой мотивации поведения субъектов, правового сознания должностных лиц и граждан.

Интегрирует связи иных конституционных принципов для достижения системной устойчивости и конституционности.

Глава 2. Конституционализация принципа доверия в конституционном строе России

2.1 Принцип доверия и конституционализация российского законодательства

Современная отечественная наука конституционного права весьма насыщена теоретическими разработками, концепциями, идеями, объясняющими роль и значение Конституции Российской Федерации в государственной и общественной жизни. При всем разнообразии воззрений и методологических подходов, отечественная конституционная теория сосредоточена на разработке понятий «конституционализм» и «конституционализация» как в содержательном, так и практическом аспектах.

Категория «конституционализм» наиболее активно применяется в науке конституционного права (отечественной и зарубежной). Она используется в качестве оценочной при характеристики современного государства и общества. Исходная идея заключается в признании господствующей роли конституции в регулировании отношений, на соответствии конституции организации государственной (особо верховной) власти, форм представительной демократии и парламентаризм, системы защиты прав и свобод человека. Понятие «конституционализм» возникшее в начале XVIII в. на основе конституционного развития США и Франции исходило из конкретно исторического опыта. Конституция США 1787 г. закрепила итог революционного восстания «нарождающейся нации» против Англии, объявляя существование нового государства с республиканской формой правления[259]. Во Франции

[259] В историческом плане началом доктринального осмысления конституционализма послужила Конституция США. В статьях «Федералиста» публикуемых в 1787 – 1788 гг., авторами которых являлись А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей, ставились вопросы о сущности государства и наилучшей организации власти, о естественных правах человека, собственности и свободе вероисповедания др. Выраженные в этих статьях взгляды несомненно повлияли на последующее развитие идей конституционализма (см. например: Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции / пер. с англ. – М., 2010). Количество трудов о «конституционализме» с тех времен не поддается исчислению. Примечательно, что только в рамках интерпретации действующей Конституции США сложилось множество концептуальных направлений (См., например: Сафронов В.Н. Конституционное

конституционализм объявлялся панацей от монархического деспотизма, как ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия и благополучия.

На протяжении последующего столетия идея конституции и основанное на ней ограничение государственной власти постепенно получили распространение в Европе и государствах Латинской Америки. Богатая и разнообразная практика конституционного развития, особенно во второй половине XX в., государств Западной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки, послужила основой разработки концепций и доктрин конституционализма, не сводимых к единой теорий. Отмечается, что «конституционализм» как понятие не имеет однозначного, хрестоматийного определения, но включает ряд характеристик современного государства, наиболее важными из которых объявляются - ограничение государственной власти, верховенство права, представительное правление, права и свободы человека[260].

В современной российской науке конституционного права «конституционализм» рассматривается в доктринальном аспекте, как система воззрений на конституцию, организацию публичной власти на определенных конституционных принципах, обусловленных признанием и системой защиты прав человека и практическом аспекте, как воплощение в правовых и политических институтах конституционного строя государства идей конституционализма[261].

правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование: монография. – М., 2018; Берлявский Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022.

[260] Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) : Пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001.

[261] См., например: Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. - М., 1996; Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. С. 164 – 165; Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные труды. – М.: Формула права, 2013; Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд – во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004; Кутафин О.Е. Российский конституционализм/ О.Е. Кутафин. М.: Норма, 2008; Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография – М.: Изд-во РАП, 2008; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; Инфра-М, 2011; Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – М., Проспект, 2023.

В одной из первых работ постсоветского периода указано, что понятие конституционализма охватывает теорию конституции, историю и практику конкретной страны, группы стран и мирового сообщества; конституционализм является системой знаний о фундаментальных ценностях демократии[262].

Наиболее широкий взгляд представлен С.А. Авакьяном. По его мнению, предпосылкой конституционализма являются идеи, главными из которых являются: связанность государства и общества законом; внедрение в общественное сознание идеи авторитета и достоинства личности; участие народа в осуществлении функции власти; наличие процессуальных механизмов защиты прав и свобод граждан; общественное сознание, основанное на убежденности в полезности институтов власти и государственных законов, их оформляющих, возможности достижения социальной справедливости и защиты обоснованных интересов, основанных на нормах права. Кроме идей, конституционализм заключается в конституционно-правовых институтах, политическом режиме, системе защиты конституционного строя и конституции[263].

Феномен конституционализма, как и его понятие, рассматривается Н.В. Витруком как многоэлементное и многоуровневое. Им выделен ряд блоков: конституционное мировоззрение как философско-правовое осмысление конституции, конституционно-государственную идеологию; конституционно-правовую политику; конституционную теорию как систему научных взглядов на конституцию; конституцию в связи с взаимодействием с иными источниками конституционного права; конституционность и конституционный порядок; средства обеспечения реализации, охраны и защиты конституции; конституционное общественное (профессиональное, индивидуальное) сознание; конституционно-правовое просвещение, обучение и воспитание[264]. Н.В. Витрук указывает на множественность элементов охватываемых понятием

---

[262] Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. - М., 1996. – С. 3.

[263] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность: 2- изд. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000.- С.230 – 232.

[264] Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография – М.: Изд-во РАП, 2008. С. 226.

конституционализм. В его трактовке конституционализм предстает в виде комплексного образования включающего – мировоззрение, теорию, нормативную и правоприменительную практику, образование и воспитание.

В.Т. Кабышев предложил рассматривать конституционализм как явление включающее конституционные идеи, Конституцию, политический режим в рамках Конституции, которая воплощает систему правовых ценностей. К ним относятся: приоритет прав человека, народовластие, разделение властей, федерализм, верховенство права, политический и идеологический плюрализм, многообразие форм собственности[265]. Он указывает на важность практики «реального конституционализма», когда Конституция будет соблюдаться системой публичной власти и обеспечиваться защита прав человека[266].

А.Н. Кокотов и Л.В. Сонина, раскрывают понятие конституционализм посредством категории «политико-правовой режим». Они полагают, что конституционализм есть наиболее универсальный политико-правовой режим на началах конституционности, созданный для цели равновесного общественного и государственного состояния[267]. В более поздней работе А. Н. Кокотов трактует конституционализм в качестве некоего идеального состояния отношений по линии государство – общество; это достижение баланса властных полномочий между государством и обществом; целью конституционализма является укрепление в обществе гармонии и свободы[268].

Н.С. Бондарь полагает, что категория конституционализм является научно-теоретическим и, в тоже время, нормативным правовым отражением реальных общественных отношений с позиции достигнутого уровня свободы и организации власти в государстве. Он указывает на различные формы проявления конституционализма (политико-правовая идеология, политическая и правовая

---

[265] Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные труды. – М.: Формула права, 2013. С. 93

[266] Кабышев В.Т. Указ. соч. С. 290.

[267] Кокотов А.Н., Сонина Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 128 – 131.

[268] Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юристъ, 2004. С. 78 – 79.

практика и т.д.)[269]. В последующих работах Н.С. Бондаря понятие конституционализма рассматривается им в качестве философско-правовой категории; в практическом аспекте как практика осуществляемая Конституционным Судом РФ[270].

Иной подход к пониманию конституционализма представлен К.В. Арановским. По его мнению конституционализм есть усвоение идей и ценностей в обществе, в мировоззрении и практике, как результат освоения конституционного права в государстве и обществе[271].

Весьма широкий взгляд на понимание конституционализма излагается И.А. Кравцом. Им предложен «интегративный подход» для изучения и исследования российского конституционализма, который нацелен на интеграцию различных, но взаимосвязанных подходов. Он указывает на необходимость и важность рассматривать конституционализм как правовой, исторический, политический и социальный феномен. Выдвигая идею интегративного подхода в исследовании феномена российского конституционализма, он выделяет несколько его элементов: правовую категорию науки, исторические формы, функции конституции, конституционное правосознание и правовую культуру, систему правовых принципов, прямое действие конституции, конституционно-правовую ответственность, теорию внесения конституционных поправок, конституционную герменевтику[272]. Такое предельно широкое понимание все же не раскрывает существо данного понятия, скорее указывает на общий теоретический подход и направления доктринального «освоения» (исследования) конституционализма.

Следует признать, что в работах отечественных исследователей конституционализм определяется как совокупность трех частей: теория (доктрина), основанное на конституции действующее законодательство и

---

[269] Бондарь Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения. – М., 1999. С. 200.

[270] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: ИНФРА-М, 2011.

[271] Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. – СПб.: Изд – во «Юридический центр Пресс», 2003.

[272] Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд – во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 66 - 67.

юридическая (конституционная) практика. Конституционализм как теория сосредотачивается на идее ограничения государственной власти конституцией основанной на ценностях демократии и прав человека. Конституция оказывает определяющее воздействие на текущее законодательство, которое должно отвечать ее целям и принципам. Юридическая практика, соответственно, должна быть опосредована Конституцией, находится в состоянии конституционности. Для должного обеспечения конституционализма, как соответствия идеальной конституционной модели существующей практики, высоко значима роль Конституционного Суда РФ, которому принадлежит разработка доктрины российского конституционализма.

В современной российской теории конституционализма активно развивается ряд направлений: «рациональный» конституционализм (Авакьян С.А., Кабышев В.Т.), судебный (Витрук Н.В., Бондарь Н.С.), интегративный (Кравец И.А.), философско-правовой (Эбзеев Б.С., Гаджиев Г.А., Кокотов А.Н., Крусс В.И.). При всех различиях, отечественная конституционная теория исходит из признания правогенерирующей роли Конституции Российской Федерации в правовой системе. Идеальность Конституции соотносится с законодательством, юридической практикой и, на этой основе, критически оценивается конституционный правопорядок России.

Наряду с разработкой понятия «конституционализм» в отечественной научной теории активно используют категорию «конституционализация». Во многом данная категория применяется для описания и выявления особенностей процесса реализации Конституции в российской правовой системе. Полагаем, применение категории «конституционализация» обусловлено важностью исследования процесса «проникновения» положений Конституции, как необходимого и необратимого явления, в функциональном, институциональном и правореализационном аспектах.

В научной доктрине сложились различные подходы в понимании категории «конституционализация».

По мнению Б.С. Эбзеева конституционализация представляет непрерывный процесс осуществления принципов и норм Конституции в текущем законодательстве, правоприменительной практике, в усвоении субъектами правоотношений базовых конституционных ценностей и принципов. В процесс конституционализации вовлечены все элементы правовой системы: система законодательства, правоприменительная практика, правовое сознание. Она постепенно охватывает все сферы жизни государства и укореняется в обществе[273].

С позиции Н.В. Витрука конституционализация это процесс реализации конституционных установлений (принципов, норм и др.) в законотворчестве, в сфере частного и публичного права, в судебной и иной правоприменительной практике по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина. Им отмечено повышение роли конституционных принципов и норм в правовой системе, в общественной и государственной жизни. При этом особая роль в процессе конституционализации нормативно-правовой системы, по его мнению, принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации[274].

По мнению И.А. Кравца термин «конституционализация» может использоваться для обозначения двух разновекторных процессов регулирования общественных процессов. Во-первых, когда в силу особой значимости общественные отношения могут регулироваться нормами, закрепленными в конституции; во-вторых, распространение регулирующего воздействия конституции на всю систему права и законодательства[275]. По сути речь идет о прямом и опосредованном действии Конституции. Полагаем, применение термина «разновекторность» применительно к процессу конституционализации не совсем удачно, поскольку в каждом из направлений конституционные нормы регулируют отношения в соответствии с целями и принципами Конституции РФ.

---

[273] Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 6.

[274] Витрук Н.В. Верность Конституции : Монография.- М.: Изд-во РАП, 2008. С. 250 – 215.

[275] Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд – во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 324.

Далее И.А. Кравец полагает, что конституционализация правопорядка есть «процесс проникновения норм конституции и конституционного права в качестве обязательных императивов в различные компоненты правовой системы»[276]. Соглашаясь в целом с его позицией, полагаем, что термин «проникновение» все же не совсем корректен, поскольку речь идет о осуществлении положений (принципов, норм, презумпций и иных содержательных элементов текста) Конституции РФ в практической деятельности, включая развитие конституционных принципов и норм в текущем законодательстве. Кроме того, компонентом правовой системы является правовое сознание и очевидно «проникновение» в сознание – нонсенс. Речь может идти об усвоении сознанием субъектов отношений конституционных положений. В целом, конституционализация рассматривается им как процесс, воздействующий на правовую систему и в значительной степени на отрасли отечественного права. И.А. Кравец обратил внимание на неизбежность «юридизации» общественных отношений в процессе конституционализации[277].

Конституционализацию предложено понимать, как воплощение ценностей конституционализма во всех компонентах правовой системы как ядра их основы и дальнейшего развития. При этом различаются два уровня конституционализации: международная и национальная[278]. Отметим, что в ряде работ отечественных исследователей «конституционализация» рассматривается как неизбежный всемирный процесс в рамках глобализации[279]. Категория «конституционализация» весьма активно применяется в исследованиях проблем отраслевого законодательства[280].

---

[276] Там же. С. 325.
[277] Там же. С. 322.
[278]Плотникова И.Н. Экономическая свобода личности в России: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... доктора. юрид. наук. – Саратов, 2023. С. 19.
[279] Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография /Под ред. Н.В Варламовой и Т.А. Васильевой. - М.: ИГП РАН, 2017; Институты публичной власти в условиях глобализации: монография /под ред. Т.А. Васильевой и Н.В. Варламовой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2020.
[280] Например, Головко Л.В Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгом и реальностью // Государство и право. 2013. С. 83 – 94; Либанова С.Э. Конституционализация норм договорного права (проблемы правоприменения в адвокатской

По мнению В.И. Крусса идея «конституционализма» несмотря на значительное количество работ отечественных ученых остается во многом отвлеченной теорией, лишь отчасти соотнесенной с «реалиями и «качеством» правопорядка в России. Он полагает необходимым разработку теории конституционализации, как отражающей и обеспечивающей национальный проект практического конституционализма в России. Под конституционализацией В.И. Крусс понимает «соответствующий национальной конституционной модели суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования (развития, обновления) государства и права (широком значении)»[281]. В качестве объекта конституционализации он предлагает рассматривать правовую систему в единстве ее компонентов: правового сознания, системы права и юридической практики. Он выделяет особую роль Конституционного Суда РФ в процессе конституционализации, которому принадлежит «объективирование правовой материи» конституционного текста посредством интерпретационно-генерирующей деятельности[282]. Особенность позиции В.И. Крусса заключается в признании прав и свобод человека как метаправовых феноменов на конкретизацию которых в содержательном плане направлена конституционализация.

Таким образом, в отечественной научной теории конституционализация рассматривается как процесс реализации принципов, ценностей и норм действующей Конституции Российской Федерации в правовой системе, во всех, регулируемых правом, сферах государственной и общественной жизни. Существенная роль в этом процессе принадлежит интерпретационной практике Конституционного Суда РФ, его правовым позициям.

практике) // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4 (6). С. 56 – 61; Яценко Т.С. Конституционализация гражданского права и ее влияние на правовое регулирование имущественного оборота // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 21 – 24; Фомин А.Г. Конституционализация административного законодательства как путь к построению гражданского общества // Молодой ученый. 2023. № 52 (499). С. 325 – 327.

[281] Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории : монография / В.И. Крусс. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 16.

[282] Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории : монография. С. 75 – 77.

Вместе с тем, понимание конституционализации, на наш взгляд, не может сводиться исключительно к деятельности высшего судебного органа конституционного контроля. В этом процессе значимая роль принадлежит органам законодательной, исполнительной и судебной власти (судам общей юрисдикции и арбитражным судам)[283]. Особая миссия возложена Конституцией на Президента РФ, как гаранта Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80).

Полагаем значимым участие в процессе конституционализации иных государственных органов, наделенных Конституцией Российской Федерации специальной компетенцией для поддержания режима конституционности.

Так, особая роль принадлежит Центральному банку Российской Федерации. Конституция возлагает на него обязанность по защите и обеспечению устойчивости рубля (ч. 2 ст. 75). Данная обязанность, которой наделяется исключительно Центральный банк РФ, направлена на поддержание доверия к национальной денежной единице. Соответственно Центральный банк, как независимый от других органов публичной власти, должен обеспечить защиту и устойчивость рубля используя полномочия, которыми он наделяется в рамках Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[284].

Компетенционные особенности прокуратуры позволяют утверждать об опосредованном ее участии в обеспечении режима конституционности и, следовательно, в общем процессе конституционализации. Конституция РФ обязывает органы прокуратуры осуществлять надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, а также надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 129). С конституционным положением сопрягается одна из форм деятельности прокуратуры - участие в правотворческой деятельности. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»

---

[283] Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. – М.: Издательский Дом «Городец», 2016. – 368.

[284] Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. N 28. Ст. 2790.

обязывает прокуроров, для цели совершенствования нормативной системы вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[285].

Прокуратура, кроме собственно инициативной разработки проектов законов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанных с компетенцией органов прокуратуры, участвует в подготовке законопроектов и других проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых другими органами государственной власти, готовит правовые заключения по законопроектам и иным нормативным правовым актам, участвует в обсуждении законопроектов в палатах Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Одно из важных направлений деятельности - превентивный контроль за принятием нормативных правовых актов, включая законы, органами законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. Прокуратура обязана предотвратить принятие таких актов в случае их противоречия Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству[286]. Следовательно, Положение устанавливает обязанность прокуратуры по осуществлению превентивного конституционного контроля.

Полагаем, конституционализация, будучи общим процессом реализации (осуществления) ценностей, принципов, и норм действующей Конституции Российской Федерации в правовой системе, осуществляется конституционно установленными органами государственной власти и государственными органами

---

[285] Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. N 47. Ст. 4472.

[286] Положение об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации (утв. Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 31.08. 2023 № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления») // СПС «Гарант».

(наделенными эксклюзивными полномочиями) в пределах компетенции и законодательно установленных процедур.

В специальном значении, применительно к принципам, конституционализация представляет собой: во-первых, осуществление конституционных принципов в законодательстве (законах и производных актах) посредством законодательно установленных процедур для достижения презюмируемых ими целей; во-вторых, возможность и необходимость субъектов правоотношений соотносить свои действия с конституционными принципами и закрепленными в нормативных правовых актах моделями поведения участников; в-третьих, интерпретацию принципов органом конституционной юстиции для цели должного (конституционного) правопонимания и устранения неопределенности в правоприменительной практике.

Конституционализация направлена на раскрытие и усиление регулятивного потенциала конституционных принципов. Как отмечал О.Е. Кутафин, «каждый конституционный принцип существует не сам по себе. Они конституционируют государство в совокупности и потому должны рассматриваться только во взаимосвязи. Конституционные принципы могут дополнять и конкретизировать друг друга, все они находятся во взаимозависимости»[287].

Цель конституционализации заключается в достижении и поддержании режима конституционности, как деятельности направленной на соответствие существующих отношений в государстве и обществе основам конституционного строя.

Конституционные принципы служат основой деятельности федерального законодателя при создании законов, их принятии и введении в юридическую силу. Действующая Конституция исчерпывающе установила субъектов права законодательной инициативы (ст. 104), участников и процедуры законодательной деятельности (ст. ст. 104 – 108). Конституция вверяет Федеральному Собранию (Государственной Думе и Совету Федерации) исключительное полномочие по осуществлению законодательной деятельности (ст. 94). Исходя из данных

[287] Кутафин О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. М.: Норма, 2008. С. 194.

конституционных положений в отечественной конституционной доктрине сформулирована «презумпция добросовестного законодателя»[288]. Это означает, что деятельность федерального законодательного органа обусловлена ценностями и принципами Конституции РФ[289], до тех пор пока в порядке конституционного судопроизводства не будет установлено обратное. Априори федеральный законодатель соблюдает положения Конституции РФ, следует ценностям и принципам. Презумпция добросовестного законодателя предполагает, что Федеральное Собрание, обладая достаточно широкой свободой усмотрения, должно стремится к тому, чтобы осуществляемое им законодательное регулирование соответствовало конституционным целям, а правовые механизмы реализации прав и свобод граждан, иных субъектов были обеспечены гарантиями, в соответствии с конституционными ценностями и принципами. На презумпции добросовестного законодателя основано доверие к его деятельности и результатам.

С презумпцией добросовестности законодателя взаимосвязана и им обусловлена «презумпция конституционности закона»[290]. Она основана на конституционном установлении о не противоречии Конституции Российской Федерации законов и иных правовых актов (ч. 1 ст. 15). Презумпция конституционности закона заключается в признании действующих законов соответствующими Конституции Российской Федерации, до тех пор, пока Конституционным Судом не будет установлено иное. При оценке

---

[288] Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 г. № 13-П // СЗ РФ. 2012. № 24. Ст. 3256.

[289] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

[290] В научных работах обосновывается положение о презумпции нормативных правовых актов. См.: Петров А.А. Презумпции конституционности правовых актов и ее законодательное закрепление в Российской Федерации // Закон. 2009. № 9. С. 48 – 53; Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: монография. – М.: Юстицинформ, 2009; Сивицкий В.А. Презумпции конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 499 – 502. Г.А. Гаджиев рассматривает презумпцию добросовестного законодателя и презумпцию конституционности закона в качестве совпадающих понятий. См: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) / Г.А. Гаджиев. М. : Юристъ, 2004. С. 11.

конституционности закона (иного нормативного правового акта) Суд исходит из презумпции конституционности оцениваемого нормативного акта и должен в рамках дела разрешить вопрос о его соответствии или не соответствии Конституции Российской Федерации[291].

Презумпция добросовестного законодателя и презумпция конституционности закона основаны на принципе доверия, согласно которому законодатель должен своими действиями и результатами действий (закон) оправдывать конституционное доверие, которое иные органы публичной власти и граждане оказывают законодателю и его решениям.

Деятельность федерального законодателя по осуществлению конституционных принципов в законодательстве является особым видом правотворческой деятельности. Она заключается в разработке юридических конструкций (логико-юридических), наиболее полно воплощающих конституционные принципы в текущем законодательстве. Результатом данной деятельности должно быть отражение принципов в содержании закона. Это явление можно определить как «конституционную трансдукцию принципов», суть которой заключается в передачи характеристик (качеств) принципа закону[292]. В постановлении от 27 января 1993 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что общие принципы конституционного права «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности

---

[291] Ст. 36 (ч.2) ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[292] В теории конституционного права предложено понятие «трансдукции права», как деятельности правотворческого органа осуществляемой в рамках компетенции направленной на конституционное обоснование текущего законодательства и обеспечение его соответствия Конституции для цели ее эффективного осуществления всеми субъектами права. См.: Белкин А.А. Государственное право: юридическая техника и юридические категории: избранные статьи. – М., 2007. С. 74 – 75. Предлагаемое нами понятие выражает исключительно результат деятельности законодателя воплощенный в законе.

перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»[293].

Следует отметить, что осуществление конституционных принципов в законодательстве производится не путем текстуального воспроизведения конституционного принципа (что не исключается), а в передаче идеи и цели принципа нормам и иным предписаниям закона. Это не означает, что принцип должен быть выражен в одной или нескольких нормах, либо иных нормативных предписаниях (принципах, дефинициях, фикциях и т.д.). Законодатель, обладая свободой усмотрения, должен посредством логико-юридических операций формулировать правила закона так, чтобы они не вступали в противоречие с телеологическим основанием конституционного принципа и не нарушали установленные им границы (пределы).

В тоже время осуществление конституционных принципов должно заключаться прежде всего в соответствии закрепляемых в законе принципов конституционным принципам. Российская практика свидетельствует о том, что почти в каждом принимаемом законе закрепляется система принципов, которая по мнению законодателя определяет регулируемые отношения. Эти принципы устанавливают общие параметры регулируемых законом отношений. Они организуют регулятивный потенциал положений закона.

Осуществление конституционных принципов в текущем законодательстве будучи наиболее сложным видом деятельности законодателя должно проистекать с учетом ряда требований.

Прежде всего, законодатель должен учитывать специфические особенности сферы регулируемых отношений, применительно к которой необходимо обеспечить действие принципа. Соответственно закрепляемые законом принципы должны быть адекватны сфере регулируемых отношений. В этом заключается **первое требование** к конституционализации принципов.

---

[293] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01. 1993 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. N 2 – 3. 1993.

Например, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляет в качестве основных принципов деятельности Конституционного Суда РФ - независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон (ст. 5)[294]. Закрепленные принципы определяют, как статус Суда (независимость, коллегиальность), так и основу конституционного судебного процесса (гласность, состязательность, равноправие сторон). Поскольку федеральный законодатель соединил в Законе правовое регулирование организации и деятельности Конституционного Суда, статус судьи и правила конституционного судопроизводства, закрепленный состав принципов отражает предмет регулирования Закона.

Другой пример, Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации», который регулирует статус Счетной палаты РФ и отношения, возникающие в процессе осуществления ею внешнего государственного аудита (контроля) порядка формирования управления и распоряжения средствами федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов, федеральной собственностью и иными ресурсами. В качестве принципов деятельности Счетной палаты законодатель определил: законность, эффективность, объективность, независимость, открытость и гласность (ст. 4)[295]. Указанные принципы в целом соответствуют предмету правового регулирования и отражают наиболее важные основы статуса и деятельности Счетной палаты. Вместе с тем, данные принципы имеют весьма общий характер и могут быть закреплены в законе о статусе иных государственных органов. В целом, эту систему принципов следует признать наиболее оптимальной для закрепления статуса государственного органа. Для завершенности данной системы принципов полагаем важным закрепление принципа «ответственности». Каждый государственный орган наделяется не только компетенцией и способами

---

[294] Федеральный конституционный закон от 23.07.1994 (ред. от 31.07.2023) N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[295] Федеральный закон от 5.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

(средствами) ее осуществления, но и отвечает за действия, совершаемые за пределами или в нарушении компетенции.

Второе требование заключается в сопряжении закрепляемых в законе принципов с конституционными принципами. Установленные в законе принципы регулируют конкретную сферу отношений, определенную Конституцией Российской Федерации. Соответственно закрепленные в законе принципы не должны вступать в противоречие с конституционными принципами, ибо именно они определяют условие действия выраженных в законе принципов. Для процесса конституционализации наиболее важным является должное соответствие принципов закона конституционным принципам.

В Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации», определено, что основными принципами деятельности Правительства РФ являются: верховенство Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов, принципы народовластия, ответственность, гласность, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, единство системы публичной власти (ст. 3)[296]. В составе закрепленных принципов: во-первых, содержится принцип почти буквально воспроизводящий конституционный принцип (верховенство Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов); во-вторых, введен принцип «народовластия» («принципы народовластия»), как один из основополагающих принципов основ конституционного строя России; в-третьих, закреплен принцип определяющий одно из основных направлений деятельности Правительства - обеспечение прав и свобод человека и гражданина; в-четвертых, установлен принцип организации государственной власти - единство системы публичной власти; в-пятых, закреплены собственно принципы деятельности Правительства РФ (ответственность, гласность). Таким образом, сопряжении закрепляемых в Законе принципов с конституционными принципами производится как посредством

[296] Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

текстуального соответствия, так и содержательно-смыслового отражения конституционных принципов, исходя из особенностей правового регулирования. Полагаем в системе закрепленных принципов не лишним было бы отражение принципа разделения властей, который значимо определяет конституционное положение Правительства Российской Федерации, а также коллегиальности и персональной ответственности Председателя и членов Правительства.

Другой пример, Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». Согласно Закона основными принципами регулируемой сферы являются следующие: гражданство РФ единое и равное независимо от оснований его приобретения; гражданин РФ не может быть лишен гражданства РФ или права изменить его; проживание гражданина РФ за пределами России не прекращает его гражданства РФ; гражданин РФ не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан иностранному государству; законодательство в области гражданства РФ не может содержать положений, ограничивающих права лиц по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; государство поощряет приобретение гражданства РФ лицами без гражданства, проживающими в России (ст. 5)[297].

Указанные принципы следуют Конституции, воспроизводят конституционные принципы, составляющие основу института гражданства (ст. ст. 6, 19, 61). Таким образом, принцип единого и равного гражданства, запрет лишения гражданства, принцип экстерриториальности гражданства, запрет на экстрадицию и экспатриацию гражданина будучи закрепленными в Законе, усиливают регулятивное действие конституционных принципов и определяют, как содержание всего комплекса нормативных правовых актов, так и отношения в сфере гражданства.

В Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» наряду с иными закреплен принцип обязательности участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации

[297] Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1. Ст. 3215.

молодежной политики (ст. 5)[298]. Означает ли данный принцип, что каждый молодой человек, каждая семья и каждое молодежное общественное объединение обязаны участвовать в формировании государственной политики в данной сфере, а в последствии в реализации этой политики? Как это сочетается с конституционным принципом свободы (ст. 22), а также принципом добровольности участия в управлении делами государства (ст. 32). Обладает ли правом на участие в формировании и реализации молодой человек, молодежное общественное объединение имеющие иные, отличающиеся от официально прокламирумых, взгляды?

Третье требование состоит в соблюдении правовой определенности принципов закона, составляющей юридико-содержательную основу принципа доверия к закону. Правовая определенность принципов должна заключаться в соблюдении требований формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания принципов, их согласованности в системе закрепленных принципов.

Так, например, в Федеральном законе «О политических партиях», в статье 8, закреплены «Основные принципы деятельности политических партий»[299]. В качестве основных определены следующие принципы: добровольность, равноправие, самоуправление, законность, гласность. Кроме того, в п. 2 закреплено, что деятельность политических партий не должна нарушать права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации. В последующих пунктах данной статьи по сути уточняется содержание принципов гласности и равноправия (п. 3 и п. 4).

Образование и деятельность политических партий, как институтов гражданского общества, основано на конституционном праве граждан на объединение. Конституция гарантирует свободу создания и деятельности объединений (ст. 30). Партии, как и иные объединения, создаются по доброй воле

---

[298] Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

[299] Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 23.03.2025) «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

их участников. Соответственно принцип добровольности лежит в основании создания и деятельности политической партии как объединения граждан Российской Федерации.

Принцип равноправия создает правовые возможности граждан в реализации права на объединение, что выражается в праве каждого создавать политическую партию, право вступать в политическую партию, право воздерживаться от вступления в нее, право участвовать в деятельности политической партии и право выходить из состава политической партии. В Законе принцип равноправия конкретизируется в отношении членов политической партии - должны создаваться равные возможности мужчинам и женщинам, гражданам РФ разных национальностей для представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти, органах публичной власти федеральных территорий и органах местного самоуправления (п. 4). Таким образом, принцип равноправия дополняется установлением гендерного и этнического (национального) равноправия как условия деятельности членов во внутрипартийных вопросах, так и деятельности партии в политической жизни государства.

Принцип самоуправления закрепляет правовые возможности политической партии как независимого института гражданского общества. Закон устанавливает свободу деятельности политической партии как в определении целей, внутренней структуры, так и выбора форм и методов работы. Вместе с тем, содержится оговорка об ограничениях, установленных данным Законом. Установлены ограничения: на создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремисткой деятельности; создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности; на создание подразделений партий в органах публичной власти, в Вооруженных Силах РФ и правоохранительных органах, иных государственных органах, а также их деятельность в них (за исключением законодательных органов федерального и

регионального уровней, а также представительных органов местного самоуправления) (ст. 9).

Эти ограничения обусловлены как российской практикой, так и зарубежным опытом. Так, Конституционный Суд признал соответствующей Конституции РФ положение Закона о запрете на создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности[300]; признал возможность создания политических партий исключительно на общефедеральном уровне [301].

Принцип законности заключается в соблюдении политическими партиями положений Закона и иных федеральных законов, а также нормативных актов регулирующих области проявлений их деятельности. Данный принцип всецело определяет как процесс создания, так и деятельности политических партий, а также процедуры приостановления деятельности и ликвидации. Деятельность политических партий регулируется рядом иных законов: «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и другими, обязательными для соблюдения политическими партиями.

Гласность как один из важнейших принципов деятельности политических партий обеспечивает социальное и политическое доверие. Будучи одним из значимых институтов современного российского гражданского общества и в тоже время активными участниками политических и государственно-властных отношений, партии осуществляют не только внутри организационную, но также идеологическую, имущественную, финансовую и иную деятельность; партии активные участники избирательных правоотношений. Важная роль в

---

[300] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П // СЗ РФ. 2004. N 51. Ст. 5260.

[301] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 № 1-П // СЗ РФ. 2005. N 6. Ст. 491.

политической и государственной жизни предопределяет не только право, но и обязанность партий информировать граждан и органы публичной власти о своей деятельности и ее результатах, в том числе предоставлять финансовую и иную установленную законодательством отчетность. Следовательно, принцип гласности проявляется не только в информировании о структуре и программе партии, но также о материальной, финансовой и иной ее деятельности. Данная обязанность направлена также на предупреждение коррупции.

Таким образом, закрепленные в Законе принципы вполне определенно выражают существо регулируемых отношений, обусловленных конституционными положениями о праве граждан РФ на объединение (ст. 30), на началах равноправия (ст. 19), спецификой организации и деятельности политических партий (ст. 13) и отвечают требованию правовой определенности, как основы общего принципа доверия к закону.

В Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан» отсутствует специальная статья о принципах. Вместе с тем принципы, регулирующие эту сферу отношений, закреплены через право граждан на обращение и его реализацию (ст. 2)[302]. В частности, закреплено право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам. В ч. 2 закреплен принцип свободной и добровольной реализации права на обращение, а также запрет при реализации данного права нарушать права и свободы других лиц. В ч. 3 установлен принцип бесплатного рассмотрения обращений граждан. Таким образом, свобода, добровольность и бесплатность являются принципами Закона, на основе которых реализуется право на обращение. Для них характерна правовая определенность и согласованность, способствующая реализации права граждан Российской Федерации на обращение.

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 2 почти текстуально было воспроизведено положение ст. 33 Конституции РФ, закрепляющей данное

[302] Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

конституционное право. Однако отсутствие в Законе непосредственного указания на право объединений граждан, включая юридические лица, направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, породило на практике неоднозначное истолкование и противоречивые подходы.

Конституционный Суд в постановлении от 18 июля 2012 г. признал данное положение не соответствующим Конституции РФ, статьям 19 (ч. 1), 30, 33, 45, 55 (ч. 3), 76, установив неопределенности нормативного содержания, что порождало на практике неоднозначное истолкование и, соответственно, допускало возможность произвольного применения. Положение ч. 1. ст. 2, по мнению Суда, препятствовало реализации права обращений объединений граждан, включая юридические лица, а также рассмотрению их обращений органами государственной и муниципальной власти, а также учреждениями и организациями осуществляющими публично значимые функции. Конституционный Суд указал, что право на обращение объединений граждан, в том числе юридических лиц, производно от конституционно установленного права граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти[303].

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда, законодатель изменил редакцию ст. 2 включив положение о праве на обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. Тем самым была устранена правовая неопределенность принципа, которая не позволяла в полной мере реализовать право на обращение.

---

[303] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 N 19-П // СЗ РФ. 2012. N 31. Ст. 4470.

Иной подход законодатель демонстрирует в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[304]. В статье 3 («Основные принципы законодательства о физической культуре и спорте») установлены одиннадцать принципов, которые определяют существо законодательства и особенности регулирования в данной сфере. Среди них - «единство нормативной правовой базы в области физической культуры и спорта на всей территории Российской Федерации». Федеральный законодатель вводит новую категорию «нормативная правовая база» и указывает на ее «единство».

Очевидна юридическая некорректность введенной категории - «нормативная правовая база», ее правовая неопределенность. Не вполне понятно, что выражает категория «единство». Относится ли это к внутрисистемной связи всех актов, регулирующих область физической культуры и спорта или определяет иерархическое соподчинение актов в данной сфере этому федеральному Закону?

По всей видимости законодатель стремился к закреплению данного Федерального закона в качестве основополагающего в сфере физической культуры и спорта. Между тем в специальной статье Закона содержится указание на иерархию законов в данной сфере («Законодательство о физической культуре и спорте основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 4)).

Четвертое требование заключается в обеспечении полноты следования принципам в содержании закона. Это означает: во-первых, в положениях закона принципы должны отражаться таким образом, чтобы не искажался их смысл и они получали развитие в правах и обязанностях участников соответствующих правоотношений[305]; во-вторых, не должны излагаться правила, вступающие в

---

[304] Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. N 50. Ст. 6242.

[305] Конституционный Суд обратил внимание законодателя, что отраслевая конкретизация предполагает определение правовых механизмов реализации конституционных положений, но при этом не могут искажаться смысл и цели конкретизируемого конституционного института // Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 № 5-П // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 828.

противоречие с принципами; в-третьих, должно обеспечиваться системное действие принципов. Объект правового регулирования закона должен воплощать не один, а все принципы закона. Положения закона должны синтезировать эти разнообразные принципы. Системное действие принципов должно заключаться не в их суммировании, а в усилении действия одного принципа другим (другими). Регулируемые отношения должны отвечать системе исходных принципов закона, которые соответствуют конституционным принципам.

Примером полноты следования принципам является Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»[306]. Определяющие деятельность Конституционного Суда РФ принципы независимости, коллегиальности, гласности, состязательности и равноправия сторон, получают в Законе последовательное осуществление. Данные принципы воспроизводят, с особенностями применительно к статусу Конституционного Суда и конституционному судопроизводству, принципы закрепленные в статьях 120, 121, 122, 123, 124, 125 Конституции Российской Федерации.

Принцип независимости определяет, как статус Конституционного Суда, так и статус судьи. Согласно ст. 1 Закона Конституционный Суд РФ, является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляет судебную власть самостоятельно и независимо.

Закон устанавливает организационную, финансовую и материально-техническую независимость Суда от любых других органов (ст. 7). В организационном аспекте он самостоятельно и независимо устанавливает структуру аппарата, численность его работников, положение о Секретариате (ст. 111). Суд самостоятельно принимает Регламент, регулирующий внутренние и иные вопросы деятельности. Независимость обеспечивается ежегодным финансированием из средств федерального бюджета; Суд вправе самостоятельно распоряжаться этими средствами. Для осуществления деятельности Конституционному Суду передается федеральное имущество, которое находится

[306] Федеральный конституционный закон от 23.07.1994 (ред. от 31.07.2023) N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

в оперативном управлении. Гарантии независимости Суда отвечает запрет на какое бы то ни было ограничение правовых, организационных, финансовых, информационных, материально-технических, кадровых и других условий деятельности Конституционного Суда (ст. 7).

Независимость статуса судьи Конституционного Суда обеспечивается его несменяемостью, неприкосновенностью, равенством прав судей, порядком приостановления и прекращения полномочий судьи, правом на отставку, обязательностью установленной процедуры конституционного судопроизводства, запретом какого бы то ни было вмешательства в судебную деятельность, предоставлением судье материального и социального обеспечения, гарантий безопасности (ст. 13 - 19).

Принцип независимости осуществляется в принятии итогового решения по рассматриваемому делу в закрытом совещании, в котором участвуют только судьи. Тайна проводимого совещания обеспечивается запретом на разглашение сведений о содержании дискуссии, позиции судей, результатов голосования (ст. 70). Никто не вправе оказывать давление в какой-либо форме на мнение или позицию судьи (ст. 13).

Принцип коллегиальности заключается в том, что все вопросы, отнесенные к компетенции Конституционного Суда, рассмотрение им дел, а также принятие решений производится коллегиально. Вопросы внутренней деятельности (например, принятие Регламента) (ст. 21), о статусе судей (приостановление или прекращение полномочий (ст. ст. 17, 18)), о соответствии обращений требованиям Закона, о принятии обращений к рассмотрению (ст. 42), о назначении дела к слушанию (ст. 47), о разрешении дела без проведения слушания (ст. 47.1), рассмотрению дел вне зависимости от особенностей производства по отдельным категориям дел (гл. IX – XVII), о принятие решений (ст. 72) разрешаются коллегиально, правомочным составом Конституционного Суда.

Гласность как один из основополагающих принципов деятельности Конституционного Суда имеет разные проявления. Прежде всего, на официальном сайте Конституционного Суда размещаются сведения о

поступивших обращениях, перечень принятых к рассмотрению обращений, иная информация о деятельности Суда (ст. 31). Рассмотрение дел в заседаниях Конституционного Суда является открытым (ст. ст. 31, 54), за исключением дел, рассматриваемых в закрытом заседании (ст. 54). Решения Суда, принятые по результатам слушания как в открытых, так и в закрытых заседаниях, провозглашаются публично (ст. 31). Принятые Конституционным Судом решения подлежат размещению на официальном сайте (ст. 78).

Принцип состязательности и равноправия сторон заключается в пользовании равными правами и возможностями по отстаиванию своей позиции на основе состязательности в заседании Конституционного Суда (ст. 35). Суд не вправе отдавать предпочтение какой-либо из сторон, связано ли это со статусом или иными особенностями участника процесса. Стороны равноправны в процессуальном аспекте. В отношении них действуют единые процессуальные правила. Стороны, в соответствии с установленным порядком, вправе давать пояснения по существу рассматриваемого вопроса, приводит правовые аргументы в обоснование своей позиции, задавать вопросы другой стороне (ст. 62), представлять Суду доказательства, участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства, отводы и др. (ст. 53). Сторонам представляются равные гарантии реализации прав.

В специальной главе о принципах конституционного производства (гл. IV), рассмотренные выше принципы дополнены иными принципами, направленными на обеспечение конституционных прав участников (устность разбирательства, язык конституционного судопроизводства, непрерывность судебного заседания) (ст. ст. 32,33, 34).

Итак, полнота следования принципам в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» достигается посредством последовательного их воплощения в различных его положениях, определяющих статус Конституционного Суда, судей, участников конституционного судопроизводства, процедур принятия обращения, рассмотрения дел и принятия решений, доступности информации о деятельности

Суда. Каждый из принципов получил отражение и развитие в положениях, закрепляющих механизмы и процедуры реализации полномочий Конституционного Суда, прав и обязанностей участников конституционного судебного процесса. Несмотря на неоднократные изменения и дополнения Закона[307], содержательная и регулятивная роль принципов сохранилась в полном объеме, в соответствии с исходными конституционными принципами. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», в части установления принципов и их реализации в последующих положениях, демонстрирует «конституционную трансдукцию принципов».

В Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» закреплено шесть принципов: сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций; взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральной территории «Сириус» и органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики; комплексный, научный и стратегический подходы при формировании и реализации молодежной политики; открытость и равный доступ молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки; приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей; обязательность участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики (ст. 5).

Изложенные выше принципы в целом не противоречат конституционным принципам и сопрягаются с положением необходимости осуществления молодежной политики (п. е ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Вместе с тем, полнота

[307] В Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» было внесено семнадцать изменений и дополнений.

следования принципам в тексте Закона не имеет завершенности. Отсутствует последовательное развитие принципов в тексте Закона, их системное действие. Отдельные положения вступают в противоречие с заявленными принципами Закона и конституционными принципами.

Так, в частности, к полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере молодежной политики Закон относит: реализацию молодежной политики в Российской Федерации в установленной сфере деятельности; принятие и реализация государственных программ Российской Федерации, федеральных целевых программ, реализация международных программ по основным направлениям молодежной политики; содействие развитию инфраструктуры молодежной политики; организацию подготовки специалистов по работе с молодежью; создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатация и вывод из эксплуатации федеральных информационных систем и баз данных в сфере молодежной политики, в том числе обеспечение конфиденциальности содержащихся в них персональных данных в соответствии с законодательством Российской Федерации; содействие занятости молодежи, формированию ценности труда и получению практических навыков, в том числе посредством студенческих отрядов; иные полномочия в сфере молодежной политики (ст. 8). Перечисленные полномочия очевидно закрепляют сферу действия Правительства РФ, подчиненных ему органов осуществляющего деятельность в этой сфере и не относятся к компетенции Федерального Собрания и Президента РФ. Между тем, статья определяет именно полномочия «федеральных органов государственной власти». Неопределенность и не разграниченность полномочий органов государственной власти вступает в противоречие с основополагающим конституционным принципом разделения властей.

Не получили развитие в положениях Закона ряд закрепленных принципов. В частности, принцип комплексного, научного и стратегического подходов при формировании и реализации молодежной политики, не имеет завершенности. В ст. 8.1. перечислены полномочия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной

политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере молодежной политики, без указания наименования такого органа. Исходя из действующей структуры исполнительной власти можно сделать вывод о том, что таким органом является Федеральное агентство по делам молодежи[308]. В перечне полномочий этого органа отсутствует указание о закреплении за ним полномочия по разработке стратегии, по комплексному формированию молодежной политики. В положениях Закона отсутствует даже упоминание о структуре (органе, учреждении, организации), которая отвечает за разработку научного подхода в формировании и реализации молодежной политики. В чем заключается «научность» подхода остается неясным[309]. В ст. 12 предусматривается подготовка Доклада о положении молодежи в Российской Федерации. Указано, что порядок подготовки доклада утверждается Правительством Российской Федерации. Однако какой орган отвечает за подготовку Доклада не определено.

Иной принцип - открытости и равного доступа молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки, также не осуществлен в последующих положениях. В Законе закрепляются «Основные направления молодежной политики» определенные через категории «обеспечение», «содействие», «поддержка». Направления имеют весьма общий характер и указывают лишь на отдельные сферы (просвещение, воспитание, физическая культура, социальные, трудовые отношения, предпринимательство и т.п.), в которых должна реализовываться

---

[308] См.: Указ Президента РФ от 11.05.2024 N 326 (ред. от 17.06.2024) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ.2024. N 20.Ст. 2590.

[309] Примечательно, что утвержденный приказом от 13.10.2025 № 401 Федерального агентства по делам молодежи «Перечень ключевых показателей эффективности реализации молодежной политики на территории Российской Федерации», имеет весьма неопределенное содержание. В частности, критериями эффективности данной политики являются: «доля молодых людей, верящих в возможности самореализации молодежи в России; доля молодых людей, разделяющих и поддерживающих традиционные российские духовно-нравственные ценности; доля молодых людей, считающих многонациональность страны источником ее силы и конкурентоспособности и т.п.». Каким образом измеряется «вера» молодых людей в возможности самореализации? Какова эта «доля» должна быть для признания молодежной политики эффективной и в каких единицах измеряется, остается неясным. // СПС «КонсультантПлюс».

молодежная политика. Однако ни в одном из положений Закона не содержится даже перечень мер государственной поддержки с указанием органов публичной власти их осуществляющих.

Не получил развития в положениях Закона и принцип приоритетности государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей. В чем заключается приоритетность государственной поддержки этих субъектов и какие меры поддержки применяются не указано. В ст. 2 Закона изложены «основные понятия» используемые в законе. Однако среди них отсутствует определения «социально незащищенный молодой гражданин» и «социально незащищенная молодая семья».

Исходя из последующих положений Закона следует, что молодежную политику формируют и реализуют органы публичной власти. Молодежь участвует в реализации политики посредством работы в консультативных, совещательных и иных подобных структурах при органах публичной власти, в формировании органов молодежного самоуправления при органах публичной власти, получении от органов власти консультационной, методической и информационной поддержки (ст. 7). Должны ли быть созданы такие структуры (консультативные, совещательные) и органы молодежного самоуправления при каждом органе публичной власти в обязательном порядке? Каков механизм получения консультационной, методической, информационной поддержки? Эти вопросы исходя из содержания Закона остаются без ответа. Положения Закона, регулирующие деятельность органов публичной власти федерального, регионального, муниципального уровней не содержат конкретных полномочий органов, механизма их реализации, а также ответственности за неисполнение возложенных обязанностей. Декларативность положений Закона не способствует реализации принципа обязательности участия молодежи в формировании и реализации молодежной политики, как и иных принципов.

Таким образом, данный Федеральный закон, регулируя одно из важных направлений деятельности российского государства, не отвечает требованию полноты. В его положениях не получают развитие принципы Закона, имеющие

существенное значение для поддержки молодых граждан и молодых семей, создания условий для их патриотического воспитания. Отсутствует полнота следования принципам в части их системного действия. Тем самым, подрывается доверие к закону и действиям государства.

Итак, существенно значимой и неотъемлемой частью процесса конституционализации является осуществление конституционных принципов в законодательстве. Деятельность законодателя (федерального и регионального) должна заключаться в разработке юридических конструкций (логико-юридических) и положений, наиболее полно воплощающих конституционные принципы в законе. «Конституционной трансдукции принципа» законодатель достигает тогда, когда выраженные в законе принципы, определяющие правовой статус субъектов, механизм реализации полномочий (прав и обязанностей), гарантии и формы ответственности органически сопряжены со сферой правовых отношений закрепленной в Конституции Российской Федерации и адекватно, с учетом вышеуказанных требований, отражают действие конституционных принципов. Тем самым полноценно обеспечивается презумпция добросовестности законодателя и действие принципа доверия к законодателю.

2.2. Интерпретация и применение принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации

Конституционному Суду принадлежит особая миссия в разработке проблемы понимания доверия в российской правовой системе и принципа доверия, как одного из основополагающих конституционных принципов[310]. Активное применение данной категории, как и принципа доверия в нормоконтрольной практике Суда свидетельствует о важности доверия для российского права и правоприменительной практики. Категория «доверие» применяется Конституционным Судом более чем в 500 постановлений и определений. Статистические данные на основе анализа решений позволяют

[310] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

заключить о поэтапном возрастании применения Судом данной категории. Важно подчеркнуть, что интерпретация правового содержания категории доверия и конституционного принципа доверия осуществлялось Конституционным Судом задолго до вступления в силу Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[311], на основе которого в ст. 75[1]). Конституции РФ закреплен принцип взаимного доверия государства и общества.

Существенное значение для уяснения интерпретации Конституционным Судом принципа доверия имеет аксиологический подход, как наиболее общий в нормоконтрольной деятельности.

Аксиологический метод применяемый Судом обусловлен доктриной правопонимания, основанной на соединение подходов юридического позитивизма и юснатурализма, которые нашли отражение в действующей Конституции России. При этом, по мнению В.Д. Зорькина, «текст Конституции РФ предопределяет выбор Конституционного Суда в пользу человекоцентристской доктрины правопонимания»[312].

Разделяя указанное мнение Б.С. Эбзеев отмечает: «Естественно-правовые принципы, нашедшие отражение в структуре демократического Основного Закона, не только конститутивны, поскольку составляют фундамент демократической Конституции и определяют его основное содержание, но имеют регулирующее значение»[313].

«Опираясь на конституционно-правовую доктрину *правового закона*, - пишет Н.С. Бондарь, - Конституционный Суд РФ стремиться к сбалансированному сочетанию естественно-правовых и позитивистских начал в

---

[311] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[312] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография /В.Д. Зорькин. –М.: Норма, 2017. С.40.

[313] Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. – М.: Проспект, 2023. С. 108.

национальной конституционно-правовой системе»[314]. Далее указывает: «...Конституционный Суд РФ признает существование так называемых *неформальных источников права* и, в частности, активно оперирует при осуществлении конституционного контроля общими принципами права и правовыми принципами, а также *конституционными ценностями*, вытекающими в том числе из *духа* Конституции»[315] (курсив автора – Н.С. Бондаря).

Вешеизложенные позиции председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина и судей в отставке Б.С. Эбзеева и Н.С. Бондаря раскрывают существо доктрины правопонимания сложившейся в нормоконтрольной деятельности. Конституционный Суд исходит из положений Конституции РФ закрепляющих ценность человека, его прав и свобод (ст. 2), неотчуждаемость и принадлежность каждому от рождения основных прав и свобод человека; осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц (с. 17), непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). В этих положениях отражены конструкции естественного права как неотъемлемые составляющие конституционной доктрины. Так, в Постановлении от 4 апреля 1996 г. N 9-П по делу о проверке конституционности ряда нормативных актов указано, что «Право свободного выбора места жительства принадлежит гражданину от рождения и, как и другие основные права и свободы, является неотчуждаемым (статья 17, часть 2, Конституции Российской Федерации; статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации). Вместе с тем это право не носит абсолютного характера и подлежит правовому регулированию с учетом того, что его осуществление может привести к

[314] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 172.
[315] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 172 - 173. Выделено автором – Н.С. Бондарем.

нарушению прав и свобод других лиц, что недопустимо в силу статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации»[316].

При разрешении конкретных дел о конституционности положений нормативных правовых актов Конституционный Суд раскрывает содержание конституционных принципов и норм, оценивает проверяемое положение нормативного акта в системной связи с конституционными положениями. «Конституционный Суд РФ толкует конституционные нормы при рассмотрении любого дела, - утверждает Г.А. Гаджиев, - в том числе и по запросам органов государственной власти, и по жалобам частных лиц на нарушение конституционных прав»[317]. Интерпретация проверяемого положения (нормы) Судом осуществляется посредством выявления его содержания, а также различных смысловых аспектов придаваемых судебной и правоприменительной практикой. Согласно Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (ст. 74)[318].

Отсюда следует важная составляющая конституционной доктрины формируемой Конституционным Судом, которая заключена в исследовании формально-догматического содержания проверяемого положения (нормы), выявлении конституционного смыла, устранения неясности и установлении должного понимания нормы для всех субъектов права. «Без правовой догматики, - отмечает К. В. Арановский, - разумеется, не построить связных правовых

---

[316] Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. N 9-П // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

[317] Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000 – 2002 годов) // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 13 (9 - 17).

[318] ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 9.11.2020) // СЗ РФ. 1994.№ 13. Ст. 1447.

представлений, например деление права по отраслям. Без формальностей почти недостижимо согласие в правовых понятиях, ожиданиях и намерениях (кроме самых простых) и невозможна нормотворческая, правоприменительная деятельность, вообще профессиональная юриспруденция»[319].

Общий методологический подход в нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда заключается в оценке проверяемых положений (норм) и выявлении их конституционного смысла во взаимосвязи с ценностями, принципами и положениями действующей Конституции России. В конституционной доктрине Суда данный подход именуется аксиологическим или ценностно-методологическим подходом[320]. «Ценностный подход объективно необходим при выявлении духа Конституции, - подчеркивает Н.С. Бондарь, - что получает подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который активно задействует аксиологический потенциал Конституции как для самой по себе оценки проверяемых норм на конституционность, так и формирования своих правовых позиций»[321]. Аксиологический метод, наряду с теологическим, лежит в основе конституционной доктрины формируемой и развиваемой Конституционным Судом. В.Д. Зорькин подчеркивает роль Конституционного Суда РФ «как общественного посредника, который с точки зрения права, руководствуясь конституционными принципами, находит оптимальный и подчас компромиссный путь разрешения социальных противоречий»[322].

Существенным для понимания аксиологического подхода Суда в рамках проверяемых на соответствие Конституции РФ положений законодательства имеет следующее мнение судьи А.Н. Кокотова: «Ценностно-методологический подход, предполагающий оценку оспариваемых положений, действий как способных или не способных существенным образом положительно или

---

[319] Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003. С. 23.

[320]Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[321] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2013. С. 27.

[322] Зорькин В.Д. Конституционны Суд России: доктрина и практика : монография /В.Д. Зорькин. –М.: Норма, 2017. С. 44.

негативно влиять на макроправовые, макросоциальные процессы (тенденции), используется Конституционным Судом при соотнесении проверяемых положений не только с феноменом общностного доверия, но и с другими явлениями подобного масштаба. В их числе те общерезультирующие критерии социального взаимодействия, которые в их эталонном значении отражены в конституционных принципах справедливости, равенства, соразмерности, конституционно значимых целях защиты прав и свобод, обеспечения правопорядка, иных конституционных конструкциях»[323].

Важной составляющей конституционной доктрины Конституционного Суда является защита прав человека. Конституционный Суд определяет взаимосвязь прав и свобод человека с иными ценностями и конституционными принципами. Среди наиболее значимых принципов определяющих статус субъектов, Суд указывает на принципы равенства и справедливости, которые опосредуют возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся между субъектами правоотношения в различных сферах, как в рамках публичных, так и частно-правовых. «Право как норма (мера) свободы, выраженная во всеобщем принципе формального (юридического) равенства, или справедливости, составляет одно из важнейших начал цивилизованного социума, исходя из которого устанавливается баланс свободы, власти и закона»[324].

Следует отметить, что при осуществлении нормоконтрольной деятельности, Конституционный Суд РФ осуществляет интерпретацию конституционных принципов с учетом их конкретизации и применения в текущем законодательстве, а также учитывая действие в национальной правовой системе общепризнанных принципов и норм международного права. Так, например, в постановлении от 15 декабря 2011 г. № 28-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А.Е Остаева, Конституционный Суд не только оценивал правовое регулирование трудовых

---

[323] Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 101.

[324] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография /В.Д. Зорькин. –М.: Норма, 2017. С.60.

отношений, в части оснований увольнения работников, на соответствие статьям 7, 19 и 38 Конституции РФ, но анализировал положения Международного пакта от 16 декабря 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о правах ребенка 20 ноября 1989, Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 года, Конвенции МОТ от 23 июня 1981 года N 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями», а также Рекомендации МОТ от 23 июня 1981 года N 165 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями», как составляющие часть правовой системы Российской Федерации[325].

В интерпретации Конституционного Суда «доверие» определено в качестве правовой категории[326]. Смысловые и юридико-содержательные аспекты понимания доверия как неотъемлемой составляющей конституционной доктрины раскрываются Судом в ходе осуществления нормоконтроля в рамках конкретного дела.

Наиболее общий подход Суда в понимании доверия заключается в признании доверия как правового состояния между субъектами правоотношений на основе ценностей, принципов и положений Конституции Российской Федерации. В постановлениях Конституционного Суда указано на необходимость обеспечения взаимного доверия властей[327], доверия к органам правосудия[328], доверия граждан к государственной власти[329], доверия к закону и действиям государства[330], доверия к публичной власти[331], взаимного доверия и уважения

---

[325] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 № 28-П // СЗ РФ. 2011. № 52. Ст. 7639.

[326]Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[327] Постановление Конституционного Суда РФ КС от 18 января 1996 № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

[328] Постановление Конституционного Суда РФ КС РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

[329] Постановление Конституционного Суда РФ КС РФ от 17 июля 1998 г. № 23-П // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3801. .

[330] Постановление Конституционного Суда РФ 24 мая 2001 № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

граждан и государства[332], взаимного доверия общества и государства[333], взаимного доверия между субъектами экономической деятельности[334]. Таким образом, правовая категория доверия применяется Судом при оценке отношений между органами публичной власти, граждан и публичной власти, государства к институтам гражданского общества, правовых отношений между гражданами.

Доверие как общая модель отношений субъектов в правовом, демократическом, социальном, федеративном государстве с республиканской формой правления соотносится Судом с законодательством, правоприменительной и иной судебной практикой в рамках нормоконтрольной деятельности[335]. «Конституционный Суд, - подчеркивает В.Д. Зорькин, - будучи одним из наиболее значимых инструментов сопряжения юридической формы и реального содержания российской действительности, снимая противоречия между конституционным текстом и социально-правовой практикой посредством адекватных правовых форм, прилагает существенные усилия в целях поддержания в обществе необходимого уровня доверия к публичной власти»[336]. Из процитированной позиции председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина следует, что деятельность Суда, выраженная в его правовых позициях, направлена на поддержания доверия граждан к действующей Конституции РФ, текущему законодательству, в целом к публичной власти и Суду, как одному из важнейших институтов конституционализации.

Конституционный Суд, как высший орган конституционного контроля, осуществляющий защиту основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающий верховенство и прямое

---

[331] Постановление Конституционного Суда РФ 22 апреля 2013 № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

[332] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 № 14-П // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

[333] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2024 г. N 23-П // СЗ РФ. 2024. N 22. Ст. 3037.

[334] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2024 № 31-П // СЗ РФ. 2024. N 27. Ст. 3914.

[335] Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[336] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. - С.135.

действие Конституции РФ, рассматривает доверие как сущностную основу отношений для обеспечения конституционного правопорядка. Именно поэтому, как было указано выше, Конституционный Суд задолго до вступления в силу Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[337], закрепившего в Конституции РФ принцип взаимного доверия государства и общества (ст.75.1), указал на значимость доверия во всех сферах, урегулированных правом и обосновал принцип доверия.

По авторитетному мнению В.Д. Зорькина принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства был впервые сформулирован Конституционным Судом в постановлении от 24 мая 2001 г. № 8-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиям гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой[338].

Для понимания позиции Конституционного Суда в интерпретации принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства рассмотрим указанное дело подробнее.

Граждане А.С. Стах и Г.И. Хвалова приобрели право на получение жилищных субсидий в силу стажа работы в районах Крайнего Севера и постановке на учет по улучшению жилищных условий, в соответствии действующим до вступления в силу Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в 1998 г. Данные граждане, исполнившие требования действующего законодательства о необходимом стаже работы в районах

---

[337] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

[338] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. - С. 81-82.

Крайнего Севера и своевременной постановке на учет как нуждающиеся в улучшении жилищных условий, находились в длящихся правоотношениях с администрациями соответствующих городов. В связи с вступлением в действие вышеуказанного Федерального закона, установившего иной, более длительный срок работы в условиях Крайнего Севера (с 10 до 15 лет) указанным гражданам было отказано в предоставлении жилищных субсидий.

В своих жалобах граждане А.С. Стах и Г.И. Хвалова утверждали, что положения ч. 1 ст. 1 и ст. 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», изменившие условия предоставления жилищных субсидий гражданам, выехавшим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей до вступления данного Федерального закона в силу, в результате чего они лишились права на получение полагающейся им жилищной субсидии. По их мнению указанные положения противоречат ч. 1 ст. 7, ч. 1 и ч. 2 ст.19, ст. 40 и ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Раскрывая содержание принципа поддержания доверия к закону и действиям государства Конституционный Суд РФ указал, что изменение законодателем ранее установленных условий предоставления жилищных субсидий, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, нуждающихся в этих субсидиях и рассчитывающих на их получение, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, в том числе при решении вопроса о выборе места жительства и работы[339].

[339] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // СЗ РФ. 2001.№ 22. Ст. 2276.

Положение о сохранении разумной стабильности правового регулирования означает, что деятельность законодателя должна быть предсказуемой дабы граждане были уверены в законодательно признанном статусе, закрепленных правах и гарантиях их реализации, установленных действующим законодательством и могли предвидеть последствия совершая правомерные действия. «Лица, выехавшие из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей до вступления в силу Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», принимая решение о переселении в другие регионы России и планируя свое будущее, исходили из закрепленных в действовавших в тот период нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации и Федеральном законе от 17 августа 1996 года «О распределении жилищных субсидий между районами Крайнего Севера и приравненными к ним местностями в 1996 году» условий предоставления жилищных субсидий, в частности требования о наличии стажа работы в этих районах и местностях не менее 10 лет. Они рассчитывали на добросовестное выполнение государством своих публично-правовых обязательств и полагали, что смогут реализовать право на получение жилищной субсидии за счет средств федерального бюджета»[340].

Требование к законодателю о недопустимости произвольных изменений в действующую систему норм означает запрет на такие изменения норм, которые объективно не обоснованы, заключаются в одностороннем отказе государства от обязательств в рамках длящихся правоотношений и приводят к нарушениям основополагающих конституционных принципов равенства и справедливости[341]. «По существу, такого рода изменение означает отказ государства от выполнения в конкретных правоотношениях своих обязательств, возникших из ранее действовавшего регулирования и правоприменительных актов, которыми решался вопрос о постановке гражданина на учет как нуждающегося в улучшении

[340] Там же.
[341]Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

жилищных условий, что не только подрывает доверие к действиям государства, к закону, но и приводит к нарушению конституционного принципа равенства: часть граждан, выехавших из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей после 1 января 1992 года, имеющих стаж работы (времени проживания) в этих районах и местностях от 10 до 15 лети поставленных по новому месту жительства на учет по улучшению жилищных условий, смогли воспользоваться своим правом на жилищную субсидию и получили ее, в то время как другая часть таких граждан, которым субсидия до вступления в силу рассматриваемого Федерального закона по не зависящим от них причинам выделена не была, неосновательно и несправедливо были лишены права на ее получение»[342].

Оценивая правовую ситуацию, сложившуюся в связи с введением в действие Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», Суд указал, что законодатель придал обратную силу Закону распространив его на длящиеся правоотношения, тем самым ухудшил правовое положение граждан. Распространение предписания о минимальном 15-летнем стаже работы (времени проживания) как условии приобретения права на получение жилищных субсидий на лиц, которым такое право уже было предоставлено при наличии стажа работы не менее 10 лет, и тем самым придание обратной силы закону, ухудшающему положение граждан, означающее, по существу, отмену для этих лиц права на получение жилищной субсидии, приобретенного ими в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемого в конкретных правоотношениях, несовместимо и с требованиями, вытекающими из статей 1 (часть 1), 2, 18, 54 (часть 1), 55 (часть 2) и 57 Конституции Российской Федерации[343].

---

[342] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

[343] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

Признавая право федерального законодателя на изменение ранее действующих правил, Конституционный Суд указал на обязанность законодателя по установлению временного регулирования, некоего «разумного переходного периода», для того чтобы граждане могли адаптироваться к вносимым изменениям и предвидеть свои обусловленные новыми правилами правовые возможности. Это означает, что принятый закон, заменяющий ранее действующий, изменяющий статус гражданина, его права, должен содержать положения устанавливающие определенный период в течении которого осуществляется переход от прежнего правового состояния гражданина к новому[344].

Сформулировав принцип поддержания доверия к закону и действиям государства и определив его содержание, Конституционный Суд обосновал принцип исходя из ценностей, принципов и положений Конституции РФ.

Как следует из постановления Конституционный Суд исходил из смысла конституционного определения России как демократического правового государства (ч. 1 ст.1), принципа высшей ценности человека, его прав и свобод (ст. 2), принцип обладания гражданами России всеми правами и свободами и равными обязанностями (ч. 2 ст. 6), положения о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18), запретом на издание в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55), положением о возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина исключительно федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

---

[344] Так, в другом деле, Конституционный Суд, основываясь на принципе поддержания доверия к закону и действиям государства, во взаимосвязи с принципом правовой определенности, а также учитывая специфику регулируемых отношений (изменение правил исчисления сроков исковой давности по особым обстоятельствам), признал переходный период продолжительностью менее 4 месяцев недостаточным, а соответствующее регулирование – неконституционным. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 года № 3-П // СЗ РФ. 2016. N 8 Ст. 1167.

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Из правовой позиции Конституционного Суда в части обоснования принципа поддержания доверия к закону и действиям государства следует, что аксиологическая характеристика принципа раскрывается во взаимосвязи с другими конституционными ценностями, принципами и положениями Конституции Российской Федерации[345]. Следует отметить, что в том же п. 4 постановления Суд указывает на нарушение конституционного принципа равенства (ст. 19), но не включает его в систему аксиологического обоснования. Кроме того, Суд почему-то не указал на взаимосвязь принципа доверия с принципом социального государства (ч. 1 ст. 7). Между тем, признанные в постановлении нарушения прав относятся к сфере социальной политики и именно на него ссылались в своих жалобах граждане.

В целом, имплицитно сформулированный Судом принцип поддержания доверия к закону и действиям государства получил аксиологическое обоснование во взаимосвязи с основополагающими принципами конституционного строя, определяющими деятельность государства и ценность прав человека, прежде всего с принципами равенства и справедливости[346]. Следовательно принцип поддержания доверия к закону и действиям государства является частью системы принципов основ конституционного строя России[347].

Итак, Конституционный Суд, признавая право федерального законодателя на изменение ранее установленных правил предоставления жилищных субсидий, определил существенные требования к действиям законодателя: сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения

---

[345] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[346] На взаимосвязь принципа доверия с принципами равенства и справедливости Конституционным Судом указано во многих последующих постановлениях и определения. Например: постановление 8 апреля 2014 г. № 10-П; постановление от 19 января 2016 г. № 2-П; постановлении от 19 апреля 2018 г. № 16-П; постановление 12 февраля 2025 г. № 7-П; определении от 11 мая 2006 № 118-О; определение от 19 июня 2007 г. № 476-О.

[347] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

произвольных изменений в действующую систему норм. Эти требования к действиям законодателя составляют, по мнению Суда, основу содержания принципа поддержания доверия к закону и действиям государства. Таким образом, в постановлении от 24 мая 2001 г. Суд сформулировал принцип поддержания доверия к закону и действиям государства, определил составляющие его содержательные элементы и применил принцип при оценке конституционности положений ч. 1 ст. 1 и ст. 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» признав их не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства активно применяется Конституционным Судом РФ в ряде последующих постановлений и определений[348]. Следует отметить, в решениях Суда данный принцип получает дополнительные юридико-содержательные характеристики и конституционное обоснование[349].

В постановлении от 29 января 2004 года № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан, Конституционный Суд применяя принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, указывает на недопустимость

---

[348] Например, постановление 8 апреля 2014 г. № 10-П; постановление от 19 января 2016 г. № 2-П; постановлении от 19 апреля 2018 г. № 16-П; постановление 12 февраля 2025 г. № 7-П. В Определении от 5.11.2002 № 320-О по жалобе гражданина Ю.И. Спесивцева на нарушение его конституционных прав положениями пункта «а» части первой статьи 12 и статьи 133.1 Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации», Конституционный Суд признал п. «а» ч. 1 ст. 12 данного Закона не соответствующим Конституции Российской Федерации, как аналогичное положению, ранее признанному Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 24 мая 2001 № 8-П не соответствующим Конституции Российской Федерации, применив принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. См., также: определение от 1.12.2005 № 462-О; определение от 27.12.2005 № 502-О.

[349] Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

придания обратной силы закону, который ухудшает положение граждан и означает, по существу, отмену для этих лиц права, приобретенного ими в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемого ими в конкретных правоотношениях. Суд уточняет, что действия законодателя как отвечающие положениям Конституции РФ о правах и свободах, на основе данного принципа, должны соответствовать законным ожиданиям граждан в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано[350]. Следовательно, придание обратной силы закону ухудшающему правовое положение граждан, рассматривается Судом как нарушение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

В данном постановлении Суд подтверждает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации основано на принципах правовой справедливости и равенства, которые предполагают правовую определенность и связанную с ней предсказуемость законодательной политики в сфере пенсионного обеспечения[351]. Полагаем, несмотря на отсутствие системного обоснования, Судом фактически указано на взаимосвязь этих принципов, а также положений о правовой определенности и предсказуемости законодательной политики с принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства[352]. Так, в более позднем постановлении от 23 апреля 2004 г. № 9-П, применение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства непосредственно обосновывается Конституционным Судом исходя из принципов справедливости и равенства, наряду с принципом правового государства и положением о социальном государстве[353].

---

[350] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 января 2004 года № 2-П // СЗ РФ. 2004. № 6. Ст. 450.
[351] Там же.
[352]Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.
[353] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 N 9-П // СЗ РФ. 2004. СЗ РФ. 2004, N 19 (часть 2). Ст. 1923.

В постановлении от 22 апреля 2013 г. N 8-П принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства получает обоснование исходя из преамбулы Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд не уточняет о каком положении идет речь. Поскольку в данном постановлении предметом рассмотрения были положения ГПК РФ и положения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» направленные на обеспечение гарантий судебной защиты избирательных прав граждан и политических партий, полагаем речь идет о ценности гражданского мира и согласия. В правовой позиции Суда подчеркивается, что составляющий основу взаимоотношений личности и публичной власти конституционный принцип взаимного доверия требует обеспечения государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели[354].

Для понимания юридического содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства существенное значение имеет следующая правовая позиция: изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере[355]. Из данной правовой позиции следует, что правовая определенность и предсказуемость законодательной политики рассматриваются Судом в качестве неотъемлемой

[354] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.
[355] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 N13-П // СЗ РФ. 2018. N 15 (Часть V). Ст. 2237.

части содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. В связи с этим изложенное в научной литературе мнение о том, что правовая определенность интерпретируется Конституционным Судом как принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства представляется не обоснованным и противоречит неоднократно изложенной правовой позиции[356].

Конституционный Суд РФ изложил критерии, которым должно отвечать положение закона, указав на определенность, ясность, недвусмысленность содержания нормы. «Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона»[357]. Эта позиция Суда, в которой раскрывается содержание правовой определенности, выступает требованием к законодателю. Полагаем, данное требование распространяется также на акты иных нормотворческих органов. Указанным критериям должны отвечать положения всех нормативных правовых актов в какой бы форме они не принимались[358]. Отметим, что правовая определенность получает обоснование с позиции принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19) и принципа верховенства закона (ч. 2 ст. 4).

Важно подчеркнуть, правовая определенность, в интерпретации Суда, является частью содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства[359]. Она выступает общим критерием содержания положений закона. Наиболее значима правовая определенность положений

---

[356] Велиева Д.С., Пресняков М.В. Правовая определенность и права человека: Монография /Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2021. – С. 63.

[357] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П // СЗ РФ. 1999. N 30. Ст. 3988.

[358] В ряде постановлений Конституционный Суд указывает, что правовое регулирование должно отвечать требованиям ясности и непротиворечивости. Понятие «правовое регулирование» в рамках рассматриваемых дел относится к законам и иным нормативным правовым актам. См., например: постановление от 27.06.2013 № 15-П, постановление от 23.12.2013 № 29-П, постановление от 22.04.2014 № 12-П, постановление от 4.06.2015 № 13-П.

[359] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

устанавливающих правовой статус субъекта правоотношений, права и обязанности человека, а также в конструкциях составов правонарушений. В указанном постановлении правовая определенность применена в оценке составов налоговых правонарушений, неопределенность содержания которых приводило к чрезмерным ограничениям прав налогоплательщиков, не соответствующим целям защиты конституционно значимых интересов. Таким образом, несоблюдение законодателем (нормотворческим органом) требований правовой определенности может приводить к неблагоприятным для лица последствиям, выражающимся в нарушении прав, произвольном изменении статуса лица в правоприменительной практике. Соответственно тем самым происходит подрыв доверия к законодательству и решениям органов публичной власти.

Отметим также указание Конституционного Суда на необходимость соблюдения законодателем требований правовой определенности, которая выражается, наряду с формальной определенностью, точностью, ясностью, недвусмысленностью норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования[360].

Конституционный Суд, уточняет, что требование определенности правового регулирования предполагает понятность механизма его действия субъектам соответствующих правоотношений, из конкретного положения или взаимосвязанных положений. Суд допускает, что необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута с помощью даваемых Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам судебной практики, целью которых является устранение неопределенности нормы. При этом должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону[361].

Таким образом, правовая определенность как юридико-содержательная часть принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, заключается в требованиях формальной определенности, точности, ясности,

---

[360] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 № 2-П // СЗ РФ. 2016. N 5. Ст. 762.
[361] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // СЗ РФ. СЗ РФ. 2014. № 1. Ст. 79.

недвусмысленности содержания норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования. Конституционный Суд указывает на необходимость соблюдения этих требований не только законодателем и иными нормотворческими органами, но также Верховным Судом РФ, дающим разъяснения по вопросам судебной практики. Следовательно, требования правовой определенности распространяются на судебную практику в аспекте обеспечения ее единства[362].

Предсказуемость законодательной политики как содержательная часть принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, заключается в том, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты, т.е. в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано[363].

Принцип доверия к закону, по мнению Конституционного Суда, включает требование к законодателю о недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмену ранее приобретенных прав. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, обязан учитывать специфику регулируемых правом общественных отношений. Придание закону обратной силы может осуществляться преимущественно в интересах личности в отношениях, возникающих между ним и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование)[364].

---

[362] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[363] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 N 9-П // СЗ РФ. 2013. № 21. Ст. 2692.

[364] См.: Постановление от 24 мая 2001 года № 8-П; постановление от 26 декабря 2002 года № 17-П; постановление от 29 января 2004 года № 2-П; постановление от 28 января 2020 года № 5-П. Определения: от 25 января 2007 года № 37-О-О, от 15 апреля 2008 года № 262-О-О, от 20 ноября 2008 года № 745-О-О, от 16 июля 2009 года № 691-О-О.

В ходе рассмотрения конкретных дел в рамках конституционных и иных отраслевых правоотношений Конституционным Судом раскрываются дополнительные аспекты в понимании принципа доверия. В правовых позициях Конституционного Суда определяется регулятивное значение принципа для конкретного отраслевого института и отрасли в целом. При этом в случае признания неконституционным отдельных положений нормативного правового акта либо установления факта неконституционности судебной или правоприменительной практики, Конституционный Суд определяет надлежащие способы преодоления дефектов норм или правоприменения, указывая на необходимость должного, обоснованного Судом, применения принципа доверия.

Важнейшей сферой применения принципа доверия являются выборы и референдум, как формы народовластия, в рамках которых должно обеспечиваться политическое доверие между гражданами, их объединениями и государством. В основе реализации избирательных прав находится конституционное требование об обеспечении взаимного доверия во взаимоотношениях личности и публичной власти, которое предполагает поддержание государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели, а их итоги признаются и уважаются как государством, так и всеми их участниками[365]. Незаконное лишение гражданина РФ возможности участвовать в выборах в качестве кандидата приводит к искажению характера выборов как свободных не только для кандидатов, но и для избирателей, свобода волеизъявления которых может ограничиваться самим фактом лишения права голосовать за любого из законно выдвинутых кандидатов[366].

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что законодатель обязан не допускать необоснованных ограничений электоральной конкуренции, соблюдать общепризнанные принципы всеобщего, равного, свободного и прямого

---

[365] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2014 года № 33-П // СЗ РФ. 2014. N 52 (часть I). Ст. 7785

[366] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. N 1-П // СЗ РФ. 2002. N 6 Ст. 626.

избирательного права, обеспечивать справедливость электоральных процедур, включая выдвижение и регистрацию кандидатов[367]. Федеральный законодатель не должен допускать ситуаций, при которых те или иные нормативные предписания порождают у их адресатов необоснованные, нереализуемые на практике представления относительно судебной защиты избирательных прав. Иное нарушало бы требования формальной определенности правовой нормы и подрывало бы вытекающий из Конституции Российской Федерации, в том числе из ее преамбулы и ч. 1 ст. 1, ст. 2, ст. 18, ч. 1 ст. 21 принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства[368].

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда предоставление гражданину Российской Федерации вида на жительство на территории иностранного государства само по себе не может служить достаточным основанием такого ограничения его прав и свобод, вытекающих из российского гражданства. Участие таких граждан Российской Федерации в деятельности территориальных избирательных комиссий в качестве членов с правом решающего голоса, основанное на закрепленном Конституцией Российской Федерации праве народа на осуществление своей власти непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3), с необходимостью предполагает обеспечение взаимного доверия и уважения граждан и государства вне зависимости от избранного места жительства - на территории Российской Федерации или за ее пределами[369].

В рамках дела о конституционности положений законодательства регулирующего избирательные правоотношения Конституционный Суд указал, что избирательные комиссии осуществляя проверку собранных в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов) подписи избирателей, принимая

---

[367] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 октября 2020 года № 43-П // СЗ РФ. 2020. N 44. Ст. 7059; постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2023 года № 31-П // СЗ РФ. 2023. N 25. Ст. 4668.

[368] Постановление Конституционного суда РФ от 22 апреля 2013 г. N 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

[369] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. N 14-П // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

соответствующие решения, должны избегать дифференцированного, в том числе продиктованного политическими, административными, личными и иными предпочтениями своих членов, отношения к исполнению предусмотренных законом требований и не создавать электоральных преимуществ для одних политических партий, прежде всего парламентских, в ущерб интересам других, в частности выдвинувших оппозиционных кандидатов. В противном случае избирательные комиссии, деятельность которых должна быть направлена на реализацию и защиту избирательных прав, уклонялись бы от ответственного и беспристрастного исполнения своих полномочий, необходимого для создания условий равноправного участия в выборах граждан, политических партий и других субъектов избирательного процесса, что не согласовывалось бы с конституционной ценностью избирательных прав граждан и их объединений, а также с конституционной ролью органов и должностных лиц публичной власти в соблюдении и защите таких прав, не способствовало бы поддержанию взаимного доверия общества и государства[370].

Доверие к выборам зависит и от своевременной и эффективной защиты избирательных прав. В правовых позициях Конституционного Суда определено, что судебная защита избирательных прав должна быть доступна на всем протяжении избирательной кампании для всех избирателей, кандидатов в депутаты, политических партий и иных субъектов избирательных правоотношений[371].

Важной сферой реализации принципа доверия является обеспечение доверия к судебной власти. Право на судебную защиту и доступ к правосудию, как указывает Конституционный Суд, является гарантией иных прав и свобод и представляет собой возможность получить реальную защиту прав граждан с

---

[370] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2024 № 23-П // СЗ РФ. СЗ РФ. 2024. N 22. Ст. 3037. На необходимость соблюдения избирательными комиссиями принципа доверия в правоприменительной практике Конституционный Суд указывает в ряде постановлений: от 13 апреля 2017 года N 11-П, от 12 марта 2021 года N 6-П, от 17 ноября 2022 года N 50-П.

[371] См.: постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П, постановление от 13 апреля 2017 года № 11-П, от 24 марта 2020 года № 12-П, от 20 января 2021 года № 2-П.

восстановлением нарушенных прав и свобод[372]. Оно подразумевает создание государством всех необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела в суде. При рассмотрении дел суды обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы[373].

В ряде решений Конституционного Суда определены институциональные условия и процессуальные гарантии, включая процедуры проверки вынесенных судебных решений вышестоящими судебными инстанциями, направленные на обеспечение доверия к суду и судебным решениям[374].

Одной из гарантий надлежащего осуществления правосудия является конституционный статус судьи, который, по мнению Конституционного Суда, не является личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием; будучи одной из гарантий надлежащего осуществления правосудия, статус позволяет сохранять доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности судей[375].

Доверие рассматривается Конституционным Судом как необходимая и важная часть авторитета публичной власти, который в значительной степени основывается на доверии гражданского общества. «Правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества»[376]. В связи с этим, федеральный законодатель вправе установить повышенные требования к

---

[372] См.: постановление от 28 мая 1999 года № 9-П, постановление от 8 июня 2015 года № 14-П; постановление от 17 декабря 2024 г. № 58-П.

[373] См.: постановление от 6 июня 1995 года № 7-П; постановление от 2 июля 1998 года № 20-П; постановление от 20 апреля 2006 года № 4-П: постановление от 22 апреля 2011 года № 5-П; постановление от 27 декабря 2012 года № 34-П; постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П; постановление от 31 марта 2015 года № 6-П; постановление от 11 июля 2017 года № 20-П.

[374] См.: постановление от 17 ноября 2005 года № 11-П; постановления от 16 мая 2007 года № 6-П; постановление от 5 февраля 2007 года № 18 2-П; постановление от 16 января 2025г. № 1-П; определение от 3 апреля 2012 года № 598-О.

[375] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2010 г. N 9-П // СЗ РФ. 2010. N 18. Ст. 2277.

[376] Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. N 20-П // СЗ РФ. 2013. N 43. Ст. 5622.

репутации лиц, занимающим публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти.

В правовом государстве должны быть созданы правовые механизмы для эффективного противодействия коррупции, а также направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции. Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения взаимного доверия государства и общества[377]. К такому правовому механизму относится обязанность лиц, замещающих должности государственной (муниципальной) службы, включенные в специальные перечни, представлять сведения о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Правовой статус государственных и муниципальных служащих обусловленный спецификой публичной службы, включает не только гарантии и определенные преимущества, но установленные федеральным законом ограничения и запреты. Конституционный Суд подчеркнул, что граждане, добровольно избирая в качестве деятельности государственную или муниципальную службу, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым ими правовым статусом[378].

Взаимное доверие лежит в основе конституционных правоотношений общественных объединений и государства. Федеральный законодатель, подчеркивает Конституционный Суд, должен заботиться о предоставлении гражданам максимально широких возможностей для использования гарантированных Конституцией РФ права на объединение и свободы деятельности общественных объединений и одновременно устанавливать такие

---

[377] Правовые позиции Конституционного Суда РФ по проблеме коррупции изложены: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 1-П // СЗ РФ. 2019. N 3 Ст. 278; Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. N 49-П // СЗ РФ. 2024. N 46 Ст. 7029.

[378] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П // СЗ РФ. 2016. N 50. Ст. 7169.

правила, которые, не посягая на само их существо, способствовали бы достижению - на основе баланса частных и публичных начал - конституционно значимых целей, включая обеспечение общественного порядка и безопасности в интересах всех граждан, как являющихся учредителями, членами и (или) участниками общественных объединений, так и не принимающих участия в их деятельности. Конституционный Суд признал, что законодательная конструкция некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, введенная в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства, не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым не может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности. Иное было бы несовместимо с конституционной необходимостью обеспечения взаимного доверия и уважения граждан (их объединений) и государства[379]. Таким образом, закрепляя статус общественного объединения как выполняющего функции иностранного агента, в предусмотренных законом случаях, законодатель не посягает на само существо конституционного права граждан на объединение.

Конституционный Суд распространил действие принципа доверия на гражданско-правовые отношения. Деятельность субъекта, имеющего особый статус публично-правового образования или созданного публичной властью, должна быть подчинена на всех этапах динамики соответствующего обязательства повышенному стандарту тщательности, заботливости и осмотрительности, дабы не подрывать доверие в рамках правовых отношений[380]. Суд указал, что правовая определенность закона является одним из необходимых

[379] Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. N 10-П // СЗ РФ. 201**4**. № 16. Ст. 1921.

[380] См.: Постановление от 2 июля 2020 года № 32-П; постановление от 28 декабря 2022 года № 59-П.

условий стабильности и предсказуемости в сфере гражданского оборота, для надлежащего уровня взаимного доверия между его участниками[381].

Таким образом, принцип доверия применяется Конституционным Судом к конституционным и иным отраслевым правоотношениям, выступает критерием оценки действующего законодательства[382].

Особо следует обратить внимание на формулирование принципа доверия Конституционным Судом. В правовых позициях Конституционного Суда изначально принцип доверия формулируется как «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства». С принятием поправок 2020 г. к Конституции Российской Федерации, наряду с формулировкой «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства» в решениях Суда используется формулировка «принцип взаимного доверия государства и общества». При этом необходимо отметить, что данный принцип применяется к тем же сферам правоотношений (социальным, жилищным, административным, уголовным и др.), что и ранее сформулированный принцип[383].

Анализ интерпретации и применения принципа доверия Конституционным Судом РФ позволяет заключить следующее.

Конституционный Суд рассматривает доверие как правовое состояние между субъектами правоотношений на основе ценностей, принципов и положений Конституции Российской Федерации. Во многих своих решениях Конституционный Суд указывает на необходимость обеспечения взаимного доверия властей, доверия к органам правосудия, доверия граждан к государственной власти, доверия к закону и действиям государства, доверия к публичной власти, взаимного доверия и уважения граждан и государства, взаимного доверия общества и государства, взаимного доверия между субъектами

---

[381] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 года N 16-П; постановление 20 июня 2024 № 31-П.

[382] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

[383] Например: постановление от 1 марта 2022 г. № 9-П; постановление от 30 марта 2023 г. № 12-П; постановление 23 апреля 2024 г. № 20-П; постановление 26 сентября 2024 года № 41-П; постановление от 29 апреля 2025 г. № 18-П.

экономической деятельности. Отсюда следует, что правовая категория доверия применяется Конституционным Судом при оценке отношений между органами публичной власти, граждан и публичной власти, государства и институтов гражданского общества, правовых отношений между гражданами. Состояние правового доверия охватывает как публично-правовые, так и частно-правовые отношения.

Разрабатывая доктрину и догму современного российского права Конституционный Суд сформулировал принцип доверия. Юридико-содержательное определение принципа осуществлялось Судом имплицитно, на основании ценностей, закрепленных в Преамбуле, принципов и положений глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Ценностное и функциональное значение принципа доверия получает обоснование через его взаимосвязь с другими конституционными принципами системы основ конституционного строя России, прежде всего во взаимосвязи с принципами равенства и справедливости.

Наиболее развернутое обоснование принцип доверия получает на основе конституционной доктрины защиты прав человека в рамках нормоконтроля осуществляемого Конституционным Судом в отношении положений законодательства (законов и иных нормативных правовых актов) по жалобам граждан. В правовых позициях Конституционного Суда принцип доверия определен конституционной ценностью основ конституционного строя, идеальной моделью правовых отношений и применяется в качестве критерия проверки законодательства[384].

Аксиологическая основа и целеполагание принципа доверия заключается в ценности гражданского мира и согласия, закрепленной в Преамбуле Конституции России. Доверие в интерпретации Конституционного Суда, будучи абсолютной ценностью, определяет сущность конституционных отношений и иных отраслевых отношений. Доверие важно для выработки консенсуального состояния между государством и обществом, целью которого является

[384]Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

поддержание гражданского мира и согласия; консенсус должен быть основан на конституционных ценностях; доверие между государством и обществом обеспечивает конституционный правопорядок, государственное и общественное развитие.

Юридико-содержательную основу принципа доверия составляет правовая определенность, которая заключается в требованиях формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования[385]. Важно подчеркнуть, что правовая определенность как юридико-содержательная часть принципа поддержания доверия распространяется Конституционным Судом не только на действия законодателя и иных нормотворческих органов, но и на деятельность Верховного Суда РФ, осуществляющего разъяснения по вопросам судебной практики. Требования правовой определенности распространяются на судебную и правоприменительную практику в аспекте обеспечения ее единства.

В содержании принципа Конституционным Судом определены иные существенные требования к действиям законодателя: сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; включено требование о недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмену ранее приобретенных прав. Придание закону обратной силы может осуществляться преимущественно в интересах личности в отношениях, возникающих между ним и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование). Полагаем, указанные выше требования распространяются не только на федерального законодателя, но также на законодателя субъекта РФ и иные нормотворческие государственные органы. Таким образом, применяемый Конституционным Судом принцип доверия устанавливает ограничения дискреционных полномочий законодателя[386].

---

[385] Володина С.В. Указ. Соч.

[386] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 11 (180). С. 19 - 28.

Глава 3. Осуществление принципа доверия в системе публичной власти России

3.1. Принцип доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации

В Конституциях Франции, Италии, Испании, Португалии, Японии и Основном законе Германии присутствует прямое закрепление термина «доверие»[387]. Так, например в главе VI Основного закона ФРГ, посвящённой Федеральному правительству, статьи 67 и 68 закрепляют возможность выражения Бундестагом недоверия Федеральному канцлеру, также при отказе в доверии Федеральный президент по предложению Федерального канцлера может распустить Бундестаг[388].

В конституции Франции 1958 года в разделе V об отношениях между Парламентом и Правительством доверие упоминается в контексте парламентского контроля и ответственности исполнительной власти. В статье 49 говорится, что Премьер-министр может поставить вопрос о доверии Правительству перед Национальным собранием[389].

В Конституции Итальянской Республики 1947 года вопрос доверия отображается в разделе III, посвященном Правительству, в статье 94, где говорится, что «Правительство должно получить доверие обеих палат»[390].

В Конституции Королевства Испании 1978 года в разделе IV о Правительстве и администрации в статье 99 установлена процедура получения доверия Конгресса депутатов при назначении Председателя Правительства, в статье 101 «Правительство подает в отставку после проведения всеобщих выборов, при потере парламентского доверия». В разделе V об отношениях между Правительством и Генеральными кортесами статья 112 «Председатель

---

[387] Володина С.В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. - 2026.- Т. 21. № 5 (186). - С.41 - 49.

[388] Основной закон Федеративной Республики Германии // URL: https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf (Дата обращения: 4.01.2026).

[389] Конституция Французской Республики // URL: https://www.conseilconstitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (Дата обращения: 4.01.2026).

[390] Конституция Итальянской Республики // URL: https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf (Дата обращения: 4.01.2026).

Правительства после рассмотрения в Совете министров может поставить перед Конгрессом депутатов вопрос о доверии по программе своей деятельности». Статья 114 регулирует вопросы доверия и вотумов недоверия в адрес Правительства[391].

В Конституции Португальской Республики 1976 года в раздел IV, посвященном Правительству, есть статья 193 под названием Запрос о вотуме доверия, в которой говорится, что: «Правительство может поставить перед Ассамблеей Республики вопрос о вотуме доверия по общей декларации о политике или по любому вопросу, представляющему национальный интерес». Статьи 192 и 195 также раскрывают тему парламентского доверия к Правительству[392].

Конституция Японии 1947 года, наверное, является самым интересным образцом для изучения темы доверия. Принцип доверия здесь отражен непосредственно в преамбуле: «Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это – принцип, общий для всего человечества…». Также о доверии говорится в главе V в статье 69 Палата представителей может принять резолюцию о недоверии Кабинету министров, что влечет его отставку или роспуск палаты[393]. Конституция Японии является одной из самых стабильных в мире, за все время своего существования в нее не было внесено ни одной поправки[394].

В правовом государстве способ организации государственной власти основан на принципе разделения властей. Данный принцип заложен в основание устройства государственной власти России. В положении ст. 10 Конституции РФ

---

[391]Конституция Королевства Испании // URL: https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf (Дата обращения: 4.01.2026) .

[392]Конституция Португальской Республики // URL: https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf (Дата обращения 4.01.2026).

[393] Конституция Японии // URL: https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf (Дата обращения 4.01.2026).

[394] Володина С.В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. - 2026.- Т. 21. № 5 (186). - С.41 - 49.

закреплено, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Аксиоматичным является собственная цель разделения властей – исключить сосредоточения государственной власти в одном органе или одном государственном должностном лице. Для этого система разделения властей предполагает сдержки и противовесы, а также конституционные гарантии самостоятельного и независимого осуществления функций властями.

В отечественном конституционном праве Н.В. Витруком предложена концепция «верности Конституции»[395]. Концепция направлена на развитие конституционной культуры субъектов, наделенных властными полномочиями. В значительной мере она нацелена на бережное отношение к Конституции РФ, обеспечение ее стабильного действия в том смысле, что в правотворческой и правоприменительной практике должным является следование конституционным положениям, ценностям и принципам, а в интерпретационной практике Конституционного Суда не допустимо расширительное толкование конституционных норм в следовании политической конъюнктуре. Одна из основных идей концепции – развитие конституционного правопонимания.

Устанавливая самостоятельность властей Конституция Российской Федерации нацеливает государственные власти на взаимодействие, основу которого составляет принцип доверия как один из базовых принципов конституционного строя России[396]. Как отмечалось в главе 1 диссертации, исходные параметры принципа содержит преамбула Конституции РФ, закрепляя ценность гражданского мира и согласия, статьи 1, 2, 3, 5, 7, 10.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. ввел статью 75.1, закрепляющую положение о создании условий для

---

[395] Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: РАП, 2008.

[396] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

реализации принципа доверия между государством и обществом[397]. Одним из факторов, способствующих воплощению данного принципа на практике, является соответствие деятельности органов публичной власти конституционным и законодательным положениям. Важным, применительно к воплощению принципа доверия в системе государственной власти, является наиболее полное (беспробельное) урегулирование статуса органов государственной власти, процедур их формирования, реализации полномочий, взаимодействия и ответственности.

На принципе доверия основана конституционная модель взаимодействия властей в процессе реализации принципа разделения властей. Существенная особенность реализации принципа разделения властей состоит в главенствующей роли Президента Российской Федерации. На него возлагается миссия поддержания режима конституционности в аспекте обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80). В механизме «контроля и сдерживания», в рамках конституционных отношений Государственной Думы и Правительства РФ, Президент Российской Федерации обязан обеспечивать ответственное взаимодействие властей (ст. 85). При этом, как отмечает С.А. Авакьян, Президент независим от иных органов государственной власти. «Парламентские и судебные сдержки и противовесы в отношении президентской власти, а тем более контроль существуют в самых минимальных размерах»[398].

В.Д. Зорькин, раскрывая доктринальное истолкование принципа разделения властей, даваемое Конституционным Судом применительно к взаимоотношениям Государственной Думы и Правительства РФ, указывает: «правовая логика Конституции заключается в том, чтобы в условиях разделения властей не допускать их противоборства, которое не согласуется с тем, что единственным

---

[397] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. N 11. Ст. 1416.

[398] Авакьян С.А. Президент Российской Федрации: эволюция конституционно-правового статуса // Размышления конституционалиста: Избранные статьи. – М.: Из – во Моск. ун-та, 2010. С. 247.

источником, из которого они проистекают, и носителем воплощаемого ими суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации (постановление от 11 декабря 1998 г. по делу о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции о полномочии Президента представлять Государственной Думе на одобрение кандидатуру Председателя Правительства)»[399].

Сложность деятельности каждой из властей, определяемая их функциональной ролью в общей модели разделения властей и уровнем возможных отрицательных последствий для государства и граждан[400], обусловленных действиями (актами) данных властей, предполагает необходимость осуществление контроля. «Принцип разделения властей, - пишет О.Е. Кутафин, - предусматривает систему «сдержек и противовесов», направленную на то, чтобы свести к минимуму возможные ошибки в управлении, односторонность подхода к решаемым вопросам»[401]. Контроль одной власти за деятельностью другой рационализирует государственную власть, усиливает ответственность. В зависимости от формы контроля и мерам, применяемым по итогам его осуществления, можно утверждать о степени проявления доверия между контролирующим и подконтрольным субъектами[402]. Этот тезис важен для понимания сути конституционных положений доверия / недоверия в модели взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы при активном участии Президента РФ. Конституционные процедуры в рамках этого взаимодействия направлены на создание наиболее эффективного механизма государственного управления и достижения конституционно значимых целей.

Взаимодействие между Государственной Думой и Правительством РФ при активной роли Президента РФ осуществляется по ряду ключевых вопросов. Во-

---

[399] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2017. – С. 311.

[400]Одним из примеров отрицательных последствий является ущерб нанесенный гражданам и юридическим лицам действиями Правительства РФ в 1997 г., так называемые события «дефолта». (см., например: Лебедев К.К. Юридическая природа дефолта и реструктуризация долгов // Правоведение. - 2000. № 5 (232). - С. 141 – 153.

[401] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. – 4 е изд., перераб. И доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 115.

[402] Кокотов А.Н. Доверие Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004. – С. 40.

первых, по вопросу кандидатуры на должность Председателя Правительства РФ (п. а) ст. 103, ст. 111) ; во-вторых, по вопросу утверждения кандидатур заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров (п. а.1) ст. 103); в-третьих, по вопросу доверия / недоверия Правительству Российской Федерации Государственной Думой (п. б) ст. 103, ст. 117); в-четвертых, заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (п. в) ст. 103).

Важно отметить конституционную эволюцию контрольных полномочий Государственной Думы в отношении Правительства РФ как с позиции кадровых вопросов, так и контроля за деятельностью высшего органа исполнительной власти.

В изначальном тексте ст. 103 Конституции РФ было закреплено: К ведению Государственной Думы относится: а) дача согласия Президенту Российской Федерации на назначение Председателя Правительства Российской Федерации; б) решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации. В 2008 г. поправкой в Конституцию ч. 1 ст. 103 была дополнена пунктом «в)», а также изменена редакция п. «а» ч. 1 ст. 114. Закреплялась обязанность Правительства РФ представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о своей деятельности, а также отчет по вопросам, поставленным Государственной Думой[403].

Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» содержательно изменил контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации. Во-первых, по кадровому вопросу; во-вторых, по процедуре выражения доверия / недоверия Правительству РФ.

---

[403] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. N 1. Ст. 2.

Согласно изначальным конституционным положениям Государственная Дума была наделена правом дачи *согласия* Президенту РФ по представленной им кандидатуре Председателя Правительства Российской Федерации (п. а) ч. 1 ст. 103, ст. 111). В действующей редакции закреплена процедура *утверждения* Государственной Думой кандидатуры Председателя Правительства РФ по представлению Президента РФ. При этом, как и в первоначальной редакции, акт назначения Председателя Правительства РФ осуществляет Президент Российской Федерации.

Несмотря на схожесть процедур «дача согласия» и «утверждение» в последнем варианте возросла степень ответственности Государственной Думы. «Утвердить» означает признать кандидатуру достойным занять должность Председателя Правительства, доверить ему руководство деятельностью Правительством Российской Федерации.

Стоит заметить, что за Государственной Думой в новой редакции сохранено право трехкратного отклонения представленных кандидатур (кандидатуры) Председателя Правительства РФ (ч. 4 ст. 111). Однако изменены возможные последствия в случае «трехкратного отклонения представленных кандидатур». Если в первоначальной редакции этой нормы Президент РФ был *обязан* распустить Государственную Думу и назначить новые выборы, то в действующей редакции - *вправе* распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. Полагаем, такой вариант направлен на снижение возможной конфликтной ситуации. Так, например, Президент может использовать согласительные процедуры с Председателем Государственной Думы, руководителями фракций для достижения компромисса[404].

Следует отметить, что разность подходов в понимании процедуры согласования кандидатуры на должность Председателя Правительства РФ, изложенная в первоначальном варианте ч. 4 ст. 111 Конституции РФ, вызвала

[404] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

конфликт между депутатами Государственной Думы и Президентом РФ. В 1998 году Президентом Б.Н. Ельциным на согласование Государственной Думы трижды вносилась кандидатура С.В. Киреенко на должность Председателя Правительства РФ. Государственная Дума отклоняла данную кандидатуру. При этом в Государственной Думе сложилось мнение, что Президент обязан вносить каждый раз новую кандидатуру. Противоположная позиция была у Президента. Сложившейся конфликт, основанный на неопределенности понимания положения ч. 4 ст. 111 стал предметом разбирательства в Конституционном Суде по запросу Государственной Думы о толковании данного положения.

В постановлении от 11 декабря 1998 г. Конституционный Суд дал толкование ч. 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации[405]. Суд исходил из системной взаимосвязи ст. 111 с положениями ст. 80, 83, 84, 103, 110 и 115 Конституции, которые определяют правовое положение Правительства РФ в системе государственной власти, условия и порядок назначения Председателя Правительства, полномочия Президента РФ по назначению и освобождению от должности Председателя Правительства, процедуру согласования кандидатуры Председателя Правительства РФ с Государственной Думой, основания роспуска Государственной Думы. Суд указал, что провозглашенная в преамбуле Конституции РФ цель, заключающаяся в установлении гражданского мира и согласия, обуславливает также необходимость согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, которая обеспечивается Президентом РФ (ст. 80). Иное ставит под угрозу стабильность конституционного строя России и не отвечает конституционному предназначению государственной власти.

По мнению Суда, положение ч. 4 ст. 111, во взаимосвязи с иными положениями Конституции РФ, означает исключительное право Президента РФ по подбору и представлению кандидатуры на должность Председателя

---

[405] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 N 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № N 52. Ст. 6447.

Правительства РФ. Президент РФ вправе представлять Государственной Думе как одного и того же кандидата дважды или трижды, так и каждый раз нового кандидата. Суд подчеркнул, что полномочия Президента РФ и Государственной Думы по вопросу согласования кандидатуры должны осуществляться в не противоречащих Конституции РФ формах взаимодействия[406].

Конституционный Суд указал на различную конституционную практику выраженную в действиях Президента РФ и Государственной Думы по представлению и согласованию кандидатуры: Государственная Дума согласовала кандидатуру при первом представлении Президентом РФ; Президент РФ трижды представлял одну и туже кандидатуру, а Государственная Дума дважды отклоняла одну и туже кандидатуру; применялась согласительная процедура после двухкратного отклонения одного и того же кандидата представленного Президентом РФ. Примечательно, что Конституционный Суд допустил возможным складывание конституционного обычая по взаимодействию Президента РФ с Государственной Думы в вопросе согласования кандидатуры на должность главы исполнительной власти.

Отметим, что по итогам принятого постановления Конституционного Суда, Государственная Дума внесла изменения в Регламент, которые учитывают позицию Суда. Регламентом в действующей редакции предусмотрена возможность рассмотрения и принятия решения о утверждении, как одной и той же кандидатуры, представленной трижды, так и разных кандидатов на должность Председателя Правительства РФ (ст. ст. 147, 148)[407].

Конституционный Суд РФ оценивая конституционные отношения Президента РФ с Государственной Думой по вопросу утверждения кандидатуры на должность Председателя Правительства РФ, обосновано указал, что стороны должны исходит из конституционной цели поддержания гражданского мира и

---

[406] Следует отметить, что в рамках дела о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации были выражены особые мнения судей Н.В. Витрука, В.О. Лучина, В.И. Олейника, в которых обосновывалась противоположная позиция, расходящаяся с толкованием данным Конституционным Судом в постановлении.

[407] Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-17/ (дата обращения – 10. 12. 2024)

согласия, закрепленной в преамбуле Конституции России и потому разрешать возникшие разногласия посредством согласительной процедуры. Достижения соглашения важно для стабильной и непрерывной работы высшего органа исполнительной власти. На Правительство РФ возложена обязанность как исполнения положений действующих федеральных законов, так и исполнение указов Президента РФ.

На важность непрерывной и стабильной деятельности Правительства под руководством Председателя указывают положения Конституции Российской Федерации, обязывающие Президента РФ внести кандидатуру на эту должность: 1) не позднее двухнедельного срока после вступления в должность; 2) в течении недели со дня отклонения кандидатуры Государственной Думой; 3) не позднее двухнедельного срока после отставки Правительства РФ (ч. 2 ст. 111). Конституция одновременно обязывает Государственную Думу рассмотреть представленную Президентом РФ кандидатуру в течении недели со дня внесения представления (ч. 3 ст. 111).

Особенность российской модели взаимоотношений Президента с Государственной Думой в вопросе согласования кандидатуры на должность Председателя Правительства РФ заключается в том, что позиция Президента не связана с мнением партийного большинства Думы. Однако Президент, выдвигая кандидатуру, очевидно, учитывает позиции Думских фракций. Так, к примеру, М.В. Мишустин, после внесения его кандидатуры Президентом в Государственную Думу на должность Председателя Правительства, провел встречи с парламентскими фракциями[408].

В постконституционной истории России Президентом РФ на рассмотрение Государственной Думы вносилось десять кандидатур. Каждый из кандидатов имел опыт работы в исполнительной власти и Правительстве РФ[409]. Согласование

---

[408] См.: Три фракции поддержат кандидатуру Мишустина // :https://rg.ru/2020/01/16/tri-frakcii-podderzhat-kandidaturu-mishustina.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.12.2024 г.).

[409] См.: Главы российского правительства с 1990 года// **https://tass.ru/info/7530513** (дата обращения: 10.12.2024 г.).

(назначение) на должность Председателя Правительства не было обусловлено исключительно поддержкой пропрезидентского партийного большинства. Однако Президент не мог не учитывать позицию большинства в Государственной Думе по вносимой им кандидатуре. Так, в частности, после отставки Кириенко С.В. с должности Председателя Правительства РФ в 1998 г., Президент дважды вносил кандидатуру В.П. Черномырдина, которая не получила поддержки в Думе. Глава государства был вынужден внести кандидатуру Е.М. Примакова, которая была согласована большинством депутатов Государственной Думы.

Новеллы Конституции Российской Федерации 2020 г., определяющие процедуры взаимодействия Государственной Думы с Правительством РФ, расширили действие принципа доверия в кадровом вопросе[410]. Согласно действующим положениям Председатель Правительства РФ представляет Государственной Думе на утверждение кандидатуры заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров, за исключением федеральных министров, непосредственно назначаемых Президентом РФ (п. д. 1) ст. 83, ст. 103, ст. 112). До внесения кандидатур Председатель Правительства согласовывает их с Президентом. До этой новеллы назначение заместителей Председателя и министров было исключительным правом Президента.

В соответствии с Регламентом Государственная Дума рассматривает представленные Председателем Правительства РФ кандидатуры заместителей Председателя Правительства и федеральных министров в течение недели со дня внесения соответствующих представлений (ст. 148-1)[411]. Отметим отсутствие конституционного срока представления Председателем Правительства кандидатур в Государственную Думу. На практике этот срок не превышает двух недель со дня утверждения Президентом структуры Правительства.

---

[410] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

[411] Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-17/ (дата обращения – 10. 12. 2024)

На заседании Государственной Думы кандидатуры представляет Председатель Правительства РФ или его полномочный представитель. Каждый из кандидатов представляет Государственной Думе программу основных направлений деятельности Правительства, которые он будет координировать либо программу основных направлений деятельности федерального органа исполнительной власти (п. 6 ст. 148-1). Перед обсуждением каждый из кандидатов отвечает на вопросы депутатов. Вполне понятно, что ответственность за выбор кандидатуры на указанные выше должности возложена на Председателя Правительства РФ.

Важно, что в процессе гласного обсуждения кандидатур депутаты Государственной Думы получают представление о программе основных направлений деятельности каждого из кандидатов и, соответственно, формируют мнение о планируемой государственной политике в различных сферах. Актом утверждения кандидатуры Государственная Дума выражает доверие не только конкретному лицу, но одновременно программе его действий. Тем самым действие конституционного принципа доверия в аспекте взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы направлено на конструктивное взаимодействие властей и снижение риска конфликта властей[412].

Новая редакция статьи 112 Конституции РФ устанавливая процедуру утверждения заместителей Председателя Правительства и министров предусматривает возможность отклонения Государственной Думой представленных кандидатур. После трехкратного отклонения, Президент вправе назначить заместителей Председателя Правительства и министров, кандидатуры которых были представлены Государственной Думе Председателем Правительства (ч. 4). При этом введено право Президента распустить Государственную Думу и назначить новые выборы, если более одной трети должностей членов Правительства (за исключением федеральных министров,

[412] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

указанных в п. д. 1 ст. 83) вакантны (не утверждены Государственной Думой) (ч. 4 ст. 112).

Процедура формирования правительства при участии президента и представительного органа государственной власти характерна для государств «смешанной» (президентско-парламентской) формы правления. В отечественной литературе в качестве образца указывают на опыт Франции[413].

Вместе с тем, Президент Франции назначает Премьер-министра без согласования с Национальным собранием; назначает членов Правительства по представлению Премьер-министра (ст. 8). После назначения Премьер-министр выступает с программой Правительства или декларацией об общей политике в Национальном собрании. Далее следует постановка вопроса о доверии Правительству (ст. 49). Если Национальное собрание примет резолюцию порицания или не одобрит программу Правительства либо декларацию об общей политике, то следует отставка Правительства (ст.50)[414]. Президент Франции вынужден считаться с расстановкой сил в Национальном собрании, учитывать позиции депутатов в отношении кандидатуры на должность Премьер-министра. Как правило Президент поручает формирование Правительства лидеру партийного большинства в Национальном собрании. Следует отметить, что позиция парламентского большинства может не совпадать с позицией Президента о проводимой политике.

В России практика назначения Председателя и формирование Правительства в соответствии с конституционными положениями иная. Президент РФ не связан своим решением о кандидатуре Председателя с парламентским большинством, хотя, несомненно учитывает позиции партийных фракций Государственной Думы. Председатель и члены Правительства не

---

[413]См., например: Сравнительное конституционное право. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. С. 627; Марино И. Президент Российской Федерации: конституционно-правовые отношения. От Конституционного Совещания до современной практики. – М.: Алми, 2007. С. 97; Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. С. 208.

[414] Конституция Французской Республики // https://worldconstitutions.ru/?p=138. (дата обращения: 08.12.2024 г.).

обязательно должны быть членами политических партий. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» закрепляет требования к члену Правительства, включая Председателя: наличие гражданства РФ и возраст не моложе 30 лет. Установлен ряд ограничений и запретов (ст. 6)[415]. Однако Закон не определяет требования к партийной принадлежности членов Правительства и не устанавливает запрет на партийное членство. Так, в действующем составе Правительства только двенадцать человек (из 32) являются членами политических партий (11 – «Единая Россия», 1 – ЛДПР)[416].

Новеллы 2020 г. Конституции Российской Федерации, предоставившие депутатам Государственной Думы полномочие по утверждению заместителей Председателя Правительства и министров, расширяют возможности партийных фракций Думы в отношении кадрового состава Правительства. Кандидат на должность заместителя Председателя или министра может не получить поддержку депутатов. Мотивы могут быть различны. «Сдержка» в виде возможности роспуска Думы в случае не утверждения предлагаемого состава, не является абсолютной как в ситуации с утверждением кандидата на должность Председателя. Во многом позиция Председателя по представлению кандидатур в члены Правительства опирается на мнение Президента и его поддержку.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» ч. 1 ст. 103 была дополнена пунктом «в)», закрепившем обязанность Правительства РФ представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о своей деятельности, а также давать отчет по вопросам, поставленным Государственной Думой; соответственно изменилась редакция пункта «а» ч. 1 ст. 114.

---

[415] Федеральный конституционный закон от 6.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. N 45. Ст. 7061.

[416] Новый состав Правительства 2024: список министров и новые лица // https://riamo.ru/articles/aktsenty/perestanovki-i-svezhie-litsa-kto-est-kto-v-novom-pravitelstve-rf/?from=inf_cards (дата обращения: 11.12.2024 г.).

В развитие указанных конституционных положений в Федеральном законе «О парламентском контроле» ежегодный отчет Правительства РФ закреплен в качестве формы парламентского контроля[417]. В целях урегулирования процедуры ежегодного отчета Правительства РФ регламент Государственной Думы был дополнен главой 18-1 «Рассмотрение вопроса о ежегодном отчете Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности»[418].

В соответствии с Регламентом Государственная Дума ежегодно заслушивает отчеты Правительства РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой[419]. Регламентом установлено преимущественное право фракций на представление вопросов в Комитет по контролю, обобщающему и формирующему перечень вопросов, передает их в Совет Государственной Думы, который утверждает перечень вопросов и направляет их в Правительство РФ. Отметим, что в перечень могут быть включены вопросы по реализации постановлений Государственной Думы, в том числе об исполнении федерального бюджета, а также постановлений Думы, принятых по результатам обсуждения вопросов в рамках «правительственного часа». Перечень вопросов, адресованных Правительству РФ для ежегодного отчета, может быть весьма широк по разным проблемам в экономической, социальной и иных сферах. Это усиливает контрольную функцию парламента.

Согласно Регламенту, перед Государственной Думой с ежегодным отчетом выступает Председатель Правительства Российской Федерации. Представители фракций и депутаты вправе задавать вопросы Председателю Правительства Российской Федерации по завершении его выступления. Важно, что депутаты обладают правом высказывать свое мнение о деятельности Правительства РФ. Таким образом, в рамках ежегодного отчета Правительства РФ осуществляется

---

[417] Федеральный закон от 7.05.2013 г. № 77-ФЗ (в ред. 25.12.2023) «О парламентском контроле» // СЗ РФ. 2013. N 19. Ст. 2304.

[418] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (дата обращения: 08.12.2024 г.).

[419] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

гласное обсуждение деятельности высшего органа исполнительной власти. Изучение стенограмм заседаний Государственной Думы по заслушиванию ежегодных отчетов Правительства РФ свидетельствует о весьма острых вопросах руководителей фракций и депутатов Думы Председателю Правительства по широкому спектру проблем. К примеру по итогам отчета Председателя Правительства РФ за 2012, представителями фракций были заданы вопросы по проблемам «офшоризации экономики» страны, неэффективности вузов, неэффективного контроля за деятельностью управляющих компаний и ряд других[420]. Вопросы заданные по итогам отчета Правительства РФ за 2024 г. затрагивали проблемы развития транспорта в регионах, стимулирования деятельности ученых, о дефиците педагогических кадров и другие[421].

По итогам рассмотрения ежегодного отчета Правительства Российской Федерации Государственная Дума *вправе* принять постановление (п. 3 ст. 154-3 Регламента Государственной Думы)[422]. Полагаем, было бы логичней закрепить правило об обязательном принятии постановления. В постановлении должна быть выражена позиция Государственной Думы.

Дополнение Конституции РФ положением о ежегодном отчете Правительства РФ о своей деятельности, с одной стороны, усиливает ответственность Правительства РФ перед Государственной Думой, с другой, настраивает высший орган исполнительной власти на более эффективную деятельность по целевым показателям за годовой период, а, в необходимых случаях, заставляет корректировать текущую деятельность. Такой подход снижает возможность появления кризисных ситуаций в сфере управления и увеличивает степень доверия Государственной Думы к Правительству РФ[423].

---

[420] См.: http://government.ru/news/1411/ (дата обращения: 10.12.2024 г.).
[421] См.: http://duma.gov.ru/news/61153/ (дата обращения: 11.09.2025 г.).
[422]См.: Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-18-1/ (дата обращения: 10.12.2024 г.).
[423] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

Одним из важных вопросов в системе «сдержек и противовесов» являются постановка Правительством РФ вопроса о доверии перед Государственной Думой и выражение недоверия Правительству Российской Федерации со стороны Государственной Думы (п. б) ст. 103, ст. 117).

В отечественной литературе встречается позиция, согласно которой положения ст. 117 Конституции РФ, измененные в период конституционной реформы 2020 г., рассматриваются исключительно как конституционно-правовой конфликт между Государственной Думой и Правительством РФ. Автор приходит к выводу, что с формально-юридической позиции поправки к части 4 статьи 117 Конституции РФ являются «определенным «конъюнктурным реверансом» российскому парламенту» [424].

Заявленный в качестве «новой методологии» «конфликтологический подход» в рассмотрении процедур постановки Правительством РФ вопроса о доверии перед Государственной Думой и выражение недоверия Правительству Российской Федерации носит односторонний характер[425]. Во-первых, не учитываются возможности по конструктивному обсуждению ежегодного отчета Правительства РФ по значимым проблемам государственного управления; во-вторых, не разграничены две различные по своей сути процедуры - о доверии (ч. 4 ст. 117) и недоверии (ч. 3 ст. 117); в-третьих, остается без внимания ключевой момент конституционных новелл -усиление возможностей Государственной Думы по контролю за деятельностью Правительства; в четвертых, не учитывается правовая позиция Конституционного Суда о необходимости достижения взаимодействия властей для поддержания конституционной стабильности как цели конституционного строя России.

Постоянному диалогу Правительства и Государственной Думы способствуют иные формы взаимодействия: члены Правительства вправе

---

[424]Третьяк И.А. Конституционно-правовой конфликт о доверии Правительству Российской Федерации в контексте конституционной реформы 2020 г. // Правоприменение.- 2021.- Т. 5. - № 2. - С. 169.

[425] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

присутствовать и выступать на заседаниях Государственной Думы («правительственный час»), комитетов и комиссий; Правительство РФ направляет в Думу информацию о ходе разработки и предполагаемых сроках принятия нормативных правовых актов, предусмотренных федеральными законами; члены Правительства обязаны рассмотреть и ответить на письменные обращения комитетов и комиссий Думы, сообщить о принятых мерах (ч. 8, 9, 10 ст.13 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»)[426].

Процедура постановки Правительством РФ вопроса о доверии перед Государственной Думой (ч. 4 ст. 117) включает два принципиальных момента. Во-первых, Председатель Правительства РФ вправе поставить вопрос о доверии Правительству РФ. Основания могут быть различны: «поддержания авторитета» высшего органа исполнительной власти при проведении реформы в определенной сфере, его действий в силу чрезвычайных обстоятельств (внешнеполитического давления, мирового экономического кризиса и т.п.), катастрофических событий, ликвидация последствий которых возложена на исполнительную власть и др.

Во-вторых, вопрос о доверии может быть поставлен Председателем Правительства РФ в рамках второй процедуры – внесения либо рассмотрения депутатами предложения о выражении недоверия Правительству Российской Федерации. Опыт российской истории взаимоотношений Государственной Думы и Правительства РФ свидетельствует о возможности выражения недоверия в условиях как экономического, так и политического кризиса. Постановкой вопроса о доверии Председатель Правительства РФ стремится к преодолению конфликта властей[427].

Таким образом, постановка Председателем Правительства РФ вопроса о доверии перед Государственной Думой направлена на реализацию

---

[426] Федеральный конституционный закон от 6.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. N 45. Ст. 7061.

[427] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / [Андриченко Л. В. и др.] / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева; Конституционный Суд Российской Федерации: 2-е изд., пересмотренное. – М.: Эксмо, 2009. С. 582 – 585.

конституционного принципа доверия и преследует цель поддержания авторитета Правительства Российской Федерации и проводимой им государственной политики[428].

Полагаем, вопрос о доверии должен ставиться Председателем Правительства по итогам ежегодного отчета. Деятельность Правительства РФ должна опираться на поддержку законодательной власти. Ежегодный отчет будучи формой парламентского контроля направлен на представление наиболее полной информации о деятельности Правительства. В тоже время, это способ конструктивного воздействия Думы и возможной корректировки деятельности высшего органа исполнительной власти для достижения целей программы Правительства и исполнения положений федеральных законов. При положительном решении Правительство утверждается в правильности осуществляемых действий. Отказ в доверии означает необходимость корректировки деятельности.

В отечественной науке конституционного права отсутствует единство подходов в понимании правовой природы ответственности Правительства Российской Федерации в форме отставки. Так, по мнению Н.М. Колосовой Правительство РФ несет конституционную ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей. Основанием ответственности является «злоупотребление правами», которое может выражаться в т. ч. в злоупотреблении правом законодательной инициативы. Отставка Правительства выступает санкцией[429].

Р.М. Дзидзоев рассматривает отставку Правительства как политическую ответственность, поскольку может наступать не зависимо от его вины. По его мнению Правительство нередко становится жертвой конфликта между

---

[428] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

[429] См.: Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. – М.: Городец, 2000. С. 75 – 79.

Президентом и парламентом[430]. Эту позицию разделяет А.А. Кондрашев, отмечая, что ответственность Правительства РФ не обладает признаками конституционно-правовой ответственности. Предлагается установить конституционную ответственность Правительства РФ и министров, закрепив в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» основания отставки и, соответственно, освобождение от должности[431].

Сложность определения вида ответственности Правительства РФ во многом обусловлена отсутствием в Конституции Российской Федерации оснований в силу которых производится отставка. Не проясняет этого вопроса Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», во многом повторяя положения Конституции (ст. 35). Весьма общий характер имеют положения Федерального закона «О парламентском контроле» (ст. ст. 5, 6, 11, 15). За более чем тридцатилетнюю практику попытки выразить недоверие Правительству РФ предпринимались Государственной Думой неоднократно; в 1995 г. было принято постановление, которое не получило завершение в виде отставки Правительства[432].

Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации по инициативе депутатов (ч. 3 ст. 117 Конституции РФ). Мотивированное предложение о выражении недоверия Правительству РФ вносится депутатами в Совет Думы[433]. Вопрос о выражении недоверия Правительству РФ рассматривается Государственной Думой на ближайшем

---

[430]Дзидзоев Р.М. Конституционно-правовая ответственность: Учеб. Пособие. – Краснодар, 2004. С. 50.

[431] Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. – М.: Изд-во московского ун-та, 2011. С. 163 - 168.

[432] См.: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 июня 1995 г. N 895-1 ГД «О недоверии Правительству Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. N 26. Ст. 2446. Об истории постановки вопроса о недоверии Правительству РФ со стороны Государственной Думы см.: История недоверия в России https://www.kommersant.ru/doc/539477 (дата обращения: 12.12.2024 г.).

[433] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

пленарном заседании по истечении семи дней со дня внесения соответствующего предложения (ст. 149 Регламента Государственной Думы).

В случае, если большинством голосов депутатов Думы будет принято постановление о недоверии Правительству РФ, Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства либо не согласиться с решением Государственной Думы. Для возможности урегулирования конфликта Конституцией предусмотрена «политическая пауза». Если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству, Президент РФ объявляет об отставке Правительства РФ либо распускает Государственную Думу и назначает новые выборы. Можно предположить, что в ситуации «кризиса доверия» Президент РФ будет использовать согласительные процедуры для разрешения разногласия между Государственной Думой и Правительством Российской Федерации.

Исходя из российской практики, а также положений Закона о парламентском контроле, можно выделить следующие основания внесения предложений о недоверии: во-первых, возникновение чрезвычайных (кризисных) ситуаций, вызванных действиями Правительства РФ или федеральными органами исполнительной власти (неисполнение обязанностей); во-вторых, систематическое несоблюдение Правительством и/или федеральными органами исполнительной власти требований по принятию нормативных правовых актов в установленные федеральными законами сроки, а также качества актов (отсутствие полноты регулирования соответствующих правоотношений, наличие пробелов). Полагаем, что эти два основания выражение недоверия Правительству имеют конституционно-правовую основу, являются итогом осуществления парламентского контроля. Отставка Правительства по данным основаниям – конституционная санкция.

В тоже время, вопрос о недоверии может иметь исключительно политический характер, когда в Государственной Думе сложилась коалиция фракций, не поддерживающих деятельность Правительства РФ. В этом случае

отставка Правительства как санкция имеет сугубо политическую форму ответственности.

Итак, конституционная эволюция контрольных полномочий Государственной Думы в отношении Правительства РФ, произошедшая на основе законов о поправке к Конституции РФ (2008 г., 2020 г.), направлена на усиление парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти и нацелена на создание наиболее эффективного механизма государственного управления. Сложившаяся модель взаимодействия Правительства Российской Федерации и Государственной Думы в рамках Конституции РФ, действующего федерального законодательства, Регламента Государственной Думы и практики их применения свидетельствует о расширении направлений и форм их взаимодействия на основе конституционного принципа доверия[434].

Вместе с тем, полагаем в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» должны быть закреплены критерии, на основе которых Государственная Дума вправе принимать решение о недоверии Правительству Российской Федерации. Кроме того, должна быть установлена персональная ответственность членов Правительства. Государственная Дума должна обладать правом выражения недоверия, в случае признания деятельности члена Правительства неудовлетворительной. Решение должно приниматься квалифицированным большинством голосов депутатов Государственной Думы. Необходимо закрепить обязанность Государственной Думы принимать постановление по итогам рассмотрения ежегодного отчета Правительства Российской Федерации. Председатель Правительства или лицо его замещающее, по итогам обсуждения доклада, должен ставить вопрос о доверии Правительству Российской Федерации.

---

[434] Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12 (112). С. 115 – 123.

3.2. Применение принципа доверия в статусе и деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ

В механизме обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации особое положение занимает институт уполномоченных по правам человека[435]. Данный государственный институт правовой защиты получил активное развитие в Российской Федерации, как на федеральном, так и региональном уровнях. Государственный институт правовой защиты представленный должностью уполномоченного (по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей и др.) введен в российскую конституционную систему защиты прав на основе рецепции.

Должность уполномоченного (омбудсмена, народного защитника, защитника прав человека и т.п.) существует более чем в 100 странах. В некоторых государствах институт государственной правозащиты представлен коллегиальным органом (например, Австрия, Канада, Монголия). Активное распространение института уполномоченного (омбудсмена) обусловлено рядом факторов. Среди них: усиление контроля за исполнительной властью, доступность обращения, упрощенная процедура рассмотрения жалоб граждан и принятие мер по защите прав. Не последнюю роль играет возрастающее доверие граждан к омбудсменам, как независимым в своем статусе должностным лицам (органам)[436].

---

[435] В данном исследовании под институтом уполномоченных по правам человека понимается государственный правозащитный институт, который включает Уполномоченного по правам человека в РФ, а также «специализированных» уполномоченных – Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченного по защите прав предпринимателей при Президенте РФ, Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, а также соответствующих уполномоченных регионального уровня, включая уполномоченного по правам коренных малочисленных народов.

[436] Подробнее см., например: Хиль– Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана) / Альваро Хиль-Роблес; [Пер. с исп. А. Казачкова]. — М. : Ad Marginem, 1997; Хаманева Н. Ю. Уполномоченный по правам человека – защитник прав граждан / Н. Ю. Хаманева; отв. ред. Б. Н. Топорнин. –М.: Ин-т государства и права РАН, 1998; Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и роль омбусмена в их обеспечении. – М.: Монолит, 2002; Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. - М.: 2009; Дудко И.Г. Институт защиты прав человека (омбудсмена) в Канаде // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4 (80). – С. 164-173.

В отечественной научной литературе уделяется значительное внимание исследованию проблемы становления и развития института уполномоченных по правам человека[437]; подготовлены и защищены ряд диссертаций посвященных статусу Уполномоченного по правам человека в РФ[438], уполномоченным по правам человека в субъектах РФ[439], специализированным уполномоченным[440], а также работы в сравнительно-правовом аспекте, на основе анализа российской и зарубежной практики[441].

---

[437] Например: Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 52 – 59; Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. М.: РГ-Пресс, 2019. – 288 с.; Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4 (80). – С. 23-44; Руденко В.В. Институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4. – С. 155-163; Зражевская Т.Д., Белоножкин В.И., Колобова Т. Методологические основы организации эффективной деятельности региональных уполномоченных по правам человека в современных условиях: монография. – М.: Проспект, 2020; Шамрин М.Ю., Мигачева Е.В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 41 – 48; Дудко И.Г. Институт уполномоченных по правам человека в России: концептуальные основы и эволюция // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 11 – 18; Чечельницкий И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях // Lex russica. – 2025. – № 3. – С. 66 –85.

[438] См., например: Бегаева А.А. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004; Галяутдинов Б.С. Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014

[439] См., например: Буянкина Е.С. Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 28 с.; Эмих В.В. Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации : (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.; Вершинина И.Ф. Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.; Кулишенко Е.А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021.

[440] См., например: Кулакова Д.В. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в публично-правовом механизме защиты прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. – 26 с.

[441] См., например: Майоров А.Г. Формирование правового института омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) в России и за рубежом : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 27 с.; Чуксина В.В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите : сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016. 54 с.; Беляцкая А.М. Институт уполномоченного по правам

Интересующая в рамках данного исследования проблема осуществления принципа доверия, воплощенная в законодательных конструкциях и реализуемая в российской практике, не нашла своего отражения в научных исследованиях. Рассмотренный в научной литературе аспект доверия к Уполномоченному по правам человека в РФ и к уполномоченным по правам человека в субъектах РФ[442] со стороны граждан и органов публичной власти, носят оценочный характер и отражают отношения социально-психологического порядка, как явление поддерживающие авторитет института уполномоченных в России.

Принцип доверия в контексте института уполномоченного по правам человека реализуется в трех основных системах отношений:

1. Уполномоченный защищает граждан от нарушения принципа доверия со стороны государства (например: ретроактивное применение законов);
2. Граждане должны доверять уполномоченному в противном случае институт теряет смысл и эффективность;
3. Государственные органы и международное сообщество должны доверять уполномоченному чтобы сотрудничество было продуктивным.

Впервые документально должность уполномоченного по правам человека была заявлена в «Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР». В Декларации провозглашались права и свободы человека и гражданина в соответствии с международными стандартами и предусматривалось введение должности Парламентского уполномоченного по правам человека (ст. 40). Закреплялось, что на эту должность осуществляет назначение Верховный Совет РСФСР. Особенность заключалась в том, что Парламентский уполномоченный по

человека в Российской Федерации и иностранных государствах: сравнительно-правовой анализ автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. 32 с.

[442] См., например: Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4 (80). – С. 23 - 44; Чечельницкий И. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в контексте запроса общества на социальную справедливость // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2. – С. 54 – 63; Клишас А.А. Уполномоченный по правам человека как институт обеспечения национального суверенитета // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3s (127). С. 24 - 28.

правам человека подотчетен Верховному Совету РСФСР. Предполагалось принятие закона о статусе Парламентского уполномоченного[443].

Конституция Российской Федерации и принятый на ее основе Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» концептуально изменили правовое положение Уполномоченного, как независимого от какой-либо государственной власти конституционного должностного лица (ст. ст. 1, 2)[444](далее - ФКЗ об Уполномоченном). В соответствии с целеполаганием учреждаемой должности, Уполномоченный своей деятельностью должен гарантировать государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45 Конституции РФ), дабы их права (свободы) соблюдались государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Должность Уполномоченного включена в перечень государственных должностей Российской Федерации[445]. Соответственно лицо назначенное на эту должность замещает государственную должность Российской Федерации. Особенность заключается в том, что процесс назначения и установленные Законом гарантии направлены на обеспечение независимой и не подконтрольной деятельности Уполномоченного от какого-либо органа или государственного должностного лица.

Анализ процедуры назначения на должность Уполномоченного по правам человека в РФ установленной Конституцией РФ, действующим ФКЗ об Уполномоченном и детализированной Регламентом Государственной Думы[446], а также закрепленный законодательством статус, включая гарантии его деятельности, позволяет заключить *о применении принципа доверия.*

---

[443] Декларация прав и свобод человека и гражданина РСФСР // Ведомости Съезда парламентских депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

[444] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями на 2023 г.) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[445] Указ Президента РФ от 14.11.2024 № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7101.

[446] Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-19/ (дата обращения: 30.01.2026 г.).

Это проявляется в следующем. Прежде всего, назначение происходит на альтернативной основе. Кандидатуры на должность Уполномоченного вправе вносить Президент РФ, Совет Федерации, депутаты и фракции Государственной Думы (ст. 7 ФКЗ об Уполномоченном)[447]. Количество кандидатов не установлено, но их должно быть не менее 2-х. Плюральность представленных кандидатов создает основу для обсуждения и выбора, осуществляемого депутатами Государственной Думы. Каждому из кандидатов предоставлена возможность выступить с программой деятельности. В рамках заседания депутаты вправе задавать вопросы кандидату, высказывать свое мнение по кандидатуре, включая призыв голосовать за того или иного кандидата. Важно, что процесс голосования осуществляется тайно. Назначенным является кандидат, который получил большинство голосов от общего числа депутатов Государственной Думы на пленарном заседании. Решение о назначении принимается в форме постановления Государственной Думы.

Отметим, процедуре выдвижения кандидатов на должность Уполномоченного по правам человека в РФ предшествует обсуждение кандидатур в комитетах (ст. 156)[448]. Сложилась своего рода двухступенчатая процедура отбора кандидатов: на заседании комитетов и на пленарном заседании Государственной Думы при решении вопроса о включении кандидатов в бюллетень для тайного голосования. При этом решение о включении кандидатов в список для тайного голосования принимается квалифицированным большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов.

Уполномоченные по правам человека в РФ выдвигались на должность от различных субъектов наделенных соответствующим правом: О.О. Миронов (1998 – 2004 гг.) был выдвинут фракцией КПРФ; Г.П. Лукин (2004 – 2014 гг.) – выдвинут Президентом РФ, состоял в партии «Яблоко»; Э.А. Панфилова (2014 –

---

[447] На практике кандидаты на должность Уполномоченного по правам человека в РФ предлагались Президенту РФ неправительственными правозащитными организациями, выдвигались различными фракциями и депутатскими группами Государственной Думы.

[448] Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-19/(дата обращения: 30.01.2026 г.).

2016 гг.) - выдвинута Президентом РФ; Т.Н. Москалькова (с 2016 г.) – на первый срок полномочий выдвигалась фракцией «Справедливая Россия», на второй срок - Президентом РФ. В каждом из вышеуказанных циклов назначения на должность активно участвовали фракции Государственной Думы и депутаты, ибо предлагались различные кандидатуры. Президент РФ использовал данное право три раза. Совет Федерации один раз. На каждом из этапов (обсуждение внесенных кандидатур в комитетах Думы, предварительное рассмотрение кандидатур на пленарном заседании и внесение в бюллетень для тайного голосования) соблюдался принцип альтернативности[449].

Парламентский способ, в рамках которого происходит назначение на должность Уполномоченного по правам человека в РФ, представляется наиболее демократичным. Назначение осуществляется на альтернативной основе, публично и при тайном голосовании[450]. Такой способ голосования минимизирует риск оказания давления. Именно депутатам, представителям избирательного корпуса, законодательство предоставляет право выразить волю в определении наиболее достойного среди кандидатов в занятии должности Уполномоченного. Доверие депутатов Государственной Думы основано на презумпции профессионализма и добросовестности назначенного на должность Уполномоченного. Вместе с тем, Уполномоченный не обременен какими-либо обязательствами перед субъектами, выдвинувшими его кандидатуру и депутатами, поддержавшими его в ходе обсуждения или голосования. Доверие, которым наделяется кандидат, назначенный Уполномоченным по правам человека в РФ, имеет односторонний, безотчетный характер.

---

[449]. В каждом «цикле» назначения Уполномоченного по правам человека в РФ соблюдается принцип альтернативности. Например, при первом назначении на должность Уполномоченного в 1997 г. было выдвинуто пять кандидатур.

[450] Следует отметить, что процедура назначения Уполномоченного по правам человека в РФ соответствует международному стандарту, закрепленному в Парижских принципах. См.: Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы]. Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 30.01.2026 г.).

Согласно ФКЗ об Уполномоченном, срок полномочий назначенного на должность - пять лет; одно и тоже лицо не может занимать данную должность более двух сроков подряд (ст. 10). Пятилетний срок занятия должности позволяет Уполномоченному полноценно «овладеть» формами и способами деятельности, выстроить краткосрочный и долгосрочный план по осуществлению государственной правозащиты. Отметим, что такой подход российского законодателя к сроку полномочий, в целом, соответствует практике легислатуры зарубежных омбудсменов (от четырех до шести лет)[451]. Однако в конце первого срока Уполномоченный неизбежно попадает в ловушку «синдрома переизбрания». Возможность занимать данную должность в течение одного, но более продолжительного срока без права переизбрания, могло бы усилить независимость Уполномоченного по правам человека при принятие непопулярных, но справедливых решений и как следствие укрепить доверие к данному институту. Эта идея сейчас приобретает широкую популярность ввиду своей очевидности и рациональности. Это способствовало бы укоренению конституционной традиции ротации в механизме публичной власти и позволило бы иным кандидатам реализовать конституционное право на равный доступ к государственной службе (ст. 32).

В силу того, что Уполномоченный замещает государственную должность Российской Федерации, к кандидату предъявляются особые критерии, а к избранному лицу требования и запреты.

Для замещения должности Уполномоченного по правам человека в РФ важным является соответствие кандидата требованиям, установленным ФКЗ об Уполномоченном: возраст – не моложе 35 лет, гражданство РФ и постоянное проживание на территории Российской Федерации; кандидат должен обладать компетенцией в области прав человека и опытом практической деятельности в сфере защиты прав личности (ст. 6).

---

[451] См., например: Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и роль омбудсмена в их обеспечении. – М.: Монолит, 2002. С. 166 – 178; Защита, поддержка и развитие института омбудсмена. - М.: Деловой стиль, 2020.

Установленные Законом об Уполномоченном критерии которым должен отвечать кандидат на замещение этой должности вполне обоснованы. «Возрастной критерий» обусловлен необходимостью жизненного и профессионального опыта кандидата; наличие гражданства РФ и факт постоянного проживания на территории страны предопределены государственной должностью РФ; критерии познания в области прав и свобод человека и гражданина, наличие профессионального опыта их защиты, обусловлены сферой и целью деятельности Уполномоченного - гарантировать государственную защиту прав и свобод личности. Кандидат может иметь различный опыт деятельности, сопряженный с областью прав человека - быть депутатом, членом политической партии или общественного объединения, работать в сфере науки, на государственной службе и др. Однако принципиально важное значение имеет опыт практической работы кандидата с обращениями граждан, его деятельность по защите и восстановлению нарушенных прав личности. Четко прописанные квалификационные требования могли бы усилить доверие к выбранным кандидатам следуя принципам предсказуемости, понятности, прозрачности. Такие как: безупречная репутация и обязательное наличие многолетнего опыта (не менее 10 лет) именно в правозащитной сфере деятельности.

Отметим еще одну особенность - кандидат должен быть авторитетной личностью. Данный критерий не сводится исключительно к формальным требованиям об отсутствии судимости, дисциплинарных взысканий, соблюдению им правил морали и нравственности в жизни. Речь идет о признанном авторитете кандидата в сфере публичной деятельности[452]. Это предполагает, что кандидат претендующий на замещение должности Уполномоченного своими действиями и результатами этой деятельности получил признание в сфере публичной политики и общественной деятельности. Несмотря на то, что в Законе критерий

[452] В Парижских принципах развития института омбудсмена отмечается, что кандидат на должность омбудсмена должен обладать «высоким моральным авторитетом» // Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы]. Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 30.01.2026 г.).

«авторитета» не формализован, он сложился в практике выдвижения и отбора кандидатов в Государственной Думе.

В статье 9 ФКЗ об Уполномоченном закреплена обязанность назначенного на должность лица принести присягу. Она произносится в рамках пленарного заседания Государственной Думы после назначения на должность. Согласно, Закона, Уполномоченный вступает в должность с момента принесения присяги. Текст присяги содержит клятву Уполномоченного защищать права и свободы человека и гражданина, добросовестно исполнять обязанности, на основе Конституции РФ, законодательства РФ, руководствоваться в своей деятельности справедливостью и голосом совести.

Полагаем, что принесение присяги, будучи укорененной конституционной традицией[453], не сводимо к символическому акту вступления в должность, своего рода ритуалу; присяга является формой обязательств Уполномоченного, как субъекта, наделенного особым конституционным статусом, цель деятельности которого заключается в защите прав и свобод человека.

Из текста присяги следует, что Уполномоченный в своей деятельности обязан руководствоваться принципами конституционности и справедливости, разрешать проблемы по соблюдению прав человека руководствуясь совестью. Реализуя полномочия и, прежде всего рассматривая жалобы граждан, Уполномоченный следует положениям Конституции Российской Федерации. Однако важно, что в своей деятельности он должен следовать не только формально-юридическим положениям, но пониманию конституционных норм, ценностное содержание которых раскрывается в решениях Конституционного Суда РФ. Важной составляющей в правозащитной деятельности Уполномоченного является применение принципа справедливости при

[453] Конституция закрепляет обязанность принесения присяги только при вступлении в должность Президента РФ (ст. 82). В российском законодательстве конституционная традиция принесения присяги получила значительное распространение. Присяга установлена для судей Конституционного Суда, Верховного Суда, федеральных и мировых судей, Генерального прокурора РФ, сотрудников органов прокуратуры, следственного комитета, федеральных государственных гражданских служащих, служащих ряд иных государственных органов, военнослужащих, а также нотариусов и адвокатов.

разрешении конкретных ситуаций, изложенных в жалобе гражданина[454]. При этом позиция Уполномоченного по правам человека должна исходить из гуманного, нравственного отношения обратившемуся.

Закон об Уполномоченном устанавливает требования и запреты для лица, избранного Уполномоченным по правам человека в РФ (ст. 11). Запрет на: занятие какой-либо иной оплачиваемой деятельностью (в любой сфере, за исключением преподавания, науки или творчества); наличие иностранного гражданства либо вида на жительство (иного документа), дающее право постоянного проживания за рубежом; наличие счетов, хранения денежных средств и ценностей в иностранных банках за пределами страны. Кроме того, введен запрет на занятие политической деятельностью, членство в политической партии или ином общественном объединении. Закон устанавливает требование к назначенному на должность Уполномоченного лицу о прекращении деятельности, несовместимой с его статусом. В 2015 г. Закон об Уполномоченном был дополнен положением о предотвращении конфликта интересов[455], когда личная заинтересованность Уполномоченного в определенном деле или ситуации может стать основой для ненадлежащего, беспристрастного и, соответственно, необъективного действия (решения) Уполномоченного.

С одной стороны, указанные ограничения направлены на обеспечение независимости Уполномоченного по правам человека в РФ как в сфере публичных правоотношений, так и частно-правовых. С другой, на обеспечения доверия к Уполномоченному (соблюдающему запреты и ограничения), как со стороны граждан, так и органов публичной власти.

---

[454] Москалькова Т.Н. Справедливость как парадигма трансформации правозащитных механизмов в условиях многополярного мира // // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3s (127). С. 10 – 23; Савенков А.Н. Справедливость и милосердие в государственной правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3s (127). С. 85 – 92.

[455] Федеральный конституционный закон от 23.05. 2015 № 4 – ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 2979.

Уполномоченный независим в своем статусе; неподотчетен каким-либо органам и должностным лицам (ст. 2 ФКЗ об Уполномоченном). Независимость Уполномоченного по правам человека в РФ обеспечивается несколькими составляющими.

Прежде всего тем, что Уполномоченный обладает конституционным статусом лица замещающего государственную должность РФ. Положение Конституции РФ о должности Уполномоченного получают развитие в специальном Федеральном конституционном законе «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Закрепление статуса Уполномоченного в конституционно сопряженном законе является *конституционно-правовой гарантией* его деятельности и, одновременно, исполнением обязанности российского правового государства по защите прав и свобод человека и гражданина, их соблюдении и уважения (ст. ст. 2, 45 Конституции РФ). Учреждение должности Уполномоченного имеет целевое назначение – гарантировать государственную защиту прав и свобод граждан. Таким образом, Уполномоченный по правам человека РФ обладает особым конституционным статусом, который устанавливается высшим по юридической силе нормативным правовым актом и сопряженным конституционным законом и не может быть изменен иначе чем в установленном Конституцией РФ порядке.

В научной литературе сложились различные подходы в определении статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Высказана точка зрения что Уполномоченный является персонифицированным институтом власти[456]. Значительная часть авторов определяет Уполномоченного в качестве органа. При этом одни авторы полагают, что по своему статусу и особенностям компетенции он относится к органу государственной власти[457],

---

[456] Клишас А.А. Уполномоченный по правам человека как институт обеспечения национального суверенитета // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3s (127). С. 26.

[457] Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. Пособие: в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. – М. Норма: ИНФРА-М, 2014. Т.2. С. 491.

персонифицированному органу[458]; уточняется, что Уполномоченный относится к представительной государственной власти[459]. Предлагается рассматривать Уполномоченного по правам человека в РФ и его аппарат - государственным органом[460]; контрольно-правозащитным органом[461]. Изложено мнение, что Уполномоченный является органом исполнительной власти[462].

Вышеуказанные позиции несомненно заслуживают внимания. Однако общий подход о признании Уполномоченного по правам человека в РФ органом (органом государственной власти, государственным органом) вступает в противоречие с положениями ФКЗ об Уполномоченном – «Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации…учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации…» (ст. 1). Конституция РФ и ФКЗ об Уполномоченном со всей определенностью закрепляют его как субъекта замещающего конституционную (государственную) должность, указывают на персонифицированный характер этой должности. В системе публичной власти России, наряду с органами (государственной власти, государственными органами) действуют самостоятельные (персонофицированные) в своем конституционном статусе субъекты. Таковым, например, является Президент РФ - глава государства. Тогда как орган всегда предполагает структуру, включающую обособленные подразделения.

Рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ выполняет обеспечительную функцию и не образует единство со статусом Уполномоченного (ст. 37). Он имеет структурные подразделения, состав которых и полномочия определяются Уполномоченным. Определение Уполномоченного и его рабочего

---

458 Чечельницкий И.В. Принцип независимости в государственной правозащитной деятельности // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3s (127). С. 124. (С. 24 – 28).

459 Корнеева Н.В. Конституционно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб, 2002. С. 9.

460 Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 52 - 59.

461 Феоктистов Д.Е. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

462 Колобова Т.В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. С. 10.

аппарата в качестве государственного органа (п. 3 ст. 37.) с правом юридического лица, указывают на правовые возможности использования данного положения для взаимодействия с различными органами (организациями, учреждениями и т.д.) как в рамках публичных правоотношений, так и гражданско-правовых[463]. На это указывает право иметь расчетные и иные счета, печать, бланки и т.п. Рабочий аппарат обладает статусом юридического лица публичного права, имеющего компетенцию, но не имеющее иную цель, чем обеспечение деятельности Уполномоченного. Ни одно из действий руководителя, его заместителей, сотрудников рабочего аппарата не может иметь собственный, обусловленный интересами аппарата характер и всегда направлены на реализацию полномочий федерального Уполномоченного. Деятельность рабочего аппарата всецело подчинена обеспечению статуса Уполномоченного, реализации им компетенции. Полагаем, Уполномоченный по правам человека в РФ обладает независимым персонифицированным конституционным статусом, который не соединим в конституционном аспекте с рабочим аппаратом.

Независимость Уполномоченного по правам человека в РФ обеспечивается созданием условий (организационных, финансовых, материальных, информационных и др.) для реализации компетенции. Это одно из составляющих в обеспечении доверия к Уполномоченному граждан и органов публичной власти.

ФКЗ об Уполномоченном закрепляет материальные гарантии для обеспечения деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ. Они включают оплату труда, медицинское, социальное и иное обеспечение и обслуживание лица, замещающего данную государственную должность (п. 1 ст. 40).

В целях организационно-функциональной независимости Уполномоченного по правам человека в РФ, при нем создается рабочий аппарат. Этот структурно обособленный орган осуществляет юридическое, организационное, научно-

[463] Об особенностях юридического лица публичного права см.: Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 125 - 140; Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2009.

аналитическое, информационно-справочное и иное обеспечение деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ (ст. 37 ФКЗ об Уполномоченном). Особенность статуса рабочего аппарата заключается в том, что он является самостоятельным государственным органом, действующем на основе Положения[464]. В соответствии с ч. 3 ст. 37, Уполномоченный и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица. Тем самым обеспечивается независимость Уполномоченного от каких-либо иных публично-властных институций в организационно-функциональном плане.

Деятельность Уполномоченного и его рабочего аппарата финансируется из федерального бюджета целевым образом. Финансирование устанавливается в Федеральном законе о бюджете отдельной строкой. Принципиально важно, что Уполномоченный самостоятельно разрабатывает и исполняет смету расходов (ст. 38 ФКЗ об Уполномоченном). Это позволяет иметь устойчивую финансовую основу для реализации полномочий в рамках компетенции и, в определенном плане, «финансовую независимость».

Кроме финансового обеспечения деятельности Уполномоченного и его рабочего аппарата, ФКЗ об Уполномоченном предусматривает выделение здания (помещений), имущества Уполномоченному и его рабочему аппарату, для осуществления их деятельности (ч. 5 ст. 38 ФКЗ об Уполномоченном). На практике это реализовано путем выделения помещения, оборудования рабочих мест сотрудников рабочего аппарата, обеспечением средствами связи и др.

Уполномоченный в своей деятельности неподотчетен какому-либо органу или должностному лицу (ст. 2). Указание законодателя на «неподотчетность» имеет одно из ключевых значений для статуса Уполномоченного как конституционно самостоятельного субъекта в системе публичной власти Российской Федерации. Ни один из органов или должностных лиц не вправе требовать от Уполномоченного отчета о действиях или информации, которая

---

[464] См.: Распоряжение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 23.10.2017 г. № 93 «Об утверждении Положения о рабочем аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

стала ему известна входе работы с жалобой или иных служебных ситуациях (например, по обращению должностного лица, переписка с зарубежными омбудсменами и т.д.).

Уполномоченный вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по делу в рамках судопроизводства (гражданского, административного, уголовного, об административном правонарушении) об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением им своих обязанностей (ст. 24 ФКЗ об Уполномоченном). Любое, прямое или косвенное, вмешательство в деятельность Уполномоченного либо воспрепятствование его деятельности в какой-либо форме влечет ответственность соответствующего субъекта по действующему законодательству (ст. 36). Так, в Кодексе об административных правонарушениях РФ установлена административная ответственность за воспрепятствование законной деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ (ст. 17.2)[465]; в Уголовном кодексе РФ действует статья за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей (ст. 319)[466].

Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» закрепляет гарантии статуса Уполномоченного, обеспечивающие его независимость. Они выражаются в применении конструкции «правового иммунитета».

Установлен запрет на привлечение Уполномоченного к уголовной или административной ответственности без согласия Государственной Думы. Отметим, что процедура дачи согласия Государственной Думы на лишение Уполномоченного неприкосновенности и соответственно, привлечении его к ответственности (уголовной или административной) изложена весьма обще. Регламент Государственной Думы предусматривает решение данного вопроса в «заседании Государственной Думы» (ст. 158). В Регламенте не указано кто вносит представление в Государственную Думу, срок рассмотрения вопроса, процедура

---

[465] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

[466] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

рассмотрения. Отсутствие указанных положений порождает неопределенности и оставляет данный вопрос исключительно на усмотрение Государственной Думы. Между тем важность вопроса о привлечении Уполномоченного по правам человека к уголовной или административной ответственности («снятие правового иммунитета») требует детального регулирования. Полагаем, урегулирование этого вопроса должно быть осуществлено по аналогии с процедурой лишения неприкосновенности депутата Государственной Думы (глава 24.1.)[467].

Уполномоченный не может быть задержан, арестован, подвергнут обыску, личному досмотру. ФКЗ об Уполномоченном закрепляет неприкосновенность жилища и служебного помещения; неприкосновенность распространяется также на багаж, личный и служебный транспорт, переписку, используемые средства связи, личные и служебные документы (ст. 12). Закон содержит оговорки. Во-первых, допускается задержание Уполномоченного «на месте преступления»; личный досмотр возможен в ситуациях, предусмотренных федеральным законодательством (например, когда это необходимо в целях обеспечения безопасности). Однако, даже в случае задержания Уполномоченного на месте преступления, для осуществления процессуальных действий в отношении него должно быть получено согласие Государственной Думы.

Таким образом, установлен особый правовой режим привлечения Уполномоченного по правам человека в РФ к уголовной и административной ответственности, а также совершение процессуальных действий и процедур в отношении помещений, багажа, транспорта, средств связи, переписки, документов Уполномоченного. Правовой иммунитет Уполномоченного по правам человека в РФ сохраняется в рамках срока полномочий. Предоставление Уполномоченному правового иммунитета обусловлено, с одной стороны, конституционной должностью, с другой – обеспечением независимости деятельности. Гарантии неприкосновенности, установленные ФКЗ об

---

[467] Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://95.173.130.41/duma/about/regulations/chapter-17/ (дата обращения: 30.01.2026 г.).

Уполномоченном, имеют характер публично-правовых и направлены на беспрепятственное исполнение им обязанностей.

ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» закрепляет основания досрочного освобождения от должности Уполномоченного (ст. 13). Установлено несколько оснований досрочного прекращения полномочий. Они отличаются по своей юридической природе и юридико-конструктивным особенностям.

В качестве первого основания определено нарушение положений ст. 11 ФКЗ об Уполномоченном (пп. 1 п. 1). Исходя из содержания ст. 11, в которой закреплены требования и запреты для лица, назначенного на должность Уполномоченного по правам человека в РФ, следует сделать вывод, что данное основание является формой конституционно-правовой ответственности[468]. Оно не связано с нарушением Уполномоченным уголовных, административных запретов или нарушениями в сфере гражданско-правовых отношений; не может быть отнесено к дисциплинарной ответственности. Не соблюдая предписания ст. 11, лицо замещающее должность Уполномоченного, нарушает установленный конституционный порядок и, одновременно подрывает авторитет должности Уполномоченного по правам человека в РФ как независимого субъекта конституционных и иных правовых отношений.

Конституционная ответственность наступает за действие (например, занятие иной оплачиваемой или неоплачиваемой должности) или бездействие (например, сохранение членства в политической партии или ином общественном объединении, преследующем политические цели), за неисполнение иных, указанных в статье запретов, что несовместимо со статусом Уполномоченного, Кроме того, несоблюдение предписаний ст. 11 подрывает доверие

[468] См, например: Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. – М.: Городец, 2000; Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования. – М., 2000; Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. – М.: Изд-во московского университета, 2011.

Государственной Думы лицу, назначенному на должность Уполномоченного[469]. Досрочное освобождение от должности является мерой конституционно-правовой ответственности, а утрата статуса - санкцией. Полагаем, что основание досрочного прекращения полномочий, указанное в пп. 1 п. 1 ст. 11, имеет во многом превентивный характер.

Однако следует отметить, что процедура досрочного прекращения полномочий по вышеуказанному основанию не имеет правовой определенности. Неясно кто устанавливает факт нарушения Уполномоченным положений ст. 11. Какова последовательность и процедура рассмотрения данного вопроса. Регламент Государственной Думы содержит пробел по вопросу процедуры рассмотрения фактов нарушения Уполномоченным запретов и ограничений. В ФКЗ об Уполномоченном закреплено положение, относящееся ко всем основаниям досрочного освобождения от должности, о том, что досрочное освобождение Уполномоченного от должности производится постановлением Государственной Думы. Отсутствие нормативно урегулированной процедуры привлечения Уполномоченного к конституционной ответственности может повлиять на его независимость и правомерность принятия решения Государственной Думы.

Другим основанием досрочного освобождения от должности является вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении Уполномоченного (пп. 2 п. 1. Ст. 13)[470]. Вступивший в законную силу приговор суда является юридическим основанием (абсолютной преюдицией) для признания

---

[469] Высказано мнение, что следует расширить число оснований для применения к Уполномоченному конституционной ответственности, в частности за умышленное нарушение законодательства РФ. Однако в чем это может проявляться, какое конкретно основание не пояснено. Автор оставляет без внимания особенности конституционного статуса и направленность деятельности Уполномоченного, предполагающие высокий уровень конфликтности с субъектами публично-правовых отношений. См.: Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. – М.: Изд-во московского университета, 2011. С. 180 – 181.

[470] Уголовно-процессуальным кодексом РФ установлены особенности производства по уголовному делу в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ (гл. 52). См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

осужденного лица не достойным должности Уполномоченного. Совершение им преступления наносит ущерб авторитету государственной правозащиты.

Третьим основанием, является прекращение полномочий вследствие неспособности по состоянию здоровья или «по иным причинам» в течении не менее четырех месяцев подряд исполнять обязанности. Речь идет о прекращении полномочий в силу неспособности Уполномоченного в течении длительного времени (не менее четырех месяцев) осуществлять деятельность. Утрата «работоспособности» по состоянию здоровья имеет объективный характер. Другое дело, что констатация факта «неспособности по состоянию здоровья» должна быть основана на заключении врачебной комиссии, которая исходит из результатов медицинского обследования Уполномоченного. Введенная в закон категория «по иным причинам» охватывает другие жизненные ситуации, по которым Уполномоченный не в состоянии осуществлять деятельность. По этому основанию не имеет значение причина отсутствия Уполномоченного, важен сам юридический факт, что в течении непрерывного четырех месячного срока он не осуществляет свою деятельность. Следует обратить внимание, что указанное в п. 2 основание имеет аналоги. Например, в отношении Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда РФ[471].

В качестве основания досрочного прекращения полномочий п. 4 закрепляет возможность подачи Уполномоченным заявления о сложении полномочий. Речь идет о волеизъявлении самого Уполномоченного, который в силу различных обстоятельств принимает решение о прекращении деятельности и, соответственно, статуса. Например, по данному основанию досрочно были прекращены полномочия Э.А. Памфиловой[472]. Причиной послужило решение Уполномоченного по правам человека в РФ Эллы Александровны Памфиловой принять предложение Президента РФ о вхождении в состав Центральной

---

[471] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 18) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[472] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 25.03.2016 № 8609-ГД «О досрочном освобождении Памфиловой Эллы Александровны от должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 13. Ст. 1814.

избирательной комиссии РФ. Прекращение статуса Уполномоченного произошло в дату избрания ее Председателем ЦИК Российской Федерации.

По всем указанным в ст. 13 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» основаниям досрочного освобождения от должности решение принимается Государственной Думой в форме постановления (п. 4 ст.1 3).

Таким образом, принцип доверия реализован в статусе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации наиболее полно. Это достигается: посредством норм устанавливающих конституционный статус как независимого субъекта в системе публичной власти и, соответственно, в правоотношениях (конституционно-правовые гарантии); наличием компетенции, организационными, финансовыми, материальными, информационными и другими формами и средствами для ее реализации; не подотчетности и не подконтрольности каким либо органам и должностным лицам; правовым иммунитетом для осуществления полномочий; уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами обеспечения независимости; законодательно установленными основаниями досрочного прекращения деятельности. Вместе с тем, требует дополнительного правового регулирования процедура досрочного прекращения полномочий в рамках конституционной ответственности Уполномоченного, которая может быть закреплена в Регламенте Государственной Думы.

Анализ Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации и Докладов Уполномоченного позволяет выделить следующие основные направления деятельности[473]:

---

[473] В научной литературе сложились различные подходы по классификации полномочий российского федерального Уполномоченного. См., например: Эмих В.В. Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. …канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. С.16 – 17; Зражевская Т.Д., Белоножкин В.И., Колобова Т. Методологические основы организации эффективной деятельности региональных уполномоченных по правам человека в современных условиях: монография. – М.: Проспект, 2020. С.14; Дудко И.Г. Институт уполномоченных по правам человека в России: концептуальные основы и эволюция // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 14.

- Рассмотрение обращений заявителей (граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства);
- Мониторинг и анализ соблюдения прав человека в РФ;
- Информирование органов публичной власти и граждан о соблюдении прав человека в РФ;
- Совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере прав человека;
- Взаимодействие с органами публичной власти, иными органами, должностными лицами, институтами гражданского общества в сфере прав человека;
- Правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

В рамках каждого направления ФКЗ об Уполномоченном установлены конкретные полномочия. Следует отметить, что данным Законом компетенция Уполномоченного не исчерпывается. Отдельными полномочиями он наделяется на основании ряда федеральных конституционных и федеральных законов. Например, ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляет право Уполномоченного обратиться с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод (ст. 96), предусматривает обязанность Суда направлять Уполномоченному по правам человека в РФ постановления и заключения Конституционного Суда РФ (ст. 77)[474]; федеральные конституционные законы о государственном флаге РФ и государственном гербе РФ определяют порядок использования, соответственно, герба и флага в официальной резиденции Уполномоченного и бланках[475]; ФКЗ о референдуме РФ предоставляет Уполномоченному право приглашать иностранных наблюдателей для

[474] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[475] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) «О Государственном флаге Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 52 (Часть I). Ст. 5020; Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 2-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О Государственном гербе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 52 (Часть I). Ст. 5020.

осуществления мониторинга в рамках процедур осуществления референдума (ст. 37)[476]; Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» закрепляет право Уполномоченного без специального разрешения посещать учреждения, исполняющие наказания, включая следственные изоляторы; право беседовать с осужденными и лицами, заключенными под стражу (ст. 38)[477]; ряд процессуальных полномочий установлены ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ[478] и др. федеральных законах. Кроме того, уточнение компетенции Уполномоченного по правам человека в РФ осуществлено в решениях Конституционного Суда РФ[479], а также в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ[480].

Компетенция Уполномоченного реализуется в конституционном, гражданском, арбитражном, уголовном, административном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях[481].

---

[476] Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. N 27. Ст. 2710.

[477] Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316

[478] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г. № 344-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 31.07. 2025 г. № 288-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[479] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.02.2016 № 4-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 4.

[480] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

[481] См., например: Михайлов С.М. Участие уполномоченных по правам человека в административном судопроизводстве по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) наделенных публичными полномочиями органов и лиц, нарушающих права и

Отметим, что при осуществлении полномочий в рамках вышеуказанных направлений деятельности, Уполномоченный по правам человека в РФ активно взаимодействует с органами государственной власти (Президентом РФ, палатами Федерального Собрания, Правительством РФ, судами), с государственными органами, организациями наделенными публичными полномочиями, некоммерческими и коммерческими организациями, научным и экспертным сообществом. Особое взаимодействие, в различных формах, сложилось с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации[482] и, в прежде всего, по рассмотрению жалоб заявителей.

Необходимо подчеркнуть, реализуя полномочия - федеральный Уполномоченный использует различные правовые формы и методы осуществления. Наиболее значительный их «арсенал» применяется в рамках работы с жалобой заявителя (гражданина РФ, иностранного гражданина и лица без гражданства). Это обусловлено необходимостью максимального достижения одной из главных целей деятельности Уполномоченного – восстановление нарушенных прав человека. Формы и методы работы в рамках жалобы заявителя установлены в ряде статей ФКЗ об Уполномоченном (ст. ст. 15 – 31). Достижению цели защиты прав человека подчинены иные полномочия (ст. ст. 32 – 36.2).

Юридическим основанием возникновения двухстороннего процесса, основанного на принципе доверия, между заявителем и Уполномоченным является поданная жалоба.

ФКЗ об Уполномоченном не содержит определения жалобы. Юридическое определение жалобы изложено в Федеральном законе от 2.05.2006 № 59-ФЗ «О

свободы граждан: методические рекомендации : учебно-практическое пособие / С.М. Михайлов. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие / В.П. Верин, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др; под ред. В.П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2006.

[482]См.: Взаимодействие с государственными органами // https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/vzaimodejstvie_s_gosudarstvennymi_organa; Ежегодные Доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady; Экспертный совет при Уполномоченном // https://ombudsmanrf.org/exp_sov (дата обращения: 30.01.2026 г.).

порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Согласно ст. 4 жалобой является соответствующим образом оформленная просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав и свобод либо прав и свобод других лиц[483]. Из определения следует, что жалоба как оформленный соответствующим образом документ содержит просьбу заявителя помочь в восстановлении законного права, т.е. приведение его в состояние, отвечающее требованиям закона или просьбу устранить препятствия в реализации данного права, которые возникли в результате решений или действий (бездействия) органов, организаций, их должностных лиц, которые, по мнению заявителя, нарушают это право. Заявитель вправе обратиться с просьбой о восстановлении или защите нарушенных прав, свобод иного лица (лиц). Содержащееся в Законе № 59 определение жалобы является наиболее общим и распространяется на понимание жалобы, подлежащей рассмотрению Уполномоченным. Следует отметить, что жалоба является одним из видов обращения гражданина. В ст. 4 Закона предусмотрены три вида обращений: предложение, заявление, жалоба.

Действующая Конституция РФ закрепляя право на обращение граждан РФ в государственные органы и органы местного самоуправления предусматривает реализацию данного права как индивидуально, так и коллективом лиц; обращение может быть подано лично, либо направлено субъекту обращения (ст. 33). Исходя из положения ч. 3 ст. 62 Конституции, право на обращение принадлежит иностранным гражданам и лицам без гражданства.

В ФКЗ об Уполномоченном установлены субъекты обращения с жалобой – граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства. Таким образом, закреплено право подачи жалобы любым физическим лицом вне зависимости от наличия российского гражданства или его отсутствия. Данный подход законодателя является наиболее широким и отвечает международным стандартам

[483] Федеральный закон от 2.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Рос. газ. 2006. 5 мая. № 95.

закрепленным Всеобщей декларацией прав человека[484], Международным пактом о гражданских и политических правах[485], Парижскими принципами[486].

Согласно ст. 15 ФКЗ об Уполномоченном жалоба должна быть подана физическим лицом (гражданином РФ, иностранным гражданином или лицом без гражданства) находящимся на территории Российской Федерации. Однако гражданин РФ может временно пребывать или постоянно проживать за пределами Российской Федерации. В силу ст. 61 Конституции гражданам РФ гарантируется защита и покровительство Российского государства даже если они находятся за пределами страны. Следовательно, Уполномоченный вправе и обязан принять жалобу гражданина РФ находящего за пределами Российской Федерации. С позиции ФКЗ об Уполномоченном жалоба должна быть подана на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих Российской Федерации.

В Докладе Уполномоченного за 2024 г. приведены данные по обращениям, в том числе жалобам российских граждан, находящихся за пределами страны (394 обращения)[487]. Тематика обращений различна, включает вопросы социального обслуживания (пенсионное обеспечение), материнства (отцовства) и детства, по уголовным, административных, гражданским делам, жалобы на условия содержания в местах принудительного содержания и др. Из Доклада следует, что граждане РФ подают Уполномоченному жалобы не только на решения или действия (бездействие) органов и должностных лиц публичной власти

---

[484] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 10.12.1948) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

[485] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // ВВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[486] Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы]. Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (Дата обращения: 30.01.2026 г.).

[487] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. С. 438 - 440 // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

Российской Федерации, но и органов страны пребывания, которые относятся к юрисдикции зарубежного государства. В этой ситуации Уполномоченный обращается за содействием в разрешении проблем к омбудсменам зарубежных государств.

Доклады свидетельствуют о том, что к Уполномоченному обращаются иностранные граждане находящиеся в стране гражданства. Жалобы рассматриваются в случае обжалования решений или действий (бездействия) российских государственных органов. Например, гражданка Казахстана обратилась с жалобой на неисполнение судебного решения территориальным органом МВД РФ об отмене решения о запрете ей въезда на территорию Российской Федерации[488].

В Докладах Уполномоченного приведены примеры коллективных жалоб граждан Российской Федерации. Несмотря на то, что ФКЗ об Уполномоченном предписывает работу с жалобами конкретных физических лиц (ст. 15), коллективные обращения являются приемлемыми в силу ст. 33 Конституции РФ. Так, например, к Уполномоченному по правам человека в РФ поступила коллективная жалоба жителей многоквартирного дома на фальсификацию протоколов общих собраний собственников жилых помещений сотрудниками управляющей компании ООО «ПИК-Комфорт». В 2024 г. к Уполномоченному поступило и было оказано содействие в разрешении 16 коллективных жалоб[489].

Кроме того, в практике Уполномоченного встречаются обращения юридических лиц (некоммерческих и коммерческих), которые подаются в интересах конкретных граждан или группы граждан. Например, к Уполномоченному по правам человека в РФ обратился Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», указав на нарушение прав граждан с психическими

---

[488] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

[489] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. С. 180 // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

расстройства здоровья, находящимися в КГБУ «Эльбанский психоневрологический интернат»[490].

Таким образом, наряду с жалобами физических лиц (граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства), сформировалась практика принятия Уполномоченным коллективных жалоб, а также обращений юридических лиц на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, иных субъектов правоотношений.

ФКЗ об Уполномоченном устанавливает формальные требования к жалобе (ст. 16, 17).

Во-первых, жалоба может быть подана на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих Российской Федерации. Уполномоченный не рассматривает жалобы: на решения законодательных органов государственной власти (федерального и регионального уровней) и представительных органов местного самоуправления; на нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, на предмет конституционности; на конституции (уставы) законы и подзаконные нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ, по вопросам конституционности; на решения Конституционного Суда РФ и окончательные акты Верховного Суда РФ[491]. Вместе с тем, могут быть обжалованы решения или действия органов, наделенных публичными полномочиями[492]. Во-вторых, жалоба является приемлемой, если заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в административном или судебном порядке. В-третьих, жалоба должна быть подана

---

[490] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 327 - 328 // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

[491] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

[492] См., подробнее: Дудко И.Г. Проблемы защиты прав граждан от неправомерных решений или действий (бездействия) организаций, наделенных публичными полномочиями // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 3. С. 75 - 83.

Уполномоченному не позднее истечения года со дня нарушения прав (свобод) заявителя или с того дня, когда обратившемуся стало известно о их нарушении.

Жалоба должна содержать персональные данные заявителя (фамилию, имя, отчество, почтовый адрес или адрес электронной почты); конкретные факты свидетельствующие о нарушении его права (свободы). К жалобе должны прилагаться документы и материалы, подтверждающие обоснованность жалобы, а также документы, свидетельствующие о административном или судебном порядке обжалования решения или действия (бездействие) органа публичной власти, должностного лица, органа наделенного публичными полномочиями. Закон определяет обязательный перечень данных заявителя, указывает на необходимость приложения материалов и документов и вводит пресекательный срок для подачи жалобы.

ФКЗ об Уполномоченном не устанавливает конкретной формы жалобы. На практике это может быть письменная форма, электронное обращение, устная, посредством телефонного звонка. В Докладе Уполномоченного по правам человека за 2024 год указано на увеличение числа обращений, поданных через интернет-приемную (около 50 %); 20 % поступают в письменном виде; остальные жалобы поступают в ходе личных приемов Уполномоченного и сотрудников рабочего аппарата[493].

В процедуре подачи жалобы заявителем и действиях Уполномоченного по правам человека в РФ по ее рассмотрению и, в случае принятия, по восстановлению (защите) права, всецело реализуется принцип доверия. Это выражается в отношениях, возникающих между заявителем и Уполномоченным, который использует установленные законодательством правовые средства для восстановления (защиты) нарушенного права (ст. ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30).

Принцип доверия реализуется в двустороннем процессе между заявителем и Уполномоченным по правам человека в РФ, образуя сложную юридическую

---

[493] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. С. 36 // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

конструкцию. Данная конструкция обусловлена, с одной стороны, формальными требованиями к жалобе, с другой, правомочиями федерального Уполномоченного по рассмотрению и принятию решения по жалобе.

Заявитель (гражданин РФ, иностранный гражданин, лицо без гражданства) обращаясь к Уполномоченному по правам человека в РФ с жалобой доверяет ему как конституционному должностному лицу, который, по мнению заявителя, способен помочь в ситуации с нарушением права. Заявитель доверяет Уполномоченному: во-первых, в силу его статуса как независимого и неподчиненного каким-либо органам и должностным лицам; во-вторых, исходя из правовых возможностей (полномочий) Уполномоченного для разрешения проблемы; в третьих, полагаем немаловажным – исходя из авторитета лица замещающего должность Уполномоченного; в-четвертых, в связи с открытостью информации о его деятельности.

Обращаясь с жалобой к Уполномоченному по правам человека в РФ, заявитель, полагая что его право нарушено, исходит из объективной, непредвзятой позиции Уполномоченного, предполагая получить защиту нарушенного права. Доверие заявителя основано на уверенности в компетентности, беспристрастности Уполномоченного, а также обеспечения им конфиденциальности сообщаемой информации.

Уполномоченный исходит из презумпции добросовестности заявителя (гражданина РФ, иностранного гражданина, лица без гражданства). Вместе с тем, Уполномоченный обязан проверить жалобу с позиции допустимости, как отвечающую по формальным признакам требованиям ФКЗ об Уполномоченном (ст. ст. 15, 16, 17), а изложенные в ней факты с позиции объективности. В случае принятия жалобы к рассмотрению, Уполномоченный вправе и обязан использовать предоставленный ему законодательством «правовой инструментарий» для разрешения ситуации по существу, способствовать восстановлению права. Нередко Уполномоченный выступает «медиатором» между заявителем и органом публичной власти. Деятельность Уполномоченного направлена, в том числе, на разъяснение должностному лицу позиции

гражданина, а гражданину – о полномочиях государственного (муниципального) органа. Подход может заключаться в стремлении найти взаимоприемлемое решение проблемы, а не обострение конфликта, что укрепляет социальную составляющую доверия. При этом Уполномоченный исходит из позиции гуманизма и решения проблемы на основе принципа справедливости.

Развитию принципа доверия в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации способствует следующее.

Во-первых, расширение состава субъектов, которые в праве обратиться к Уполномоченному в защиту граждан либо за помощью иного плана. Таковыми на практике признаны - лица замещающие государственные должности (сенаторы Совета Федерации, депутаты Государственной думы), юридические лица (некоммерческие и коммерческие), граждане РФ в интересах иных лиц.

Во-вторых, работа Уполномоченного не только с жалобами, но и иными видами обращений, в частности с предложениями и заявлениями. В Докладах Уполномоченного содержатся статистика и конкретные примеры обращений граждан Российской Федерации, которые - на основе конкретных примеров, вносят предложения по изменению нормативного регулирования, правоприменительной практики; просят помочь в разрешении конкретной ситуации (например, в получении жилья детям – сиротам, по проблеме социализации детей-инвалидов, о сохранении социальной связи осужденной женщины со своим ребенком и др.)[494]. Особенность данного вида обращений состоит в том, что они не подпадают под понятие жалоба. По содержанию это предложение или заявление, в котором гражданин, вносит предложения либо просит оказать содействие в реализации его прав или прав других лиц. Такого рода обращения могут содержать критическую оценку действий государственных органов или органов местного самоуправления.

[494] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. С. 230 - 236 // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

В-третьих, открытостью информации о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Ежегодные доклады о деятельности по правам человека содержат обстоятельный анализ ситуации по соблюдению прав человека, результаты работы Уполномоченного с обращениями, в том числе с жалобами граждан, выявление, на основе комплексного мониторинга и результатов общественного мнения, системных проблем в деятельности конкретных государственных органов, а также предложения по совершенствованию законодательства.

Доклады направляются Президенту РФ, в Совет Федерации, Государственную Думу, Правительству РФ, в Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Генеральному прокурору РФ и Председателю Следственного комитета РФ. Они не являются формой отчета о деятельности Уполномоченного, а представляют собой результаты мониторинга соблюдения и защиты прав граждан в России, «проблемных зон» в этой сфере, указание на выявленные проблемы в деятельности различных органов публичной власти[495].

В Докладах содержатся конкретные рекомендации по разрешению проблем, адресованные правотворческим и правоприменительным органам. Кроме того, Уполномоченный направляет в Государственную Думу специальные доклады по соблюдению прав отдельных категорий граждан (например, инвалидов, молодежи, женщин имеющих малолетних детей и т.д.), по проблемам соблюдения и защиты прав (трудовых, социальных, в сфере образования и др.)[496]. На практике специальные доклады направляются в Правительство РФ. Важно подчеркнуть, что в докладах Уполномоченного по правам человека в РФ содержатся конкретные рекомендации органам законодательной и исполнительной власти. По итогам рассмотрения докладов на пленарных заседаниях Государственной Думы и Совета Федерации принимаются

---

[495] Ежегодные Доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

[496] Тематические (специальные) доклады Уполномоченного по правам человека в РФ // https://ombudsmanrf.org/documents/tematicheskie_specialnye_doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

постановления содержащие конкретные поручения соответствующим комитетам палат парламента[497].

Годовой доклад Уполномоченного по правам человека в РФ должен обсуждаться не формально, а в режиме открытых парламентских слушаний с прямыми трансляциями и возможностью задать вопросы. Публичные доклады уполномоченного имеют силу только в том случае если ему доверяют, когда его доклад вызывает общественный резонанс.

Открытость статистики безусловно делает проделанную работу Уполномоченным по правам человека более весомой и заслуживающей доверия. Особенно информация о количестве поступивших обращений и количестве реально восстановленных прав граждан. Однако количество жалоб может лишь косвенно свидетельствовать о том на сколько высоко доверие Уполномоченному. И все же, чем больше людей доверяют институту, тем больше сигналов он получает о системных проблемах.

Важными направлениями деятельности Уполномоченного являются правовое просвещение граждан и оказание бесплатной юридической помощи. Значимой частью его деятельности является развитие международного сотрудничества в области прав человека. Именно на Уполномоченного возлагается обязанность по совершенствованию действующего российского законодательства в части приведения его в соответствие с международными стандартами (ч. 3. ст. 1 ФКЗ об Уполномоченном) [498].

Принцип доверия это один из фундаментальных принципов современного правового государства, и его связь с институтом уполномоченного по правам человека является глубокой и многоаспектной. Отметим, что без доверия со

---

[497] Например, постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 7.06.2023 № 295-СФ «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.05.2023 № 397-ГД «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс».

[498] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями на 2023 г.) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

стороны граждан институт уполномоченного способен превратиться в фиктивную структуру.

Глава 4. Осуществление принципа доверия в институтах гражданского общества России. Зарубежный опыт реализации правового доверия

4.1. Реализация принципа доверия в организации и деятельности общественных объединений

Конституционную основу организации и деятельности общественных объединений составляют нормы Конституции Российской Федерации, закрепляющие конституционные принципы и положения - политического многообразия и многопартийности (ч. 3 ст. 13), равенства общественных объединений перед законом (ч. 4 ст. 13), запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых носят антиконституционный характер (ч. 5 ст. 13), необходимость соблюдения объединениями граждан Конституции РФ и законов (ч. 2 ст. 15); право граждан на объединение, а также на свободу деятельности общественных объединений (ч. 1 ст. 30), гарантируя свободу волеизъявления по созданию, вступлению, участию и выходу из объединения, запрещая принуждать к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ч. 2 ст. 30).

Базовыми для этой сферы отношений являются Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82 «Об общественных объединениях»[499] (далее – ФЗ № 82) и Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7 «О некоммерческих организациях»[500] (далее – ФЗ № 7), а также иные федеральные законы, нормы гражданского[501],

---

[499] Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ.1995. N 21. Ст. 1930;

[500] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ.1996. N 3. Ст. 145.

[501] Так, в соответствии со статьей 65.1 ГК РФ, юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 настоящего Кодекса, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями). К ним относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации. В связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом. В соответствии с

трудового, уголовного и административного законодательства. Федеральный законодатель весьма подробно регулирует вопросы в сфере совместной компетенции, не оставляя субъектам Российской Федерации возможности для правового регулирования (например, в отношении создания региональных общественных объединений, необходимого количества структурных подразделений в административных территориальных единицах субъекта РФ).[502]

Создание общественного объединения (в узком, легальном понимании[503]) подразумевает объединение людей, форму самоорганизации на основе общих целей и индивидуальных интересов, для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей. В основе создания объединений может быть также публично-правовой интерес, а сама деятельность взаимосвязана с управлением общественными и даже публичными делами. Среди основных функций общественных объединений могут быть названы социализация граждан, их интеграция в гражданское общество, формирование позиции по социальным, политическим и иным вопросам, представительство интересов участников общественного объединения перед государством и другими социальными институтами, участие в формировании органов государственной власти и местного самоуправления.

Государство привлекает общественные объединения, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по

Конституцией РФ гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации (ст. 71). Соответственно регулирование гражданско-правовых отношений, включая корпоративное право, осуществляется на федеральном уровне.

[502] См.: Лапаева В.В. Законодательство об общественных объединениях: правовая концепция разграничения полномочий федерации и субъектов // Законодательство и экономика, 2002. № 10. С. 8 – 19.

[503] Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (ст. 5 ФЗ Федерального закона от 19.05.1995 N 82-ФЗ «Об общественных объединениях»). Однако Конституционный Суд широко толкует понятие «объединение граждан», не ограничивая его общественными объединениями граждан. В Постановлении от 24 октября 1996 г. Конституционный Суд приравнял юридические лица к объединениям граждан, правомочных подавать конституционную жалобу. В другом Постановлении от 29 марта 2011 г. Конституционный Суд рассматривает муниципальное образование в качестве объединения граждан.

сохранению и укреплению традиционных ценностей[504]. Существенно важно участие объединений граждан в реализации социальной политики государства, благотворительности и социальной поддержки граждан. Объединения являются значимым субъектом сотрудничества с государством в противодействии экстремизму[505]. Поэтому микропроцессы, происходящие в общественных объединениях, формируют основу устойчивого развития социальной ответственности общества и его институтов[506].

Привлекательность декларируемых целей, отражающих ценности организации, позволяет объединять единомышленников и вовлекать новых участников, действующих добровольно и по собственной инициативе. Создание и функционирование общественных объединений позволяет гражданам достигать частных целей (сфера личных отношений и духовной ответственности) и одновременно публичных. В целом достижение общественно значимых целей и конкретных показателей предполагает регулирование государством общественных отношений, с одной стороны, стимулирующих правомерное поведение, а с другой стороны, предусматривающих механизм реагирования, если нарушен баланс отношений между государством, обществом и личностью в случае возникновения угрозы государственной и общественной безопасности. На это направлены законодательно закрепленные принципы создания и деятельности общественных объединений, положения о взаимодействии с государством, а также пределы корпоративного регулирования.

---

[504] См. пп. «д» п. 26 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. N 809. Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

[505] См. цели и принципы деятельности экстремистской деятельности в статьях 1-2 Федерального закона от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. N 30. Ст. 3031.

[506] Общественные коллективы являются своеобразной «песочницей» для оценки деятельности их лидеров, успешности командообразования и проверки на доверие: как во внутренних отношениях, так и во внешнем взаимодействии с субъектами, для формирования платформы социального сотрудничества.

Объединения граждан создаются на основе общности интересов для реализации общих целей[507]. При этом способы достижения целей объединения не должны противоречить основам конституционного строя России. Внутри его организационной структуры в отношениях учредителей, членов и участников[508] общественного объединения, важно создание атмосферы доверия как основы социального взаимодействия. То есть важны не только конкретные результаты, показатели их деятельности, но и сам процесс их достижения. Стремление к мирному, доброжелательному общению внутри коллектива является залогом обеспечения устойчивого сбалансированного механизма его эффективной деятельности, формирования единства («командного», «корпоративного», «семейного»). В сфере деятельности некоммерческих организаций, доверие внутри коллектива складывается из трех компонентов: 1) доверие к личности руководителя; 2) доверие членов организации друг к другу; 3) доверие к организации как безличной системе, к ее внутренним процессам. В идеальной ситуации эти процессы должны быть справедливы, прозрачны, достаточно понятно регламентированы[509].

Для объединения граждан значимо не только содержание, но и форма взаимодействия[510]. На этапе создания общественного объединения его учредителями важно единство их мировоззрения, создание атмосферы доверия. Доверие важно между руководителем, управляющими органами, участниками, а

---

[507] Общественные объединения являются результатом реализации конституционного права каждого на объединение (ст. 30). В научной литературе раскрывается содержание данного конституционного права через субъективные правомочия: создавать объединение; вступать в объединение; пребывать (участвовать) в объединении; свободно выходить из объединения. См.: Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики. – СПб.: Изд –во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 19.

[508] Участниками общественного объединения являются физические лица и юридические лица - общественные объединения, выразившие поддержку целям данного объединения и (или) его конкретным акциям, принимающие участие в его деятельности без обязательного оформления условий своего участия, если иное не предусмотрено уставом. Участники общественного объединения - физические и юридические лица - имеют равные права и несут равные обязанности.

[509] Подробнее см.: Управление НКО: ставка на доверие. Советы руководителю. – СПб, 2008. С.4.

[510] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

также партнерами, с которыми планируется осуществлять взаимодействие. Каждый субъект общественного управления, занимающий должность в управляющих органах, в своих словах и поступках призван являться образцом соответствия декларируемых целей, чтобы не потерять оказанное ему доверие, которое выражено по средством специальных процедур (выдвижение, избрание). В этой связи создание коллегиальных органов управления в общественном объединении должно соблюдать некую меру достаточности: не должно быть ни единоначалия (одного харизматичного лидера с авторитарным стилем управления), ни излишней массовости (множества активных руководителей), но качественное взаимодействие адекватного числа руководящих органов и их состава на основе единства мировоззрения и декларируемых ценностей.

Уверенность в справедливости созданной в общественном объединении системы управления укрепляет возможность участия широкого круга лиц на всех этапах достижения целей: 1) в принятии решений его членами, участниками, например, в общих собраниях, голосованиях по принципиальным вопросам, при принятии внутренних актов; 2) в обсуждении и разработке «дорожной карты»; 3) в выработке управленческих решений, организации взаимодействия, официального оформления, в том числе заключения соглашений с «внешними» партнерами; 4) на функциональном этапе, в процессе взаимодействия, выявления проблем и определения способов их решения; 5) на этапе контроля исполнения принятых решений 6) освещении результатов деятельности в средствах массовой информации.

Единой методики организации корпоративной культуры в организации и деятельности общественных объединений не существует. Разработка и соблюдение внутренних локальных актов, процедур реализации установленных задач, соблюдения дисциплины участников и добровольцев зависит от изначальных целей учредителей, а также (не) участия в реализации государственных полномочий. В этой связи условно могут быть выделены три модели реализации принципа доверия во внутриуправленческих отношениях

объединений граждан, исходя из наличия у них гарантий независимости, степени вмешательства или автономности деятельности организации.

Высокая степень доверия характерна для объединений граждан, инициатива создания которых сформирована «снизу», с массовым участием, без фиксируемого членства, учредителями являются физические лица («пассионарии», энтузиасты, добровольно и преимущественно бескорыстно участвующие в деятельности объединения). Для этого вида объединений характерны социально ориентированные, не политизированные, не коммерческие цели, а, следовательно, минимум финансовой зависимости от учредителей или иных благотворителей. К подобным объединениям, имеющим гарантированные государством особенности правового статуса, могут быть отнесены также профсоюзы[511].

Среднюю степень доверия во внутриуправленческих отношениях будут иметь объединения, созданные «под конкретный заказ» каким-либо спонсором или группой лиц (с целью лоббирования интересов в органах публичной власти, получения крупным бизнесом коммерческой выгоды в стратегической перспективе и т.п.). Для них в большей степени характерно наличие членства, учредителями могут быть и юридические лица. К подобным объединениям могут быть отнесены союзы и ассоциации, объединения работодателей, политические партии и др. Межличностные и внешние отношения во многом будут представлять аналог соответственно трудовых отношений и отношений с контрольно-надзорными органами.

Не высокая степень доверия и обратно пропорциональная ей необходимость детальной правовой регламентации с целью минимизировать риски злоупотребления доверием, - характерна для объединений, образованных «сверху» для осуществления отдельных публичных функций, делегированных государственных полномочий. Корпоративные отношения в них во многом будут иметь сходство с отношениями на государственной службе, более жесткой

[511] См. Федеральный закон от 12.01.1996 N 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. N 3 Ст. 148.

дисциплиной сотрудников, регламентом деятельности и проводимых мероприятий. Такие объединения выступают особой формой решения государством масштабных общественных вопросов социального, культурного, экономического и иного характера[512]. К ним могут быть отнесены, например, казачьи общества, народные дружины, спортивные федерации, общественные академии наук.[513] Достижение государственных задач подразумевает стимулирование и поддержку деятельности отдельных общественных объединений путем не только предоставления налоговых и иных льгот, преимуществ, государственных грантов, субсидий, но и наделение их отдельными государственными полномочиями, когда общественные объединения являются партнерами государства в формировании правового социального государства. В отдельных случаях руководители общественных объединений могут замещать государственные должности[514]. Однако обеспечение их полномочий

[512]Специфика регулирования деятельности общественно-государственных и государственно-общественных объединений состоит в том, что их создание и деятельность, состав и компетенция органов управления регулируются не общими нормами Гражданского кодекса РФ, Федеральных законов «О некоммерческих организациях» и «Об общественных объединениях» (за исключением ст. 51), а нормативным правовым актом, принятым в связи с его созданием. См.: Митин Г.Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 2. С. 18 - 21.

[513] В качестве самостоятельного вида общественных объединений, наделенных дополнительными правами по осуществлению общественного контроля, выступают общественные объединения потребителей в соответствии со ст. 45 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей». За молодежными и детскими объединениями закрепляются правомочия по подготовке и направлению докладов Президенту и Правительству Российской Федерации о положении детей и молодежи, участию в обсуждении соответствующих вопросов на уровне уполномоченных федеральных органов власти и представлению предложений по совершенствованию законодательства и государственной политики в данной сфере на основании Федерального закона от 28 июня 1995 г. N 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // СЗ РФ. 199. N 27. Ст. 2503. Аналогичным образом к подготовке, обсуждению и принятию решений, затрагивающих интересы инвалидов, в обязательном порядке привлекаются представители общественных объединений инвалидов согласно ст. 33 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // 1995. N 48. Ст. 4563.

[514] Например, Председатель Правления Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи. См.: Указ Президента РФ от 14.11.2024 N 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от

осуществляется не государственными служащими, а управленческими структурами общественного объединения.

Реализация принципа доверия в организации и деятельности общественных объединений осуществляется в определенных формах. Прежде всего принцип доверия получает отражение в уставе общественного объединения. Именно устав, будучи основным локальным актом, закрепляет цели, принципы, задачи и направления деятельности объединения. Устав представляет собой некую «конституцию доверия», устанавливающую механизм реализации этого принципа и декларирование ценностных установок, привлекательных для его участников и сторонников. В соответствии положениями федеральных законов «Об общественных объединениях» (ст. 20) и «О некоммерческих организациях» (ст. 14) в уставе должны содержаться ряд обязательных положений[515]. Учредители и руководство общественных объединений, устанавливающие правила взаимодействия (своеобразные «законодатели»/ «регуляторы» общественных отношений внутри созданного ими коллектива, интерпретаторы принципа доверия) несут дополнительную духовно-нравственную ответственность перед людьми, которые доверились им, поверив в их искренность, честность, и отсутствие двойных стандартов.

Важным для учредителей на этапе создания и формирования коллектива единомышленников является поиск баланса, некоей меры в регулировании общественных отношений локальными актами, направленными на формирование в общественных отношениях доверия и справедливости, иных ценностных

14.07.2022 N 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» // СЗ РФ. 2022. N 29 (часть II). Ст. 5228..

[515] В том числе предмет и цели деятельности общественного объединения (его декларируемая миссия, своеобразная программа действий), состав, порядок формирования, компетенция, срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений, в том числе по вопросам, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов; порядок вступления (принятия) членов (участников) в состав общественного объединения и выхода из него, права и обязанности (в том числе имущественные) членов (участников) общественного объединения (только для общественного объединения, предусматривающего членство).

ориентиров внутри деятельности общественного объединения[516]. В этой связи внутренняя организация общественных объединений, формирование и поддержание ее корпоративной, организационной культуры осуществляются на основе принципа доверия, посредством использования различных правовых конструкций.

Регламентация принципов деятельности общественных объединений в уставе не является обязательной, поскольку действуют общие положения статьи 15 ФЗ № 82, закрепляющие принципы создания и деятельности общественного объединения[517]. Однако не исключается закрепление в уставе иных принципов, например, принципа демократичности принятия решений. Решения в общественном объединении принимаются по широкому кругу вопросов. Может быть установлено принятие решений членами объединения квалифицированным большинством голосов (2/3, 3/4) или единогласно для снижения рисков злоупотреблений органами управления. Вполне соответствующим природе общественных объединений являлось бы закрепление в уставе принципа доверия. Объединяясь граждане доверяют друг другу посредством консолидированной реализации интереса для достижения общностной цели. Процедуры создания, разработки внутренних документов, формирование руководящих органов, выбор и осуществление форм деятельности основаны на взаимном доверии.

Согласно статьи 3 ФЗ № 82, граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также право

---

[516] При этом органы коллегиального управления должны обладать административным потенциалом, который формирует стабильность общественного объединения, является залогом установления доверительных отношений к различным субъектам отношений: граждан между собой (социальные отношения внутри организации, а также нормы, регулирующие отношения участников объединения к материальным объектам, используемым в их деятельности), между иными общественными объединениями, с коммерческими организациями, спонсорами, а также с органами публичной власти ради достижения целей и решения задач объединения.

[517] Деятельность общественных объединений основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности. Общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности. Деятельность общественных объединений должна быть гласной, а информация об их учредительных и программных документах - общедоступной.

вступать в такие общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов. В отличие от Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях», Федеральный закон «Об общественных объединениях» не всегда четко и последовательно различает «участников» и «членов» общественных объединений[518]. Однако закрепляет, что учредители, члены и участники общественного объединения в соответствии со статьями 6, 14 имеют равные права и обязанности, а также несут ответственность. При этом только для членов общественных объединений закреплено право избирать и быть избранными в руководящие и контрольно-ревизионный органы данного объединения, а также контролировать деятельность руководящих органов общественного объединения в соответствии с его уставом. Членство предусматривается только в общественных организациях (ст. 8)[519]. Остальные организационно-правовые формы общественных объединений (общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности) не предусматривают членства, а только участие[520].

Устав общественного объединения должен предусматривать, в том числе, порядок вступления (принятия) членов в состав общественного объединения (п. 5 ст. 20 ФЗ № 82). Следовательно, за нарушение устава и иных внутренних установлений исключить члена можно только в общественной организации. В иных видах общественных объединений возможно только принятие внутренних

---

[518] Орлов А.В. Достоинства, недостатки, ошибки и неурегулированные вопросы федерального закона «Об общественных объединениях» // Юрист. 2000. N 6. См. СПС «Консультант Плюс».

[519] В соответствии со ст. 6 ФЗ № 82, членами общественного объединения являются физические лица и юридические лица - общественные объединения, чья заинтересованность в совместном решении задач данного объединения в соответствии с нормами его устава оформляется соответствующими индивидуальными заявлениями или документами, позволяющими учитывать количество членов общественного объединения в целях обеспечения их равноправия как членов данного объединения. Члены общественного объединения - физические и юридические лица - имеют равные права и несут равные обязанности.

[520] Участниками общественного объединения являются физические лица и юридические лица - общественные объединения, выразившие поддержку целям данного объединения и (или) его конкретным акциям, принимающие участие в его деятельности без обязательного оформления условий своего участия, если иное не предусмотрено уставом.

механизмов не допуска участников и добровольцев[521] (не являющихся работниками по трудовому договору) к информации, ресурсам и фактической деятельности объединений. Баланс между доверием и дисциплиной участников и добровольцев устанавливается руководящими органами общественного объединения при широком обсуждении заинтересованных лиц, используя различные механизмы «внутренней демократии».

Устав общественного объединения должен предусматривать структуру общественного объединения[522], при этом каждая организационно-правовая форма общественного объединения предусматривает свой орган управления[523], основной функцией которого является обеспечение соблюдения некоммерческой организацией целей, в интересах которых она была создана и решение наиболее значимых вопросов (ст. 29 ФЗ № 7)[524]. Создание выборного коллегиального

---

[521] Добровольцы (волонтеры) - физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, или в иных общественно полезных целях. В статье 17.1. закреплены права и обязанности добровольца (волонтера) См. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»// СЗ РФ.1995. N 33. Ст. 3340. Для участников и добровольцев тем не менее необходимо предоставление сведений о себе, персональных данных, а также иные способы фиксации (документального согласия, заключения гражданско-правового или иного договора) участия в деятельности объединения. Это может служить доказательством в случае необходимости привлечения лица к юридической ответственности (например, в случае причинения ущерба имуществу организации или благополучателей, разграничения административной ответственности физического и юридического лица и т.д.).

[522] Состав, порядок формирования, компетенцию и срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений; права общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений) по управлению имуществом (ст. 20 ФЗ № 82, ст. 28 ФЗ № 7). Так высшими органами управления некоммерческими организациями в соответствии с их учредительными документами являются общее собрание членов (для ассоциации и союза).

[523] Например, высшим руководящим органом общественной организации и общественного движения является съезд (конференция) или общее собрание; постоянно действующим руководящим органом общественной организации является выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду (конференции) или общему собранию; в них образуется единоличный исполнительный орган, а в случаях, предусмотренных законом или уставом, - коллегиальный исполнительный орган (ст. 8, ст. 9 ФЗ № 82).

[524] Определение приоритетных направлений деятельности некоммерческой организации, принципов формирования и использования ее имущества; изменение устава некоммерческой организации; определение порядка приема в состав учредителей (участников, членов) некоммерческой организации и исключения из состава ее учредителей (участников, членов), за исключением случаев, если такой порядок определен федеральными законами; образование

органа, подотчетного съезду (конференции[525]) или общему собранию в качестве постоянно действующего руководящего органа предусмотрено для общественной организации (ст. 8 ФЗ № 82), общественного движения (ст. 9), возможность его создания закреплена для общественных учреждений (ст. 11)[526], а также общественного фонда (ст. 10)[527]. Периодичность проведения конференций (съездов, общих собраний) устанавливается самостоятельно (например, 1 год, 4 года, 5 лет)[528]. Соблюдение объединением установленных им самим норм является для него обязательным[529].

органов некоммерческой организации и досрочное прекращение их полномочий; утверждение годового отчета и бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческой организации, если уставом некоммерческой организации в соответствии с федеральными законами это не отнесено к компетенции иных коллегиальных органов некоммерческой организации; принятие решений о создании некоммерческой организацией других юридических лиц, об участии некоммерческой организации в других юридических лицах, о создании филиалов и об открытии представительств некоммерческой организации; принятие решений о реорганизации и ликвидации некоммерческой организации (за исключением фонда), о назначении ликвидационной комиссии (ликвидатора) и об утверждении ликвидационного баланса; утверждение аудиторской организации или индивидуального аудитора некоммерческой организации.

[525] Конференция представляет собой двухступенчатую форму внутрикорпоративной демократии: на первом этапе осуществляются выборы делегатов конференции, а на втором - реализация делегированных представительских полномочий в рамках конференции. Использование такой формы целесообразно в крупных региональных отделениях общероссийских объединений, где проведение общих собраний сопряжено со значительными организационными и финансовыми трудностями.

[526] В соответствии с учредительными документами в общественном учреждении может создаваться коллегиальный орган, избираемый участниками, не являющимися учредителями данного учреждения и потребителями его услуг. Указанный орган может определять содержание деятельности общественного учреждения, иметь право совещательного голоса при учредителе (учредителях), но не вправе распоряжаться имуществом общественного учреждения, если иное не установлено учредителем (учредителями).

[527] Руководящий орган общественного фонда формируется его учредителями и (или) участниками либо решением учредителей общественного фонда, принятым в виде рекомендаций или персональных назначений, либо путем избрания участниками на съезде (конференции) или общем собрании

[528] См., например: п. 1 ст. 7 Устава Общероссийской общественной спортивной организации «Национальная федерация бадминтона России» (принят Учредительной конференцией 27 сентября 1998 г.); п. 3, п. 10 Устава Общероссийской общественной организации «Федерация гребного спорта России»; п. 1 ст. 7 Устава Общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» // СПС «Гарант».

[529] Как отмечается в Обзоре типичных нарушений обязательных требований, выявленных при осуществлении контрольных (надзорных) функций Минюста России в отношении общественных объединений, одним из самых распространенных нарушений в деятельности общественных объединений является несоблюдение норм собственных уставов: нарушается периодичность проведения заседаний органов управления и контрольно-ревизионных органов

Исполнительный орган некоммерческой организации может быть коллегиальным и (или) единоличным. Изучение организационной структуры общественных объединений показывает, что объем и содержание полномочий единоличных руководителей этих объединений в значительной степени отличается. Они могут быть дифференцированы по следующим организационно-правовым блокам: представительские (во взаимоотношениях с органами власти, общественными организациями, СМИ и другими структурами), управленческо-кадровые (руководство аппаратом, подбор и расстановка кадров на ключевые руководящие должности), финансово-материальные (распоряжение финансовыми активами и имуществом, визирование документов). Он осуществляет текущее руководство и подотчетен высшему органу управления некоммерческой организацией. К его полномочиям относится решение всех вопросов, которые не составляют исключительную компетенцию других органов управления, определенную федеральными законами и учредительными документами некоммерческой организации (ст. 30 ФЗ № 7)[530].

Анализ уставов, например, спортивных организаций в аспекте изучения внутрикорпоративного разграничения управленческих полномочий позволяет выявить различные сложноустроенные модели организации руководящих органов[531]. Согласно первой модели высший орган (конференция, съезд, общее

общественного объединения; своевременно не формируются органы общественного объединения; органами управления общественного объединения рассматриваются вопросы, не входящие в их компетенцию. См.: https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/obzor-tipichnyh-narushenij/. (дата обращения: 14.09.2025).

[530] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

[531] Например: Устав Общероссийской общественной организации «Федерация велосипедного спорта России»: принят учредительным съездом 12 июля 2002 г., Устав Общероссийской общественной организации «Федерация парашютного спорта России»: принят учредительным съездом 3 марта 1991 г.; Устав Общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное общество «Спортивная Россия»: утвержден учредительным съездом 26 июля 2002 г.; Устав Общероссийской общественной организации «Федерация дзюдо России»: утвержден Всероссийской конференцией Федерации дзюдо РСФСР 19 октября 1991 г., Устав Ассоциации «Профессиональная футбольная лига»: утвержден Общим собранием ПФР 17 ноября 1995 г.; Устав Региональной общественной организации «Федерация тенниса Московской области»: утвержден на Учредительном собрании Региональной общественной организации «Федерация тенниса Московской области» 1 ноября 2006 г.; Устав Общероссийской общественной организации «Федерация гребного спорта России»: принят на

собрание) избирает постоянно действующий коллегиальный управленческий орган. К компетенции указанных органов относится решение как стратегических (долгосрочных), так и оперативных организационно-управленческих вопросов. Уставы многих организаций предусматривают создание в рамках руководящих органов также и рабочих органов (президиум совета, бюро, правление), обеспечивающих в перерывах между заседаниями текущую деятельность объединения и принимающих решение по неотложным вопросам. Разнообразие построения организационно-исполнительных структур (как коллегиального, так и единоличного характера) свидетельствует и о значительном разнообразии реализуемых ими полномочий. При всех различиях в статусе и порядке формирования данных структур их объединяет то, что они фактически являются исполнительными структурами не самого объединения, а его руководящих органов.

В основу второй организационной модели положено структурно-функциональное разделение избираемых на конференции (съезде, общем собрании) и формально не находящихся в отношениях субординации руководящих органов[532]. Разделение полномочий, соответственно, вызывает и функциональную дифференциацию между указанными руководящими органами. Мотивами, побуждающими к такому разделению, могут быть как технико-управленческая невозможность чрезмерной концентрации полномочий органа, так и субъективный фактор. Особенно четко это прослеживается в тех объединениях, организационная структура которых является многоотраслевой, включающей множество ассоциированных субъектов, зачастую с противоположными интересами. В состав постоянно действующих органов управления могут включаться ответственный секретарь (Федерация тенниса

Учредительной конференции 26 декабря 1999 г.; Устав общественной организации «Санкт-Петербургское физкультурно-спортивное общество «Университетское»: утвержден Постановлением конференции 13 апреля 2005 г.; Устав Общероссийской общественной организации «Федерация хоккея России»: принят Учредительной конференцией 15 октября 1991 г..

[532] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

России и др.), генеральный секретарь (Федерация спортивной борьбы России и др.). В целом выполнение возлагаемых на них функций носит организационно-подготовительный, инструктивный характер. Однако в ряде случаев эти технические функции сочетаются с такими, как подбор кадров и осуществление контроля за выполнением руководящими органами управленческих решений, то есть носящими императивные содержательные составляющие[533].

Неотъемлемым элементом общественного объединения является аппарат, осуществляющий его текущую оперативную деятельность. Делегирование полномочий работникам аппарата, освобожденным руководящим работникам, а также иным участникам (членам) общественного объединения показывает, что работникам (участникам) доверяют осуществление определенной деятельности от имени объединения. Структура объединения может включать не только органы управления, но рабочие группы (временные площадки для решения отдельных задач), экспертные советы, которые могут координироваться сотрудниками аппарата и формироваться не только из числа участников, но и из числа экспертов и иных приглашенных лиц.

Если работа общественного объединения в значительной степени обеспечивается добровольцами (волонтерами), не имеющими постоянных связей с организацией, вопрос доверия становится необходимым условием существования организации. С целью осуществления функции внутренней обратной связи руководство общественных объединений использует различные демократические процедуры: регулярные опросы, обсуждения, которые помогают выявить проблемы и повысить общую эффективность деятельности. Для объединений, цели деятельности которых не предполагают излишнюю регламентацию и формализованное осуществление полномочий, то есть изначально ориентированные на «высокую степень доверия», излишняя бюрократизация деятельности участников, добровольцев (волонтеров) может

---

[533] Подробнее см.: Братановский С.Н., Вулах М.Г., Майстровой В.В. Организационная структура и органы управления общественных спортивных объединений. // Спорт: экономика, право, управление. 2013. N 1. С. 26 - 33.

привести к «подрыву» неформального доверия и кризису в отношениях. В отличие от трудовых отношений, участие в деятельности общественного объединения добровольцев свободно, от ухода их может удержать только искренняя заинтересованность, благородная идея, возможность причастности к выполнению совместной миссии, а также доверительная комфортная атмосфера внутри коллектива единомышленников.

Снижать риски недоверия позволяет прозрачность деятельность организаций, непосредственный контакт с руководителем, в том числе открытость информации об имеющихся проблемах, первоочередных и стратегических задачах, процедуре обсуждения и принятия решений об основных направлениях деятельности, целях и задачах, формах и методах деятельности, финансовой отчетности и иных внутренних процессах. С развитием «электронной демократии» и возможностей цифровой коммуникации взаимодействие между участниками способно повысить степень доверия и их качественное взаимодействие.

Важным механизмом осуществления принципа доверия, защитой от злоупотреблений руководящих органов и аппарата является создание системы контроля. Она включает в себя создание контрольно-ревизионного органа[534], попечительского совета[535], наблюдательного совета[536]. Осуществление функции внутрикорпоративного контроля является делом эффективного

---

[534] См.: ст. ст. 6, 18, 21 Федерального закона «Об общественных объединениях».

[535] Попечительский совет фонда является органом, который осуществляет своего рода надзор за деятельностью фонда, принятием органами фонда решений и обеспечением их исполнения, использованием средств фонда, соблюдением фондом законодательства. Попечительский совет фонда осуществляет свою деятельность на общественных началах. Порядок формирования и деятельности попечительского совета фонда определяется уставом фонда, утвержденным его учредителями. Уставом фонда, имеющего статус международного фонда, может быть предусмотрено создание иных органов фонда. Наличие попечительского совета международного фонда не является обязательным. См. ст. 7 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

[536] Федеральным законом, предусматривающим создание государственной корпорации или государственной компании, должно быть предусмотрено формирование совета директоров или наблюдательного совета государственной корпорации. Наблюдательный совет может быть также в автономном учреждении. (ст. 7.1, 7.2, 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях»).

функционирования объединения и сохранности его финансовых и материальных ресурсов.

Правовое доверие в общественных объединениях обеспечивается исполнением функции контроля. Уставы всех общественных объединений предусматривают создание ревизионной комиссии, наделяя ее участников фактически одинаковым объемом полномочий. Они осуществляют, как правило, ежегодные плановые проверки по собственной инициативе, либо по поручению руководящих органов, о результатах которых, наряду с отчетом об исполнении бюджета, докладывают на общем собрании. Члены контрольно-ревизионных органов (ревизионных комиссий) вправе требовать от должностных лиц объединения все необходимые для их работы документы и личные объяснения (члены контрольно-ревизионной комиссии не могут быть одновременно членами руководящих органов, а также занимать какую-либо должность в его аппарате). Председатели контрольно-ревизионных комиссий действуют в соответствии с положением о контрольно-ревизионных комиссиях и отчитываются о своей деятельности высшему руководящему органу общественного объединения. В необходимых случаях контрольно-ревизионные комиссии могут привлекать к своей деятельности сторонних специалистов и экспертов[537].

Прозрачность деятельности попечительского и (или) наблюдательного совета обеспечивает контроль соответствия деятельности декларируемым целям и осуществления заявленной миссии, а также доверие благотворителей. Корпоративное право и общественные объединения традиционно связываются с уровнем свободы в государстве, а также степенью защищенности общества от посягательств со стороны государства на его интересы[538], гарантированного определенного уровня саморегуляции. Однако включение в их составе

[537] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

[538] Шеломенцев В.Н. Соотношение корпоративного права и общественных объединений. // Конституционное и муниципальное право. 2005. N 8. См.: СПС «Консультант Плюс».

«стейкхолдеров»[539], преследующих различные интересы в управлении объединением, способно усилить недоверие своим избыточным контролем и дезорганизовать атмосферу управления. Ефимов А.В.[540] выделяет две основные модели, предполагающих учет интересов стейкхолдеров на уровне органов управления: 1) модель управления, в рамках которой стейкхолдеры непосредственно включаются в управление юридическим лицом на уровне его органов управления; 2) модель управления, в рамках которой стейкхолдеры не входят в состав органов управления, но их интересы учитываются при принятии решений лицами, входящими в состав органов управления юридического лица. В этой связи целесообразно в локальных актах более детально закреплять полномочия попечительского и наблюдательного совета в качестве коллегиальных совещательных органов, без предоставления права давать указания отдельным его членам или органам управления (за исключением созданных с государственным участием)[541]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что система внутреннего контроля (формы и процедуры) деятельности общественного объединения является основой доверия внутри ее участников. Законодательство предусматривает возможность отчетности только в отношении общественной организации[542] и общественного движения[543]. Однако

---

[539] Лица, заинтересованные в деятельности юридического лица, в самом общем смысле называются "стейкхолдеры" (от англ. stakeholder). При этом главными, или по крайней мере первичными, стейкхолдерами являются учредители (участники, акционеры), благодаря которым происходит формирование имущественной основы для осуществления экономической деятельности. См.: Black's Law Dictionary. 9th ed / Ed. by B.A. Garner. Thomson Reuters, 2009. P. 1534.

[540] Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. Москва: Проспект, 2024. 376 с. // СПС «КонсультантПлюс».

[541] Участие государства в деятельности общественного объединения влечет необходимость более тщательного контроля за целевым использованием переданного государственного имущества, выполнением поставленных государством задач, в том числе переданных полномочий. В этом случае связи может быть создан наблюдательный (контрольный) орган, включающий представителей органов публичной власти.

[542] В общественной организации образуется единоличный исполнительный орган, а в случаях, предусмотренных законом или уставом, в общественной организации образуется коллегиальный исполнительный орган. Уставом общественной организации может быть предусмотрено, что утверждение годового отчета и бухгалтерской (финансовой) отчетности общественной организации, принятие решений о создании общественной организацией других юридических лиц, об участии общественной организации в других юридических лицах, о

статья 29 ФЗ № 7 к исключительной компетенции высшего органа управления некоммерческой организацией относит, в том числе утверждение годового отчета и бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Реализация принципа доверия выражается в прозрачности деятельности общественного объединения, готовности документально подтвердить эффективность работы. В этой связи для учредителей и иных заинтересованных лиц (членов, участников) важна информация о деятельности объединения, в том числе об объеме денежных средств и иного имущества, полученных от иностранных источников, по актуальным формам, установленным законодательством[544]. По мере развития активности общественного объединения возрастает необходимость представления информации о деятельности объединения, не только учредителям, членам, участникам, но и заинтересованным сторонам. В последние годы на региональном уровне стали проводиться конкурсы годовых отчетов некоммерческих организаций[545]. Подобные конкурсы являются дополнительной возможностью для самопрезентации объединений, улучшения их имиджа и деловой репутации, а также информирования о проделанной за год работе. Доверие к общественным объединениям со стороны

создании филиалов и об открытии представительств общественной организации, утверждение аудиторской организации или индивидуального аудитора общественной организации, образование и досрочное прекращение полномочий единоличного исполнительного органа относятся к компетенции постоянно действующего коллегиального руководящего органа общественной организации. См. ст. 8 ФЗ «Об общественных объединениях».

[543] В общественном движении образуется единоличный исполнительный орган, а в случаях, предусмотренных законом или уставом, в общественном движении образуется коллегиальный исполнительный орган. Уставом общественного движения может быть предусмотрено, что утверждение годового отчета и бухгалтерской (финансовой) отчетности общественного движения, принятие решений о создании общественным движением других юридических лиц, об участии общественного движения в других юридических лицах, о создании филиалов и об открытии представительств общественного движения, утверждение аудиторской организации или индивидуального аудитора общественного движения, образование и досрочное прекращение полномочий единоличного исполнительного органа относятся к компетенции постоянно действующего коллегиального руководящего органа общественного движения. См. ст. 9 ФЗ «Об общественных объединениях».

[544] См. Приказ Минюста России от 30.09.2021 N 185 «О формах и сроках предоставления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций» // СПС «Консультант Плюс».

[545] См. Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст / Сборник материалов. СПб. 2010. С. 15 - 23.

внешней среды (партнеров, благотворителей, иных институтов гражданского общества и органов публичной власти) в последние годы стало очень актуальной темой[546].

Федеральный законодатель не обязывает, но и не запрещает принятие общественными объединениями своих внутренних установлений в локальных актах, в том числе кодексов этики, которые имеют моральное значение, не являясь правовым актом и не имея юридической силы[547]. В качестве примера такого документа может служить Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации[548]. Для общественных объединений важен определенный алгоритм разработки кодекса этики, как локального акта объединения. Прежде всего, он должен отвечать целям и задачам объединения и сфере его деятельности. В этом документе может быть закреплена область деятельности, совокупность задач и функций, выполняемых работниками (участниками, добровольцами), некие минимальные стандарты, регламенты и требования (по аналогии с областью профессиональной служебной деятельности и

---

[546] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

[547] Как отмечает Грудцына Л.Ю., кодекс этики призван помочь членам определенного профессионального сообщества определить единые нормы социальной и моральной ответственности, а также эффективнее решать возникающие в своей отрасли проблемы. Обычно при создании кодекса этики предполагается, что те, для кого он создается, будут его исполнять и чтить. Никакой уголовной или административной ответственности члены объединения за несоблюдение правил не несут. В качестве наказания практикуются не денежные штрафы, а исключение из организации. См.: Грудцына Л.Ю. Кодекс этики членов Общественной палаты России // Адвокат. 2007. N 8. СПС «КонсультантПлюс».

[548] Впервые Кодекс этики членов Общественной палаты был принят на втором пленарном заседании Палаты 14 апреля 2006 г. Цель, а также порядок подготовки и принятия Кодекса этики членов Общественной палаты подробно разъяснены в главе 8 Регламента Общественной палаты. Действующая редакция Кодекса этики от 8 декабря 2022 года N 6. предусматривающий, что ее члены при осуществлении возложенных полномочий должны исходить из честного, разумного, добросовестного исполнения своих обязанностей, относиться к коллегам в духе уважения, доверия и сотрудничества (п. 7.5.), проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами (п. 7.9). Член Общественной палаты РФ при осуществлении возложенных на него полномочий не должен допускать личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении им своих обязанностей, избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету Общественной палаты РФ (п.п.8.1-8.2). См.: https://files.oprf.ru/storage/corruption/kodeks-etiki-oprf.pdf (дата обращения: 30.01.2026 г.).

квалификационных требований), чтобы не подорвать доверие и соблюдение принципа справедливости; кодекс не должен содержать внутренне противоречивые установления. Процесс разработки кодекса и его обсуждения должен быть непрерывным и открытым для заинтересованных субъектов (членов, участников). Эта работа может вестись несколькими заинтересованными группами, в том числе с использованием цифровых платформ для совместной выработки итогового текста, выносимого для широкого обсуждения и утверждения.

Для реализации принципа доверия в общественном объединении существенное значение имеют неформальные традиции, не обязательно закрепленные в официальных документах, но являющиеся частью корпоративной культуры. Это связано с тем, что в некоммерческих организациях неформальные отношения важнее официальных. Постоянное и надежное взаимодействие вызывает кумулятивный эффект, который приводит к последовательному наращиванию потенциала доверия. Особенность первичных (контактных) коллективов, занимающих в общей иерархии самый нижний уровень, заключается в том, что именно здесь возникают устойчивые, стабильные повседневные личные контакты между людьми. Доверие на межличностном уровне активизирует коммуникацию и взаимодействие, снижает риск, мобилизует активность сторон, повышает эффективность реализации проектов за счет реализации с позитивной эмоциональной составляющей.

Неформальные мероприятия (например, тренинги, участие в спортивных соревнованиях и т.п.), ритуалы (совместные обеды, праздники и т.п.), проявляющиеся в деталях повседневной жизни, «внутренние чаты» для общения участников, формируют общую среду и влияют на поведение сотрудников, являются частью корпоративной культуры общественного объединения. Под ней можно понимать определенную внутреннюю атмосферу, социальный климат, которые улучшают коммуникацию между сотрудниками и укрепляют командный дух. Формирование позитивного психологического климата коллектива,

традиций, коллективного мнения развивают атмосферу доверия, которая является важной основой деятельности общественного объединения.

Организация неформального общения помогает в выполнении воспитательной функции участников и добровольцев общественного объединения, выявления будущих управленческих кадров, в том числе их косвенного воспитания (морального, эмоционального, волевого и др.). Принцип механизма социального научения состоит в том, что окружающие усваивают различные формы социального поведения через фиксацию эталонов поведения, манеры общения авторитетных личностей, копируя и подражая им. Опыт общения участников общественного объединения, как в профессиональных, так и в неформальных отношениях, формирует соответствующую репутацию (положительную/отрицательную).

Длительное общение и социальный контроль позволяют оценивать личность на основе поведения, достижениях и манере общения: как в кризисных, так и в благоприятных условиях (оценивать на искренность доверия или умелую социальную мимикрию). Положительная репутация позволяет сформировать доверие к отдельным активным членам, лидерам общественного объединения, которые становятся неформальными авторитетами, достойными уважения своих сторонников и, как следствие, доверия ко всей организации. Именно поэтому понятие «репутация» в русском языке используется наряду с такими словами, как «честь», «достоинство» и другими близкими по значению[549], исходя из убежденности в добропорядочности, верности, ответственности, честности, правдивости. Работа в общественном объединении формирует навыки достижения поставленных задач, основываясь не на формальной должности и наделенные полномочия, а на своем авторитете и имеющейся репутации, в том числе проявляя человеческие качества.

---

[549] «Репутация» – это понятие, представляющее как результат, так и процесс складывающегося мнения, процесс принятия решений по поводу оценки, даваемой субъекту или объекту оценки, на основании его достоинств и/или недостатков, выявленных при анализе деятельности этого субъекта. См. Крюкова Ю.Е. Репутация: этимология понятия и поиск социально-философских оснований анализа. К постановке проблемы // Пространство и время. 2015. № 3. С. 134-136.

Лидеры общественного объединения, в том числе неформальные авторитеты, наиболее полно раскрываются вне рабочих процессов, транслируя подсознательные реакции и свидетельствующие о своих реальных, а не мнимых ценностях. Вокруг каждого лидера формируется своеобразное эмоциональное поле, отражающее его внутренний мир, как в служебных, так и в личных взаимоотношениях, проявляющее стиль руководства и отношение к людям.

Эффективное осуществление внутреннего контроля, соблюдение локальных актов общественного объединения и этических норм, а также соблюдение законодательства снижает необходимость внешнего государственного контроля (надзора)[550] за деятельностью некоммерческого сектора. Можно сказать, что степень государственного контроля (надзора) обратно пропорциональна доверию деятельности общественного объединения со стороны органов публичной власти. Вместе с тем, степень доверия зависит от особенностей гражданско-правового и административно-правового статуса объединения (является ли оно юридическим лицом, признано ли социально ориентированной организацией, иностранным агентом или имеет иные характеристики[551]).

Нормативно-правовая формализация недоверия государства к гражданам и их объединениям осуществляется на основе законодательства. Она должна иметь ясные основания и «прозрачные» процедуры. Отказ в доверии должен быть основан на юридически значимых фактических обстоятельствах[552]. Конституционный Суд РФ указал, что законодатель, исходя из равенства

---

[550] О разграничении понятий государственного контроля и надзора см. Зубарев С.М. Система контроля в сфере государственного управления. – М: Норма: ИНФРА-М, 2019. 152 с.

[551] Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового. Иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 Федерального закона от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. N 29 (часть II). Ст. 5222.

[552] См.: Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых: Монография / Под общ. ред. профессора С.А. АВАКЬЯНА. – М.: Юстицинформ, 2015. С. 283 – 304.

общественных объединений перед законом, права каждого на объединение, гарантии свободы деятельности общественных объединений, вправе регулировать условия, порядок создания и деятельности общественных объединений, а также их государственной регистрации[553].

Первым юридическим фактом, свидетельствующем об установлении формальных отношений общественных объединений с государством, является государственная регистрация. Она является обязательной при приобретении общественным объединением статуса юридического лица (ст. 21 ФЗ № 82). В качестве оснований для отказа (ст. 23) могут быть, например, наименование оскорбляющее нравственность, национальные и религиозные чувства граждан, содержание недостоверной информации в представленных документах, а также противоречия законодательству Российской Федерации. В дальнейшем Минюст России осуществляет государственный контроль (надзор)[554] за соответствием деятельности общественных объединений и их структурных подразделений, в том числе по расходованию денежных средств и использованию иного имущества, их уставным целям (ст. 38). Надзор за соблюдением законов общественными объединениями осуществляет также прокуратура Российской Федерации[555].

Государство регулирует параметры государственного контроля (надзора), которые должны учитывать в своей деятельности общественные объединения. Представляется, что если его деятельность не связана с публичной сферой, не имеет государственного участия или делегирования полномочий, организация не

---

[553] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 N 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[554] Приказ Минюста России от 30.12.2021 N 274 «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 11.07.2012 N 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

[555] Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

получает меры государственной поддержки, не финансируется из иностранных источников, то внешний контроль может быть избыточным. В этой связи следует предусмотреть категории риска противоречия национальным интересам Российской Федерации, основам публичного правопорядка Российской Федерации, иным ценностям, защищаемым Конституцией Российской Федерации – по аналогии с категориями риска причинения вреда (ущерба) и индикаторы риска нарушения обязательных требований в отношении субъектов предпринимательской деятельности, предусмотренными статьей 23 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[556].

От руководства объединения зависит контроль за деятельностью его участников и добровольцев, чтобы она не противоречила национальным интересам Российской Федерации, основам публичного правопорядка и иным ценностям, защищаемым Конституцией РФ[557]. Особенное внимание участникам объединений и их руководящим органам необходимо обращать на установленные законом формы деятельности, представляющие для организации особые риски утраты доверия[558]. В этой связи важно закреплять в локальных актах положения,

---

[556] Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

[557] Даже если это деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан, защиты человеческой жизни, семьи, материнства, отцовства и детства, традиционных семейных ценностей, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность.

[558] К ним относятся: 1) участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений; 2) участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме, в наблюдении за проведением выборов, референдума, формировании избирательных комиссий, комиссий референдума, в деятельности политических партий; 3) публичные обращения к органам публичной власти, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов и лиц, в том числе направленные на принятие, изменение, отмену законов или иных нормативных правовых актов; 4) распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых органами публичной власти решениях и проводимой ими политике; 5)

которые бы ориентировали членов или добровольцев разделять свои социальные роли: когда их деятельность (личная, общественная) отождествляется с позицией общественного объединения (выступают или действуют от его имени), либо они делают это самостоятельно, не представляя интересы объединения. Но даже в этом случае, действия участников объединения не должны существенно расходиться с позицией общественного объединения либо способны подорвать его авторитет.

В ст. 41 ФЗ № 82 закреплено, что общественные объединения, в том числе не обладающие правами юридического лица, в случае нарушения законодательства Российской Федерации несут установленную ответственность. В общественных объединениях, не обладающими правами юридического лица, ответственность за правонарушения несут лица, входящие в состав руководящих органов этих объединений (при совершении деяний, наказуемых в уголовном порядке). Эти лица при доказательстве их вины за организацию указанных деяний могут по решению суда нести ответственность как руководители преступных сообществ; другие члены и участники таких объединений несут ответственность за те преступные деяния, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Общие требования гражданского законодательства (ст. 53.1 ГК РФ) закрепляют, что лицо, которое в силу законных оснований уполномочено выступать от его имени (п. 3 ст. 53), обязано возместить убытки, причиненные по его вине. Это лицо несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно[559].

формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований; 6) вовлечение несовершеннолетних в политическую деятельность; 7) финансирование запрещенной законом деятельности. См.: ст. 4 Федерального закона от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. N 29 (часть II). Ст. 5222.

[559] В том числе, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Ответственность несут также члены коллегиальных органов юридического лица, за исключением тех из них, кто

За причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребление доверием предусмотрена административная (ст. 7.27.1 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 165 УК РФ). Кроме того, за злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, предусмотрена уголовная ответственность по статьям 201 и 201.1 УК РФ. Однако ни в правовой доктрине, ни в следственно-судебной практике не сложилось единого понимания в вопросе соотношения указанных составов[560].

Итак, общественные объединения представляют собой формы реализации конституционного права граждан на объединение, на основе общности интересов для достижения публично значимых целей. Создание и функционирование общественных объединений позволяет гражданам достигать частных целей (сфера личных отношений и духовной ответственности) и одновременно публичных. В целом достижение общественно значимых целей и конкретных показателей предполагает регулирование государством общественных отношений, с одной стороны, стимулирующих правомерное поведение, а с другой, предусматривающих механизм реагирования при нарушении баланса отношений между государством, обществом и личностью, особенно в случае возникновения угрозы государственной и общественной безопасности[561].

Анализ практики общественных объединений, их локальных актов, свидетельствует о реализации принципа доверия на всех этапах организации и деятельности объединений. Правовое доверие выражено в процедурах принятия решений, устава и иных локальных актов (включая кодекс этики), формирования органов, разработки «дорожной карты» объединения, в процессе взаимодействия участников, выявления проблем и определения способов их решения, в контроле за исполнением принятых решений. Правовое доверие является неотъемлемым

голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании.

[560] Креховец А.В., Никифорова А.А. К вопросу об отграничении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) // Российский следователь. 2021. N 2. С. 43 - 46.

[561] Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

составляющим общественного объединения наряду с доверием как части корпоративной культуры.

Важной составляющей правового статуса общественных объединений являются принципы деятельности. Будучи основой надлежащего механизма реализации статуса конкретного общественного объединения, они предопределяют внутренние отношения членов (участников) объединения, воздействуют на правовой и социально-психологический компоненты их взаимодействия. В связи с этим предлагается принципы создания и функционирования общественных объединений дополнить принципом доверия, изменив статью 15 Федерального закона «Об общественных объединениях». Включение принципа доверия в положение указанного Закона являлось бы выражением сложившейся практики его реализации.

4.2. Принцип доверия в «цифровой среде».

Стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы общественных отношений, которое характеризуется как цифровизация, а также происходящая на основе такого внедрения цифровая трансформация создает серьезные вызовы как для базовых теоретико-правовых подходов к регулированию общественных отношений, так и для непосредственных механизмов правового регулирования, инструментов и средств, используемых в внутригосударственном (конституционном, административном, информационном, гражданском) и международном праве.

В условиях цифровизации и цифровой трансформации одной из ключевых новых характеристик общественных отношений становится их реализация в цифровой среде – особом информационном (виртуальном или цифровом) пространстве, что, соответственно, необходимо учитывать и при рассмотрении реализации принципа доверия и обеспечения доверия как элемента правопорядка.

Современные тенденции развития общественных отношений в цифровой среде характеризуются рядом вызовов, напрямую связанных с обеспечением доверия. К их числу следует отнести:

- усиление контроля за личностью со стороны как государства и его органов, так и цифровых платформ и иных информационных систем, что вновь делает актуальным решение вопроса об обеспечении баланса между свободой и безопасностью;

- развитие цифрового неравенства, основанного как на информационной асимметрии между участниками общественных отношений (государство и цифровые платформы с одной стороны, человек – с другой), так и различным уровнем доступа к цифровой среде в зависимости от территории, уровня цифровой грамотности, возраста субъектов и т.п.;

- значительный рост правонарушений и преступлений в цифровой среде, развитие их видов и форм в условиях «запаздывающей» реакции со стороны государства, его законодательных и правоохранительных органов;

- зависимость личности от решений, в том числе юридически значимых, которые принимаются либо соответствующими системами искусственного интеллекта, либо на основе рекомендаций их алгоритмов.

Адекватный ответ на указанные вызовы в рамках правового регулирования соответствующих общественных отношений возможен только на основе понимания правовой природы доверия, в том числе в цифровой среде, особенностей функционирования правовых инструментов и механизмов, его обеспечивающих. Доверие как правовой феномен может быть рассмотрено в различных смыслах, и как принцип правового регулирования, отражающий целевую направленность самого нормотворчества и, в большей мере, реализации права (включая правоприменение), и как элемент целевого состояния правовых отношений – правопорядка, в том числе основанного на доверии субъектов правоотношений.

Данное обстоятельство очень важно и для понимания текущего состояния и перспектив реализации принципа доверия и обеспечения доверия как элемента правопорядка в цифровой среде. В условиях цифровизации и основанной на ней цифровой трансформации всех сфер человеческой жизнедеятельности (начиная от

обычного межличностного общения заканчивая предоставлением услуг) доверие изменяется и приобретает новое измерение.

В первую очередь это выражается в том, что сама среда становится значимым элементов коммуникации между субъектами общественных отношений. Если раньше доверие формировалось в процессе личного контакта, основывалось на репутации, то в цифровой среде оно становится опосредованным, приобретает некий алгоритмический характер и требует целенаправленного конструирования.

Данные характеристики требуют отдельного рассмотрения. Если содержание опосредованного доверия было раскрыто и в до-цифровую эпоху – опосредованность подразумевает наличие посредника, третьей стороны коммуникации, - то есть еще одного участника правоотношений, то алгоритмический характер нуждается в самостоятельном рассмотрении.

Алгоритмических характер коммуникаций, в том числе в рамках правоотношений, т.е. правовых коммуникаций (связей) между субъектами отражает суть модернизации доверия в современных реалиях, а именно то, что доверие оказывается не людям и даже не цифровым платформам в целом, а математическим моделям и алгоритмам (чья работа непрозрачна для пользователя). Что касается целенаправленного конструирования, то оно напрямую связано со стихийностью и естественным характером возникновения доверия при личном взаимодействии, а в виртуальном пространстве доверие необходимо сознательно внедрять и поддерживать (например, через обеспечение принципов безопасности и конфиденциальности изначально).

Процесс цифровой трансформации в современную эпоху предопределяет изменение основ социального, экономического и политического взаимодействия. Переход государственных услуг, финансовых операций, коммуникаций и даже гражданских активностей в цифровое пространство порождает новую реальность, где традиционные общественные отношения опосредуются сложными технологическими системами, включая системы искусственного интеллекта. Однако главным условием устойчивости существования электронного

правительства (а шире - цифрового государства в целом), цифровой экономики (трансформирующейся в экономику данных) и любой иной формы онлайн взаимодействия выступает доверие. Без него все в новой цифровой реальности не будет иметь значения, превратится в совокупность непрактичных технологических решений. Таким образом, доверие является фундаментальным принципом, на котором строится информационное (в том числе цифровое) общество.

В отличие от частноправовых отношений, где доверие возникает между относительно равными субъектами, в публично-правовой сфере оно имеет ассиметричный характер, поскольку граждане делегируют государству властные полномочия, ожидая компетентного и добросовестного их использования. Институциональное доверие в публичной сфере объективируется через систему правовых принципов и механизмов, которые обеспечивают надежность действий государства. Одним из таких принципов является принцип верховенства права. Как отмечает В.В. Войников, нарушение данного принципа может привести к негативному отношению к идеи межгосударственного доверия как в общественном сознании, так и на политическом уровне[562]. Из указанного принципа вытекает один из самых важный и значимых видов доверия – доверие к государству. Реализация доверия имеет сложную структуру и выражается, во-первых, в доверии к правовой системе (уверенность граждан в справедливости, стабильности и обоснованности правовых норм); во-вторых, доверие к конкретным органам власти, должностным лицам; в-третьих, доверие к институтам, ответственным за создание и применение права. Как указывает Д.Г. Макаренко «без доверия общества носителям власти невозможно ожидать эффективности от социально-политических и правовых преобразований»[563].

---

[562] Войников В. В. Принцип взаимного доверия в праве и политике ЕС //Современная Европа. – 2021. – №. 6. – С. 144-154.

[563] Макаренко Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. – 2021. – №. 2 (39). – С. 21-26.

В аналитических материалах Конституционного Суда РФ принцип доверия трактуется как принцип доверия к закону и действиям публичной власти[564]. Именно эти конституционно-правовые аспекты принципа доверия имеют ключевое значение для развития правового регулирования цифровой среды. Нарушение данного принципа при формировании регулирования, в том числе недостаточное обеспечение прав личности в информационном пространстве подрывает доверие граждан не просто к конкретным формам цифрового взаимодействия, а к взаимодействию и цифровому пространству, цифровой трансформации в целом.

Таким образом, доверие будучи имманентным свойством права, является фундаментом как общего правового регулирования, так и цифрового доверия в рамках концепции цифрового государства. Особенности акселерации процесса цифровизации трансформируют категорию доверия в комплексное понятие «цифровое доверие». В таком контексте доверие эволюционирует в сложный, многоуровневый конструкт. Само цифровое доверие сравнительно недавно стало объектом научных исследований, однако с данными понятием используются и другие, например, программа «Цифровая экономика РФ» содержит в себе понятие «цифровая среда доверия», но подразумевает под собой в большинстве случаев именно правовое регулирование, формирование новой регуляторной среды, которая будет обеспечивать благоприятную среду для создания и развития цифровых технологий. Отметим, в научной литературе практически отсутствует теоретический анализ цифрового доверия.

Понятие «цифровое доверие» (англ. - digital trust), а также понятие цифровой среды доверия (англ. - the digital trust environment) является производным от классических социологических и политологических концепций доверия, однако обладает специфической онтологией, обусловленной средой его

---

[564] Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»

проявления. Стоит обратиться к концепции доверия и власти Н. Лумана[565] в которой он выделял системное доверие, которое подразумевало доверие в обществе вообще и являлось обобщенной характеристикой более абстрактных, анонимных отношений. Такие отношения имеют сходства в отношениях, возникающими в цифровой среде. Кроме того Луман выделял и межличностное доверие, которое строиться через эмоциональную связь между индивидами, через взаимное двустороннее отношение. Можно предположить, что цифровое доверие сохраняет в себе черты и системного доверия, так как пользователь должен полагаться на сложные, непрозрачные технологические системы, с другой стороны, цифровое доверие может персонифицироваться через интерфейсы и цифровые профили.

Анализ работ ряда зарубежных исследователей в области кибербезопасности, организационного поведения и управления данными позволяет синтезировать широко используемое в литературе понимание цифрового доверия как комплексного понятия[566]. Оно описывает совокупность поведенческих установок, культурных норм и технологических практик, на которых строятся ожидания субъектов цифровой среды в отношении конфиденциальности, безопасности, защиты и ответственного управления данными[567]. Е.Д. Воронкова определяет цифровое доверие как «инфраструктуру общественных отношений, которая обеспечивает идентификацию и аутентификацию субъектов и объектов, конфиденциальность и безопасность данных, а также высокий уровень охраны и защиты прав субъектов цифровых отношений»[568]. В работах А.И. Химченко сделан акцент на понимании рассматриваемого феномена как структурного элемента цифровизации

---

[565] Luhmann N. Trust and Power / Ed. by M. King, C. Morgner; Transl. by H. Davis, J. Raffan, K. Rooney. – Cambridge : John Wiley and Sons Inc., 2018. – 224 p.

[566] The State of Cybersecurity and Digital Trust 2016.Identifying Cybersecurity Gaps Rethink State of the Art URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-22/accenture-data-ethics-pov-web.pdf (дата обращения: 12.12.2024 г.).

[567] Там же.

[568] Ворникова Е. Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – №. 6. – С. 251-257.

государства[569] и его взаимосвязи с информационным суверенитетом[570], поскольку территориальный подход к определению юрисдикции в отношении объектов информационной инфраструктуры является преобладающим в настоящее время. Акцент на определенной совокупности информационных ресурсов, при взаимодействии с которыми, а также друг с другом обеспечивается информационная безопасность, добросовестность и равенство субъектов соответствующих отношений, сделан в работе П.П. Кабытова и В.И. Кузнецова[571]. Терещенко Л.К. указывает на ключевое значение формирования единой среды цифрового доверия как условия для формирования цифровой экономики[572]. Е.А. Орехова в своей работе указывает на концептуальный характер цифрового доверия, в основе которого лежит уверенность в надежности всех ключевых сторон цифрового взаимодействия: пользователей, процессов, которые они осуществляют, используемых устройств, лежащих в основе технологий[573]. Выделены ряд иных ключевых аспектов цифрового доверия[574].

Первым и фундаментальным компонентом цифрового доверия является технологическая «уверенность» в безопасности, конфиденциальности и целостности данных в цифровых системах. Это аспект подразумевает наличие надежных технических механизмов защиты информации, такие как протоколы шифрования, системы аутентификации и авторизации, также различные средства защиты от несанкционированного доступа и киберугроз. Технологическая надежность цифровых инфраструктур является базисом для формирования

---

[569] Химченко А. И. Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – №. 3 (69). – С. 159-164.

[570] Химченко А. И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2022. – №. 4 (92). – С. 83-91.

[571] Кузнецов В. И., Кабытов П. П. Теоретические подходы к категории» цифровая среда доверия» // Юридические исследования. – 2021. – №. 2. – С. 64-74.

[572] Терещенко Л. К. Единая цифровая среда доверия как условие формирования цифровой экономики // Информационное право. – 2020. – №. 4. – С. 12-15.

[573] Орехова Е. А. Цифровое доверие как фактор развития в условиях турбулентности //Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2020. – №. 3 (82). – С. 24-27.

[574] Стырин Е. М., Рыбушкина Я. А., Санина А. Г. Цифровое доверие как ключевой фактор в формировании датацентричного государственного управления // Государство и граждане в электронной среде. 2024. № 7. С. 14.

цифрового доверия, поскольку обеспечивается физические гарантии сохранности и конфиденциальности передаваемых и хранимых данных. Соответственно отсутствие безопасности при использовании цифровых технологий будет восприниматься пользователями как прямая угроза их приватности и иным законным интересам.

Второй компонент цифрового доверия связан с психологическими особенностями восприятия человеком технологических изменений. Данный аспект вырежется в сопротивлении граждан новым технологиям, непринятием непривычных условий использования цифровых систем и настороженности к технологическим инновациям. Этот компонент вытекает из первого. Он строится на первоначальном недоверии к технологиям и инновациям, что исходит от естественного консерватизма человека и страхе перед неизвестностью. Однако, преодолеть данные психологические барьеры возможно с помощью тщательной работы в сфере технической надежности и повышении цифровой грамотности граждан, обеспечения постепенной адаптации к новым технологически реалиям.

Третьим важным компонентом цифрового доверия является наличие четкой и предсказуемой нормативно-правовой базы, устанавливающей правила взаимодействия в цифровом пространстве, а также соответствующей правоприменительной практики. Данный аспект является фундаментальным для построения основы цифрового доверия посредством определения прав и обязанностей участников цифровых отношений, установления механизмов защиты нарушенных прав. Ключевым фактором доверия к цифровым системам, как было указано выше, являются гарантии конфиденциальности и безопасности личной информации, и именно правовое регулирование в области защиты персональных данных будет иметь особое значение для выстраивания доверительных отношений в цифровом государстве.

Отсутствие либо недостаточное развитие одного из описанных компонентов приведет к нарушению системы цифрового доверия, так как взаимосвязь данных трех аспектов неоспорима. Поэтому формирование цифрового доверия требует комплексного подхода, и, безусловно, его обеспечение не является спонтанным и

стихийным процессом. Напротив, оно требует реализации комплекса целенаправленных и скоординированных мер, основанных на четких принципах.

Обеспечение доверия, в том числе цифрового, – это не единовременный акт, а непрерывный динамический политико-правовой процесс. Формирование и поддержание доверия в цифровой среде, может осуществляться через различные инструменты и механизмы – политические, социальные, экономические.

Политические инструменты включают деятельность соответствующих федеральных и региональных органов власти, их целеполагание, в рамках которого обеспечение цифрового доверия в рамках политического управления процессами цифровой трансформации общества должно играть ключевую роль. Такое целеполагание осуществляется, в частности, в рамках документов стратегического планирования. Например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы[575], указано на несколько аспектов доверия в рамках развития информационного общества: доверие в сети «Интернет», доверенные технологии идентификации и аутентификации, в том числе трансграничная среда доверия при использовании электронных подписей и доверие к электронным документам.

Социальные инструменты включают деятельность социально ориентированных институтов гражданского общества, в том числе по защите прав граждан, развитию их цифровой грамотности и формированию культуры ответственного поведения в цифровой среде.

Экономические инструменты предполагают создание стимулов для разработчиков цифровых услуг, инвестиции в цифровую инфраструктуру, что в России реализуется в рамках мер поддержки отрасли информационных технологий[576].

---

[575] См: Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 12.12.2024 г.).

[576] Ефремов А.А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2023. - №4. - С. 71-99.

Вместе с тем именно правовое обеспечение играет системообразующую роль по отношению ко всем другим механизмам. Правовое обеспечение рассматривается как процесс, который будет гарантировать эффективное выполнение задач для достижения определенных целей[577]. Сущность правового обеспечения заключается в достижении целей права с помощью определённых средств. Обеспечение доверия, в том числе цифрового – это процесс и целевое состояние правоотношений в цифровой среде, который характеризуется надежностью функционирования цифровых институтов, устойчивой правовой защищенностью субъектов. Данных процесс носит комплексный характер и реализуется через систему взаимосвязанных правовых механизмов.

Обеспечение цифрового доверия основывается на четком соблюдении принципов, среди которых можно выделить как общеправовые принципы - верховенства Конституции, обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве, обеспечения и защиты прав граждан и т.д., так и специальные правовые принципы – прозрачности, безопасности, конфиденциальности, подотчетности.

Принцип прозрачности в условиях формирования цифрового доверия является фундаментальным, поскольку обеспечивает открытость процессов обработки данных и алгоритмических решений, которые лежат в основе цифровых систем. Реализация данного принципа основывается на предоставлении операторами субъектам данных доступной информации о целях, правовых основаниях и способах обработки их персональных данных, а также логике работы алгоритмов, принимающие значимые решения. На нормативном уровне данный принцип закреплен в положениях Федерального закона «О персональных данных»[578], устанавливающих требования к предоставлению информации субъектам данных. С технической точки зрения, данный принцип реализуется

---

[577] Арзамаскин А. Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. – 2016. – №. 6. – С. 47-51.

[578] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3451.

посредством предоставления политик по обработке данных и политик конфиденциальности.

Принцип безопасности, логически вытекает из соблюдения принципа прозрачности, поскольку обеспечивает фактическую реализацию гарантий защиты данных. Данный принцип предполагает интеграцию мер защиты информации на этапе проектирования цифровых систем и обеспечения защиты всего жизненного цикла данных. Принцип безопасности включает реализацию комплексных мер технической защиты (криптографические методы, системы аутентификации), организационных мер (разработка политик безопасности) и процедурных мер (регулярное тестирование на проникновение, мониторинг).

Принцип конфиденциальности требует минимизации сбора и обработки персональных данных, а также обеспечения их анонимности. Нормативное выражение данный принцип также находит в Федеральном законе «О персональных данных», устанавливающем, в том числе, требования соразмерности и адекватности обработки персональных данных.

Принцип подотчетности подразумевает, что организации должны нести ответственность за соблюдение стандартов цифрового доверия (проведение независимых аудитов соответствия, создания системы реагирования на инциденты).

Обеспечение цифрового доверия основывается на ряде взаимодополняющих правовых, технологических и организационных инструментов и механизмов, создающих комплексную инфраструктуру защищенного цифрового взаимодействия, в рамках функционирования которой реализуются указанные выше специальные принципы.

В Российской Федерации формирование цифрового доверия требует комплексного подхода, который будет сочетать в себе технологические решения и организационные меры наряду с нормативно-правовым регулированием. В настоящее время в России цифровое доверие обеспечивается комплексом нормативно-правовых, организационных и технических инструментов обеспечения безопасности цифровых взаимодействий. Однако эффективность

этих механизмов существенно повышается при активном участии институтов гражданского общества (ИГО), выступающих в роли посредников между государством и гражданами, а также в качестве независимых контролеров.

В эпоху быстрого развития технологических инноваций неотъемлемым является обеспечение правового регулирования информационной безопасности и формирование надлежащего уровня доверия. В данном контексте особую значимость, приобретают надежные механизмы идентификации субъектов цифровых отношений. Идентификация представляет собой фундаментальный элемент формирования системы цифрового доверия, позволяющий установить однозначное соответствие между цифровым образом и реальным субъектом общественных отношений. Как правильно отмечает В.Б. Наумов, что инфраструктура идентификации представляет собой основной фактор взаимодействия субъектов идентификации и связанных информационных процессов[579].

В условиях цифровой трансформации идентификация становится одним из ключевых элементов обеспечения доверия и безопасности в цифровом пространстве. Разнообразие взаимодействия субъектов в пространстве обусловлено развитием цифровой коммуникации (в особенности после кризиса и пандемии COVID-19), характеризующейся также наличием большого спектра объектного состава, что, в свою очередь, предопределяет необходимость обеспечения доверия путем идентификации субъектов.

Установление и подтверждение цифровой идентичности субъектов опирается на комплекс технологических механизмов. Ключевыми из них является: электронная подпись, биометрические технологии, многофакторные системы идентификации.

Значимым элементом технологического комплекса обеспечения цифрового доверия является электронная подпись, регулирования которой основано на

[579] Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дисс… доктора юрид. наук. М., 2020. С. 58

нормах Федерального закона от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи»[580] и принятых в его развитие подзаконных нормативных правовых актов. Данный Закон устанавливает различные типы электронных подписей в зависимости от уровня защиты. С помощью такой четкой иерархии государство регулирует уровень доверия к действиям, которые совершаются в цифровой среде, что также помогает соблюдать баланс между удобством и безопасностью, обеспечивая юридическую значимость действий электронном пространстве[581]. Электронная подпись, что критически важно для развития цифрового правительства и цифровой экономики, обеспечивает аутентификацию сторон цифрового взаимодействия, гарантирует целостность и юридическую силу электронных документов. Механизм электронной подписи основан на алгоритмах асимметричного шифрования, соответствующих национальным стандартам ГОСТ Р 34.10 и ГОСТ Р 50.1.111, что обеспечивает криптостойкость и защиту от несанкционированного доступа. Таким образом, инструмент электронной подписи как средства идентификации формирует цифровое доверие граждан и организаций (бизнеса или НКО) за счет создания технологически и юридически защищенной среды, где действия сторон имеют такую же силу, как и в физическом мире.

В настоящее время в условиях развития квантовых технологий[582], воздающих серьезные вызовы для текущих подходов к информационной безопасности[583], для дальнейшего развития института электронной подписи и расширения сфер ее применения представляется возможным предложить разработку и внедрение постквантовых криптографических алгоритмов для электронной подписи. Создание и стандартизация новых криптографических

---

[580] Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. N 15. Ст. 2036.

[581] Сапаров Д. К. Правовое регулирование электронного документооборота и цифровых подписей // Холодная наука. – 2025. – №. 14. – С. 86-108.

[582] Евсиков К. С. Информационная безопасность цифрового государства в квантовую эпоху // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2022. – №. 4 (92). – С. 46-58.

[583] Добробаба М. Б. Обеспечение информационной безопасности как составляющая модели правового регулирования квантовых коммуникаций // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2024. – №. 10 (122). – С. 108-116.

стандартов, устойчивых к атакам с использованием квантовых компьютером, будет служить целям поддержания цифрового доверия.

Еще одним значимым элементом создания системы идентификации в цифровой среде является единая биометрическая система (ЕБС)[584]. ЕБС обеспечивает удаленную идентификацию и аутентификацию граждан при получении финансовых и государственных услуг, что нацелено на снижение рисков мошенничества и должно повысить удобство пользователей. Система построена на принципах централизованного хранения и обработки биометрических данных с соблюдением строгих требований к безопасности, включая использование современных методов шифрования и контроля доступа. Между тем, биометрия – это самый «хрупкий» элемент доверия. Закон должен прямо запрещать сбор биометрических данных без явного, отдельного, письменного согласия и запрещать ее использование для эмоционального и поведенческого скоринга и слежки без санкции суда. Необходима трансформация института согласия от формальности к осознанности.

Еще один инструмент обеспечения доверия - многофакторная идентификация (MFA) представляет собой комбинированный механизм идентификации, сочетающий в себе два или более факторов аутентификации. Такая комбинация существенно повышает уровень безопасности.

Современный этап цифровой трансформации общества характеризуется переходом от разрозненных онлайн-сервисов к комплексным экосистемам, основой которых выступают цифровые платформы. В контексте государственного управления и предоставления публичных услуг эти платформы становятся ключевым механизмом формирования цифровой среды, основанной на доверии. Достоинствами цифровых платформ в формировании доверенной среды для цифрового взаимодействия является наличие технологической интеграции и

---

[584] Федеральный закон от 29.12.2022 N 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

безопасности, что, в свою очередь, создает технологический базис доверия. Цифровые платформы обеспечивает равный доступ к информации субъектов, зарегистрированных на таких платформах, это способствует снижению уровня цифрового неравенства, а также стимулирует возникновение сетевого эффекта посредством роста пользователей таких платформ и количества предоставляемых на их базе услуг, как публично-правового, так и частно-правового характера.

Формирование единой цифровой среды доверия может быть также основано на развитии системы цифровых платформ и их правового регулирования. Такие платформы могут выступать как механизм формирования цифровой среды, основанной на доверии. Это обеспечивается через единые правила функционирования соответствующих платформ, которые либо утверждаются как нормативные правовые акты (в отношении порталов государственных и муниципальных услуг), либо согласовываются с профильными регуляторами (например, правила инвестиционных цифровых платформ согласовываются с Банком России).

Однако и сами цифровые платформы, такие как портал «Госуслуги», «Мой офис», играют большую роль в формировании цифровой доверительной среды за счет обеспечения единой точки доступа к государственным и муниципальным услугам. Эти платформы реализуют принципы удобства, прозрачности и безопасности, интегрируя различные технологические решения (ЭП, ЕБС, шифрование) в единый интерфейс.

При функционировании государственных цифровых платформ важно обеспечить прозрачность алгоритмов государственных услуг, которая также является ключевым фактором доверия. Критически важным направлением обеспечения цифрового доверия в эпоху большого роста информации в сети ИНТЕРНЕТ, увеличения данных и совершенствования технологий искусственной генерации, является также регулирование Big Data и искусственного интеллекта. Регулирование Big Data и ИИ укрепляет доверие за счёт создания этических и правовых гарантий, что технологии используются в интересах общества.

Деятельность регуляторов в области кибербезопасности (Федеральная служба технического и экспортного контроля (ФСТЭК), Федеральная служба безопасности (ФСБ), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)) направлена на создание и поддержание режима защиты информации. ФСТЭК России разрабатывает требования и методики обеспечения безопасности информации, включая защиту персональных данных и критической информационной инфраструктуры. ФСБ России отвечает за противодействие киберугрозам и обеспечение безопасности государственных информационных систем. Роскомнадзор осуществляет контроль за соблюдением законодательства в области персональных данных. Деятельность регуляторов должна формировать институциональную основу доверия, обеспечивая надёжность и законность цифровой среды.

Цифровое доверие в российском законодательстве формируется через систему императивных предписаний, которые в значительной мере адресованы операторам персональных данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает систему обязанностей оператора (ст. 18, 19), включая требования к безопасности обработки, конфиденциальности и получению согласия субъекта (ст. 9)[585]. В такой системе доверие становится производным от соблюдения указанных строгих нормативно-правовых требований, а не от реализации субъектом информации своих прав. Суть данного подхода в том, что доверие обеспечивается не только за счет предоставления гражданину инструментов управления своими данными (таких как: прекращение передачи данных, отзыв согласия на обработку персональных данных), но и за счет надзора и детальной регламентации за операторами, тем самым это уменьшает автономию и инициативу самого субъекта данных.

Аналогичный подход содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

[585] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3451.

информации»[586]. Закон формирует правовую основу для обеспечения безопасности информационных систем, что является главным для формирования правового доверия. Нормы указанного Закона императивно обязывают владельца информационной системы принимать меры по защите информации и, таким образом, формирование доверия происходит не через расширение прав граждан, а через возложение обязанностей на операторов и владельцев информационных систем по защите информации. Установление усиленного режима защиты для объектов критической информационной инфраструктуры обеспечивает правовое доверие в зоне наиболее важных объектов (энергетика, связь). На исполнение этой задачи нацелен Федеральный закон от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[587].

Таким образом, технологические и организационные меры формируют комплексный каркас системы цифрового доверия, создавая формальные предпосылки для безопасного и предсказуемого цифрового взаимодействия. Однако институциональная завершенность данной системы не может быть достигнута исключительно усилиями государства, поскольку цифровое доверие по своей природе является социальным феноменом, укорененным в общественном сознании и практиках. В этой связи перспективной сферой развития механизмов обеспечения цифрового доверия является использование потенциала гражданского общества и самих граждан для более активного участия в реализации их прав в цифровом пространстве, в том числе как субъектов данных[588].

Доверие как ресурс современного технологического государства имеет критическую важность для модернизации страны в сфере цифрового развития[589].

---

[586] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[587] См.: Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. N 31 (1 ч.). Ст. 4736.

[588] Гиш Т. А., Ржевская Н. В., Медведева А. С. Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных // Auditorium. – 2023. – №. 4 (40). – С. 29-34.

[589]Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12. С. 30-34.

Государство, а также бизнес-структуры активно инвестируют в укрепление доверия посредством совершенствования кибербезопасности, прозрачности политик обработки данных и внедрения этических норм. Однако из виду часто упускается ключевой субъект – сам гражданин, чьи права, интересы и свободны признаются высшей ценностью в соответствии со ст. 2 Конституции РФ. Именно из потребности защиты гражданских прав и свобод, отстаивания своей позиции возникает пространство для деятельности институтов гражданского общества, роль которых в формировании и реализации цифрового доверия остается недооцененной.

Согласно исследованию Digital Evolution Index 2025[590] доверие является двигателем цифровой эволюции. При этом развитию цифрового общества будут способствовать прозрачность деятельности государства и качественное правовое регулирование. Одним из выводов исследования стало утверждение, что с 2019 года способность институтов публичной власти регулировать технологические инновации, способствовать доверию и достигать бюрократической эффективности остановилась. В указанной ситуации именно институтам гражданского общества следует преодолеть данный барьер, при помощи общественной деятельности и своего влияния на жизнь граждан[591].

Гражданское общество, как самостоятельная, отделенная от государства, сфера общественных отношений, формируется и развивается индивидуальными и коллективными действиями субъектов. Институты гражданского общества выполняют ряд специфических функций[592]. К таким функциям относятся: функция социального контроля и защиты (независимый контроль за действиями власти и бизнеса, обеспечивая их прозрачность и подотчетность.); мобилизационная функция (обеспечение и мотивация к гражданской активности различного содержания и формы); социализирующая (способствует

[590]URL: https://digitalplanet.tufts.edu/digitalevolutionindex2025/(дата обращения: 12.12.2024).
[591]Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12. С. 30-34.
[592] Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества/ отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 173.

формированию социального капитала, доверия и солидарности в обществе, предоставляя пространство для добровольческой деятельности, дискуссий и выработки общих ценностей), инновационная (апробируются новые модели решения общественных проблем (социальные инновации)), артикуляционная (аккумуляция индивидуальных и групповых потребностей и интересов). Сущность гражданского общества характеризуется автономностью и плюрализмом. Следует отметить, что развитие цифровой среды усиливает и трансформирует функции общества, порождая новые гибридные формы гражданского взаимодействия, расширяя инструментарий и масштабы воздействия институтов гражданского общества.

Институты гражданского общества обладают уникальным потенциалом для выполнения функции «посредника доверия» в цифровой среде через обеспечения обратной связи между обществом и властью[593]. Государство в большинстве своем фокусируется на нормативных и технологических аспектах доверия. Гражданское общество во многом опосредует социальные аспекты доверия. Данные аспекты выходят за рамки формальных юридических и технических решений, охватывая сложный комплекс восприятий, установок и практик, формирующихся на уровне индивидуального и коллективного сознания. Институты гражданского общества способствуют генерации доверия внутри системы, которое возникает из разделяемых ценностей, норм, практик. Следовательно, интеграция гражданского общества в процессы формирования цифрового доверия представляет собой не дополнение, а необходимое условие для создания устойчивой и инклюзивной цифровой среды. Институты гражданского общества восполняют пробелы правового регулирования через механизмы общественного контроля. Отсюда следует, что независимый общественный контроль за соблюдением цифровых прав граждан, экспертная оценка цифровых сервисов и алгоритмов на предмет справедливости и прозрачности, просвещение и повышение цифровой грамотности населения, все это напрямую влияет на способность пользователя критически оценивать риски и принимать осознанные решения.

[593] Володина С. В. Указ.соч.

Уровень активности институтов гражданского общества и самих граждан в реализации принципа доверия в цифровой среде и обеспечения цифрового доверия зависит от уровня развития как гражданского общества в целом, так и активности самих граждан. Соответственно, могут быть различные модели участия граждан, их объединений в формировании цифрового доверия. Одна модель производна от самих граждан, которые вправе управлять самостоятельно своими данными не полагаясь исключительно на органы государства. Противоположная модель заключается в надежде граждан исключительно на административно-правовые механизмы (например, деятельность Роскомнадзора по защите прав субъектов персональных данных) обеспечения цифрового доверия. В условиях последней модели снижает интерес к самостоятельной защите гражданами своих прав, в том числе в судебном порядке.

Современное состояние правового регулирования цифрового пространства в России характеризуется тенденцией к централизации и усилению императивных начал. Такой подход создает унифицированное правовое пространство для обращения информации и совершения цифровых взаимодействий разных субъектов. Однако в такой ситуации субъект данных (гражданин) оказывается в пассивной роли, так как снижается его интерес к самостоятельной защите своих прав и интересов. Граждане возлагают всю надежду на административно-правовые механизмы защиты, инициируемые по усмотрению уполномоченного органа.

В тоже время цифровое общество сталкивается с проблемами, которые требуют разрешения при участии граждан, их объединений во взаимодействии с органами государственной власти.

Во-первых, это дефицит цифровой грамотности. По результатам исследования аналитического центра НАФИ за 2025 год развитие цифровой грамотности остается неизменным третий год подряд, также было выявлено, что

знание основ безопасности персональных данных входит в группу слабых навыков цифровой компетенции граждан[594].

Во-вторых, дефицит этического, общественного регулирования цифровых технологий. Этический вакуум при регулировании ИИ, Big Data представляет из себя серьезный пробел в российской системе регулирования. В этой связи отдельные институты гражданского общества организуют рабочие группы для разработки этических кодексов. Например, Альянс в сфере искусственного интеллекта[595], который объединяет ведущие технологические компании, разработали единую систему рекомендательных прицепов и правил в сфере ИИ – кодекс этики в сфере ИИ. Он носит рекомендательный характер, но такие инициативы создают каркас для саморегулирования отрасли. Участниками кодекса стали Казначейство РФ, Росреестр, ФССП России, МИД и др., а также российских организаций, такие как Сбер, Яндекс, VK, Ростелеком и др.

Как уже было отмечено выше, в системе государственного регулирования цифровой среды в Российской Федерации ключевую роль играют Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России). Анализ их полномочий, установленных федеральным законодательством, позволяет выявить определенный дисбаланс в подходах к регулированию. Так, деятельность Роскомнадзора и ФСТЭК РФ преимущественно сфокусирована на обеспечении соблюдения формальных требований и технических норм, в то время как оценка этических рисков цифровизации остается недостаточно разработанной. Исходя из анализа практики применения Федерального закона от 27.06.2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» Роскомнадзор в ходе проверок делает акцент собственно на формальное соответствие операторов установленным требованиям (наличие политики обработки персональных данных, заключенные договоры с операторами,

---

[594] НАФИ. URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/ (дата обращения: 12.12.2024 г.).
[595] A-AI. URL:https://ethics.a-ai.ru/(дата обращения: 12.12.2024 г.).

реализация мер защиты), но не оценивают этичность и справедливость самих процессов обработки данных. Такой регуляторный подход присутствует также в контексте развития технологий искусственного интеллекта (в настоящее время предусматривается только маркировка рекомендательных технологий). Несмотря на принятие Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[596], в нормативной базе отсутствуют четкие критерии оценки этичности алгоритмических систем.

Таким образом, исключительно формально-юридический подход к регулированию цифровой среды является недостаточным для формирования устойчивого цифрового доверия. Граждане и бизнес, сталкиваясь с непрозрачными алгоритмическими системами, принимающими решения, влияющие на их права и законные интересы, испытывают обоснованные опасения относительно справедливости и беспристрастности таких систем. При этом существующие механизмы обжалования зачастую оказываются недостаточно эффективными, поскольку регуляторы не имеют четких полномочий по оценке этичности алгоритмов.

Деятельность гражданского общества не просто дополняет государственное регулирование, а компенсирует его структурные ограничения, обеспечивая обратную связь. Необходимость и важность просветительских инициатив уже была обоснована результатами исследовании НАФИ. В настоящее время большинство граждан не обладают необходимыми знаниями для идентификации нарушений своих прав, а также не знакомы с алгоритмами их защиты, в таком случае, правовые средства защиты остаются нереализованными на практике, что в последствие подрывает доверие граждан. Создание образовательного контента – распространение инструкций, руководств, видеороликов, организация мероприятий, вебинаров - с помощью деятельности таких организаций гражданин укрепляет свою уверенность в собственной безопасности и способности

[596] См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019г. № 490 «О стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 12.12.2024 г.).

контролировать цифровую среду, что влияет на уровень его доверия к действиям, совершаемым в цифровой среде.

Институты гражданского общества в рамках правового поля выполняют правозащитную деятельность. В качестве примера можно привести Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде, который создан по инициативе Роскомнадзора Федеральным государственным унитарным предприятием «Главный радиочастотный центр»[597]. Формально являясь подразделением государственного предприятия, он, по сути, является институтом гражданского общества, выполняя ряд просветительских и правозащитных функций на безвозмездной основе.

Реализация принципа доверия в цифровой среде сталкивается с некоторыми вызовами. Институты гражданского общества играют важную роль в их преодолении, выступая в качестве механизма балансировки интересов, а также обеспечивает обратную связь между обществом и государством.

Во-первых, это дисбаланс между безопасностью и свободой личности. Слишком жесткий контроль со стороны государства может подавлять инновации и свободу, в то время как отсутствие такого контроля ведет к киберпреступности. Поэтому необходимо найти золотую середину, где защита граждан не станет ограничением их прав. В этой связи институты гражданского общества могут проводить экспертную оценку государственных инициатив, в том числе в сфере цифровой трансформации. Это будет способствовать тому, что доверие к государственным цифровым сервисам будет основываться на уважении к правам человека, а не на страхе перед тотальным контролем.

Во-вторых, это цифровое неравенство. Оно является одной из ключевых проблем формирования цифрового доверия, так как уязвимые группы тем самым исключаются из числа полноценных участников цифрового общества из-за статуса «легкой мишени» для мошенников. Институты гражданского общества в

[597] URL: https://4people.grfc.ru/ (дата обращения: 12.12.2024 г.).

рамках своей деятельности могут восполнять недостаток государственного присутствия в сфере борьбы с цифровым неравенством и киберрисками[598].

Большое значение в рамках указанной деятельности имеют проекты социально ориентированных НКО, которые получают поддержку со стороны государства как на федеральном (Фонд президентских грантов), так и на региональном уровне (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Отдельные проекты институтов гражданского общества в сфере повышения цифрового доверия в РФ

Наименование проект	**Содержание проекта**
Онлайн-помощь онкопациентам – развитие цифровых компетенций волонтеров[599]	Наиболее значимые ожидаемые результаты: - Повышение уровня цифровых компетенций волонтеров НКО, работающих с онкопациентами. - Снижение риска профессионального выгорания волонтеров. - Внедрение современных цифровых инструментов в практику работы волонтерских организаций. - Усиление потенциала региональных НКО в сфере оказания помощи онкопациентам.
Социально-образовательный проект «Цифровая экономика для гражданского общества»[600]	Повышение уровня цифровой грамотности гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. Задачи Организационно-методическое обеспечение процессов обучения цифровой грамотности и ключевым компетенциям по использованию сервисов цифровой экономики

[598]Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12. С. 30-34.

[599] URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=ca96939f-c7a8-42ab-a2b7-42b1513ff76d (дата обращения: 12.12.2024 г.).

[600] URL: https://xn--80aaacibp5ddlofdugk.xn--p1ai/public/application/item?id=dc2ac898-8484-40dc-8940-63fe0c16a498 (дата обращения: 12.12.2024 г.).

	представителями гражданского общества. Формирование системы мотивации представителей гражданского общества по освоению необходимых компетенций и участию в развитии цифровой экономики в Югре. Организация процессов обучения цифровой грамотности и ключевым компетенциям по использованию сервисов цифровой экономики представителей гражданского общества.
«Цифровой гражданин Югры»[601]	- Повышение цифровых компетенций граждан. - Помощь в обучении граждан новым умениям и навыкам, необходимым для получения государственных услуг в электронном виде, настройки и пользования гаджетами, работы с приложениями банковских и других сервисов, а также знакомство с информационной безопасностью, чтобы не стать жертвой мошенников в Интернете и др.
Цифровой мост 2.0[602]	Повышение эффективности обратной связи граждан и государственных/муниципальных организаций Задачи Образовательная программа для лиц, ответственных за ведение аккаунтов организаций и добровольцев Мониторинг аккаунтов как форма общественного контроля за их ведением Разработка механизмов открытости и совершенствования обратной связи
«Академия Добровольчества».	Повышение компетенций женщин в использовании цифровых технологий и умении взаимодействовать в

[601] URL: https://dobro.ru/project/10032236 (дата обращения: 12.12.2024 г.).
[602] URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=fad119d6-ee5d-4ece-979b-6973dcd7d50c (дата обращения: 12.12.2024 г.).

Развитие сети женских организаций области через повышение компетенций женщин в использовании цифровых технологий[603]	цифровом социуме для продвижения и реализации добровольческих проектов.

Таким образом, эффективное противодействие киберрискам, преодоление цифрового разрыва и нахождение баланса между безопасностью и свободой требует более плотного взаимодействия между государством и гражданским обществом[604]. Такое взаимодействие может быть реализовано, в том числе, через создание постоянных общественно-государственных рабочих групп. Создание и деятельность таких рабочих групп должна быть основана как межведомственном характере (с участием Роскомнадзора, ФСТЭК, Минцифры), так и отраслевой специализации (отдельные группы по кибербезопасности, этике ИИ, защите персональных данных). При этом, безусловно, может быть использован и действующий институт общественных советов при федеральных органах исполнительной власти.

Внедрение предложенного механизма позволит достичь нескольких значимых эффектов. Во-первых, повысится легитимность и обоснованность вводимого регулирования и проектов цифровой трансформации за счет учета мнения заинтересованных сторон. Во-вторых, улучшится качество нормативных актов через привлечение практического опыта институтов гражданского

---

[603] URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=555b1054-05c0-4bdf-a3dd-f70a65d648ac (дата обращения: 12.12.2024 г.).

[604] Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12. С. 30-34.

общества. В-третьих, усилится общественный контроль за деятельностью регуляторов. Наконец, снизятся риски коррупции через повышение прозрачности процедур. Эти эффекты в совокупности будут способствовать формированию устойчивой системы цифрового доверия, где все участники чувствуют себя вовлеченными в процесс управления цифровой средой.

Однако реализация данных перспектив сопряжена с определенными рисками и ограничениями. Ключевым риском является кооптация институтов гражданского общества государственными структурами, что может привести к потере их независимости и критического потенциала. Другим вызовом выступает дефицит экспертных компетенций в непрофильных НКО, что может снизить качество их участия в обсуждении сложных технических вопросов. Кроме того, вероятно ведомственное сопротивление изменениям, особенно со стороны структур, традиционно ориентированных на закрытость принятия решений.

Учет всех указанных обстоятельств будет способствовать эффективному участию институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде и обеспечения цифрового доверия в обществе в целом[605].

Проведенное исследование реализации принципа доверия в цифровой среде позволяет заключить следующее.

Во-первых, обеспечение доверия в рамках правового регулирования общественных отношений в целом, и в цифровой среде в частности выступает в качестве ключевого условия формирования правопорядка в обществе, легитимности органов государственной власти и местного самоуправления, законности деятельности иных общественных институтов. Снижение доверия к указанным субъектам серьезным образом деформирует правопорядок и общественную стабильность, может быть использовано как инструмент влияния деструктивных сил как внутри государства, так и извне, особенно в условиях геополитического и геоэкономического противостояния с недружественными странами и международными организациями.

---

[605]Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12. С. 30-34.

Во-вторых, правовая природа доверия в целом и доверия в цифровой среде (цифрового доверия) является двойственной: принцип доверия может быть охарактеризован как один из ключевых принципов правового регулирования, обеспечивающий эффективность правовых институтов как в частном, так и в публичном праве, и как элемент целевого состояния правовых отношений – правопорядка, основанного не только на средствах юридического принуждения, но и доверия субъектов как друг к другу, так и к самой правовой системе.

Доверие в цифровой среде (цифровое доверие или цифровая среда доверия) в этой связи может быть рассмотрено и как принцип регулирования и реализации общественных отношений в цифровой среде, и как целевое правовое состояние самой цифровой среды как особого пространства для реализации общественных отношений в условиях их цифровизации и цифровой трансформации.

В-третьих, обеспечение доверия в цифровой среде основывается на ряде взаимодополняющих правовых, технологических и организационных инструментов и механизмов, создающих комплексную инфраструктуру защищенного цифрового взаимодействия, которая в научной литературе и практике характеризуется как «единая среда цифрового доверия» или «единая цифровая среда доверия». По нашему мнению, в контексте обеспечения цифрового доверия как целевого состояния и элемента правопорядка целесообразно все-таки разделять само цифровое доверие как целевое состояние общественных отношений и цифровую среду доверия как пространство, в рамках которого указанные отношения реализуются.

В-четвертых, биометрия – это самый «хрупкий» элемент доверия. Закон должен прямо запрещать сбор биометрии без явного, отдельного, письменного согласия и запрещать ее использование для эмоционального и поведенческого скоринга и слежки без санкции суда. Необходима трансформация института согласия от формальности к осознанности. Несмотря на в значительной мере императивно-правовой характер регулирования информационных систем как ключевых элементов инфраструктуры цифровой среды, обеспечение цифрового доверия должно включать и потенциал институтов гражданского общества.

В-пятых, выделены функции институтов гражданского общества в механизме реализации принципа доверия в цифровой среде и обеспечения цифрового доверия. В настоящее время участие институтов гражданского общества осуществляется главным образом в просветительской и правозащитной формах. Обоснована перспективность формирования общественно-государственных рабочих групп с участием НКО, в том числе в рамках деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, а также аналогичных органов в регионах РФ как инструментов совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности указанных органов, ориентированной на обеспечение цифрового доверия.

Внедрение новых цифровых технологий в соответствующие сферы общественных отношений, реализация проектов цифровой трансформации на федеральном уровне, а также в отдельных отраслях и регионах России возможно только при обеспечении цифрового доверия со стороны граждан и организаций. Обеспечение технологического суверенитета как составляющего элемента государственного суверенитета в информационном пространстве, в том числе на основе внедрения и применения российских информационных технологий, цифровых платформ, должно быть обеспечено мерами стимулирующего характера, а запреты и ограничения необходимы и целесообразны исключительно для профилактики и предотвращения правонарушений и преступлений в цифровой среде, в том числе трансграничного характера.

Обеспечение баланса между безопасностью и свободой личности в цифровой среде, комфортностью цифровых государственных и частных услуг и цифровым контролем над личностью на основе сбора данных (цифровых следов) является вызовом для современного правового регулирования и требует взаимодействия органов государственной власти, а также институтов гражданского общества для развития уровня цифровой грамотности и цифровой культуры, формирования ответственного поведения в цифровой среде всех субъектов общественных отношений.

4.3. Реализация правового и социального доверия в зарубежных государствах (на примере стран БРИКС).

В каждом из государств БРИКС[606] существуют особенности конституционно-правового развития, обусловленные историей государства, национальными традициями и социальным составом населения. Важное значение для развития правового доверия в государствах БРИКС имеют «политический менталитет», общественное сознание и развитие экономики. Рассмотрим особенности реализации правового и социального доверия с учетом указанных факторов на примере трех стран (основателей БРИКС) - Бразилии, Индии и Китая.

Бразилия является членом БРИКС с высоким экономическим потенциалом роста с одной стороны и культурно-деловыми особенностями с другой[607]. Бразилия сегодня это - пятая среди стран мира по площади и седьмая по численности населения, имеет девятую по величине номинального ВВП экономику в мире и седьмую по ВВП, рассчитанному по паритету покупательской способности. Состоит в международных организациях: ООН, G20, ВТО, МЕРКОСУР, БРИКС.

На становление страны существенное влияние оказало колониальное прошлое. Бразилия была колонией Португалии с 1500 до 1822 года, когда была объявлена независимость Бразильской империи, лишь в 1889 году Бразилия стала республикой. За всю историю страны было семь конституций. Действующая конституция 1988 года определяет Бразилию как федеративную республику. От метрополии по мимо языка и религии Бразилия заимствовала вектор движения и развития в духе стран Западной Европы, но со своим акцентом.

Бразильская модель федерализма – это проявления мягкой силы внутри страны, ввиду разнородности экономического ландшафта. Исторический путь

---

[606] По обоснованному мнению экспертов БРИКС не является международной организацией, которая бы действовала на основе учредительного договора. См., подробнее: Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/О-правовом-статусе-БРИКС.

[607] Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т.77. № 3. (208). С. 107 – 115.

Бразилии давал ей возможность выбора или самоопределения, когда встал вопрос о форме территориального устройства, изначально перевес был в сторону унитарного государства, вслед за метрополией, но определяющую роль сыграла разнородность общества, а так же большие размеры страны. Не последнюю роль сыграл сильный институт лоббизма т.к. богатые регионы хотели сохранить свое экономическое превосходство, и не допустить расточительства в пользу «соседей».

По форме правления Бразилия является президентской республикой. Главой государства и исполнительной власти и главнокомандующим является президент республики. Развитие государства, как и законодательства, регулировавшего избирательный процесс двигалось по циклической траектории с поочередными сменами недемократических политических режимов к демократическим. На определенном этапе важно было вывести выборы из статуса инструмента легитимации договоренностей политических элит штатов Сан-Пауло и Минас-Жерайс имевших название союз «кофе с молоком»[608].

К выборам в Бразилии приковано особое внимание, ввиду того фактора что голосование является обязательным для лиц от 18 до 70 лет, а также высокой плотности населения, компактного проживания и активного участия НПО и НКО в жизни граждан. Все это делает электорат Бразилии весомым и активным. Для укрепления доверия и развития демократии был принят избирательный кодекс, а затем появился орган электоральной юстиции для защиты избирательных прав граждан. Следующим шагом стал переход к системе электронного голосования, которое призвано подчеркнуть прозрачность и точность процесса подсчета голосов и тем самым неоспоримость итогов выборов.

Обращает на себя внимание интересная цикличность, которую можно проследить на примере избранных президентов Бразилии.

---

[608] Do Prado Fonseca Lopes. A eleitoral no Brasil: do sistema eleitoral, da ao voto. Trabalho final – Curso de, Universidade do Legislativo Brasileiro (Unilegis) e Universidade Federal de Mato Grosso do Sul (UFMS), 2008. P.23.

Луис Инасиу Лула да Силва, является 35-м (2003-2011) и 39-м (2023 по н.в.) президентом Бразилии от Партии трудящихся, его политической противоположностью можно назвать Жаира Болсонару 38-го (2019-2023) президент Бразилии, который за свою политическую карьеру успел сменить восемь политических партий. Болсонару смог привлечь к себе внимание выступив «громче» всех за импичмент Дилмы Русеф, являющейся на тот момент 37-м (2011-2016) президентом Бразилии.

Руссефф, как и все президенты Бразилии, которые избирались после окончания военной диктатуры, смогла избраться на второй срок. Но допустила типичную ошибку политика, пообещала в ходе предвыборной гонки больше чем планировала реализовывать, в связи с чем лишилась поддержки значительной части своего электората, так как после вступления в должность президента, в условиях сложной экономической ситуации, ей пришлось пересмотреть часть предвыборных обещаний.

Курс национальной валюты ушел в пике: за период с 1 января по 31 декабря 2015 года «бразильский реал потерял 32,9% своей стоимости по отношению к доллару США (в начале года за доллар давали 2,66 реала, в конце - 3,97 реала). Падение экономики по итогам 2015 года составило 3,8% ВВП. При этом в стране был отмечен значительный рост инфляции»[609].

Можно проследить определённую взаимосвязь между экономикой и доверием. Чем устойчивей экономический рост государства, тем более общество готово авансировать доверие и наоборот. На фоне инфляции и не реализации заявленных намерений популярность Руссефф пошла на спад.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в октябре 2015 года, 70% бразильцев назвали работу возглавляемого ею правительства «плохой или очень плохой». Личная деятельность Руссефф на посту главы государства была удостоена еще более уничижительной оценки: ее охарактеризовали как неудовлетворительную 80,7% граждан страны.

---

609 https://www.rbc.ru/finances/22/09/2015/56015be99a794743867942c3 (дата обращения: 20.11.2023).

В итоге в течение 2015-2016гг. Бразилию накрыла череда акций протеста с требованием импичмента президента. Собралось внушительное количество митингующих. По данным военной полиции на улицы вышли более трех миллионов человек. Эти протесты были самыми массовыми за всю историю бразильской демократической системы, после падения в 1985 году военной диктатуры.

Импичмент Русеф породил так же падение доверия к Партии трудящихся, членом которой она являлась. Эффект электоральной усталости простимулировал потребность в новом лидере с иной идеологией и повесткой, все это оказалось благоприятной средой для появления политика популистского толка.

Болсонару в ходе своей кампании делал акцент на решении двух главных проблем бразильского общества – коррупция и криминал. Вместо ожидаемой консолидации общества, поляризация стала чертой периода правления Болсонару. Президент так и не смог выстроить эффективный диалог на уровне губернаторов и мэров. И если данная ситуация может быть приемлемой в стабильный период и работать как принцип сдержек и противовесов, то в период потрясений является не лучшим способом управления, ввиду того что забирает много времени и внимания на дебаты, а для действительно важного остается не так много. Несовпадение позиций по кризисной ситуации связанной с COVID-19 и принятием своевременных карантинных мер выглядела как перетягивание каната. Постулат *«свобода важнее жизни»* с которым выступил Болсонару в итоге сделал Бразилию лидером анти-рейтинга по заболеваемости среди стран Латинской Америки. В этом есть и объективные причины: концентрированность населения в крупных мегаполисах, недоступность медицины для жителей фавел, но несвоевременность решений и внутренний разлад лишь усугубили ситуацию и раскололи общество по полам.

«По данным Бразильского института изучения общественного мнения и статистики, в декабре 2019 г. более половины опрошенных (53%) не одобряли деятельность на посту президента. Уровень доверия к нему упал с 55 до 49%. В

декабре 2019 г. лишь 29% респондентов положительно оценили работу правительства Болсонару (в январе – 49%), 31% - удовлетворительно и 38% - негативно. Наибольшее одобрение получила деятельность правительства в сфере общественной безопасности (50%), самую негативную оценку – меры в сфере здравоохранения, регулирования процентных ставок и налогообложения»[610].

Оптимистические ожидания, что президент страны сможет добиться экономического подъема, к концу 2019 г. сошли на нет. «Темпы роста ВВП Бразилии в 2019 г. снизились до 1,1% по сравнению с 1,3% в 2017-2018гг. Промышленное производство сократилось на 1,1% на фоне максимального за десятилетие спада в горнодобывающей отрасли, составившего 9,7%. Безработица достигла 11% экономически активного населения, причем среди молодежи от 18 до 24 лет почти каждый третий не имел постоянного дохода. Инфляция выросла до 4,3%»[611].

Болсонару оказался единственным президентом, который не смог избраться на второй срок, маятник предпочтений стал неумолимо склоняться к Луле да Силва. Для бразильцев играет большое значение личностный компонент деловая репутация безусловна очень важна, это совокупность поступков и принятых решений в прошлом и настоящем, по которым мы прогнозируем будущее с этим человеком, понимаем можем ли мы ему доверять. Например, в Бразилии действует с 2010 года закон о «безупречной репутации», в котором говориться: «кандидат который был ранее отстранен от должности либо осужден коллективным органом, либо подал в отставку с целью уйти от отстранения, не имеет права выдвигаться на выборах в течении восьми лет[612]».

---

[610] 38% consideram administração de Bolsonaro ruim ou pessima.- https://www.ibopeinteligencia.com/noticias-e-pesquisas/38-consideram-administracao-de-bolsonaro-ruim-ou-pessima/ (дата обращения: 20.11.2023).

[611] Brazil: Macroeconomic Monitor and Reform Agenda / Ministerio da Economia. 2020.11.02. - https://www.gov.br/economia/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/publicacoes-em-outros-idiomas/brazil-macroeconomic-monitor-and-reform-agenda/brazil-monitor-_-feb-11-2020-_-17h20m11s.pdf/view (дата обращения: 20.11.2023).

[612] Кобец П.Н., Клименко А.И., Бражников Д.А. Борьба с коррупцией в Бразилии: опыт и проблемы//Вестник Московского университета МВД России. 2020. №5. С. 97-102.

На первый план этой предвыборной «гонки обещаний» вышла содержательная составляющая, назрела необходимость выработать альтернативы дальнейшего экономического и социального развития. *«Я буду счастлив, если каждый бразилец будет питаться трижды в день».* Этот лозунг привел Лулу к победе дважды в 2002 году и на последних выборах, что может свидетельствовать о том, что эта проблематика остается и спустя 20 лет для бразильского общества актуальной. Так же как коррупция и криминал, бедность и голод остаются традиционными темами на повестке, которые затормаживают дальнейшее развитие государства.

Феноменом политической культуры Бразилии, является коррупция, которая имеет глубокие исторические корни. Единственным способом борьбы с этим негативным проявлением является развитие гражданского общества, слаженная работа демократических институтов. Именно эволюционным последовательным путем, а не с помощью заимствования чужих моделей.

Доверие рождается там, где есть прозрачность, соблюдение норм, правил и сроков, когда в итоге получается то, что прогнозировалось ранее, при отсутствии двойных стандартов. Для поддержания доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов, был создан «Правительственный портал» включающий в себя раздел под названием Portal da Transparencia (портал прозрачности) запущенный в 2004 году Генеральным контрольным управлением Союза[613], признан международным сообществом одним из наиболее продвинутых мировых примеров открытости государственных данных, позволяющим гражданам отслеживать федеральные доходы и расходы, государственные контракты, зарплаты чиновников в режиме реального времени. Для поддержания доверия к данному антикоррупционному инструменту, требуется вовлечение гражданского общества в независимый аудит публикуемой информации, посредством совершенствования платформы, предоставляя тем самым понятный материал, даже технически не подготовленным гражданам.

---

[613] Portal da Transparencia//URL://http://www.portaltransparencia.gov.br. (Дата обращения: 20.11.2023).

Доступ общественности к информации о деятельности государственных структур и возможность осуществления гражданского контроля, возможно лишь в ситуации, когда гражданское общество является зрелым и использует данные возможности грамотно. В Бразилии довольно-таки «трепетное» отношение к демократии в связи с колониальным и авторитарным прошлым. Фернанду Энрики Кардозу президент Бразилии (1995-2003гг) назвал приверженность демократии «частью бразильской цивилизации».

Предвыборная речь Лулы явила собой настоящую программу, самое интересное в ней, то, что был сделан акцент на международную составляющую, а именно на создание условий для восстановление доверия к Бразилии как к деловому партнеру, как культурному и туристическому центру притяжения. Подрыв доверия внутри страны заставляет граждан отделяться и отворачивает их от общественной жизни в сторону личностных интересов, разобщённость не способствует продвижению государства на внешней арене делает его слабым и уязвимы.

В бразильском обществе прослеживается склонность к образованию коалиций между политическими и деловыми сферами, основной целью данного союза является извлечение выгоды. Представители данных коалиций формируют элиты бразильского общества, доверие к ним в восприятии граждан довольно низкое, что затормаживает многие области деятельности. Элиты не хотят работать с теми, кому они не могут доверять с одной стороны, с другой общество не доверяет данного рода коалиционно-родственным формированиям во власти. Хотя на уровне граждан так же поддерживается самый высокий уровень доверия именно к родственным отношениям и личным контактам.

Население Бразилии отличается разнообразием расового и этнического состава (полиэтническое государство). Основной проблемой остается диспропорция в уровне жизни. Даже путь модернизации смог породить лишь процветание меньшинства на фоне маргинализированного большинства. Безусловно многолетняя невозможность решить один из основополагающих вопросов социального неравенства не приводит к росту доверия населения по

отношению к избранной власти. Политика односторонней ориентация на привилегированные слои населения и автоматическое исключение из процессов производства и потребления широких масс, привела к усугублению социальных контрастов.

В связи с чем «в центре внимания находиться взаимодействие государства и организаций гражданского общества, констатируются угрозы «филантропизации» социальной сферы, отмечается растущая роль бразильских НКО и НПО в преодолении таких серьезных проблем, как бедность и социальное неравенство»[614].

В Бразилии гражданское общество берет свои истоки в католической благотворительности. Влияние церкви в Бразилии велико. По вероисповеданию большинство является католиками, что делает Бразилию страной с самым многочисленным католическим населением в мире. Именно представители католической церкви приняли решение первыми начать работать и оказывать социально-точечную помощь жителями фавел[615]. Таким образом появилась необходимая прослойка между государством и обществом, те кому могли бы доверять и на кого могли бы опираться. Именно церковь на том этапе стала связующим звеном между органами власти и фавелами.

В течение 1980–х годов, в период демократического транзита, в гражданском обществе Бразилии окончательно формируются либерально-социальные ассоциации и фонды, которые берут на себя часть делегированного им функционала, становясь теми самыми активными участниками и партнерами государства по социальной проблематике.

Развитие современного государства определяется уровнем культуры граждан, уже очевидным становится взаимосвязь культуры-экономики-доверия. Скачек в экономическом развитии наступает после накопления доверия внутри общества, снижается сила трения, отходят на второй план дополнительные

---

[614] Кузнецова В.А. Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере//Общество XXI века. 2023. №9. С.83-97.

[615] Фавелы – трущобы в городах Бразилии, с высоким уровнем преступности.

гарантии, по взятым обязательствам, что ускоряет процессы экономической деятельности. Одним из первых описал взаимосвязь доверия в экономике Американский экономист Мансур Олсон. Доверие порождает экономический рост, а что тогда порождает доверие? Много факторов способствуют зарождению и укреплению доверия в их числе культура и образование.

Экономика Бразилии с трудом старается выйти на уровень до мирового финансового кризиса 2014 года и кризиса 2020-2021 гг., вызванного пандемией COVID-19. Опорными точками в этом движении становятся: образовательное, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество через международные кооперации с развитыми странами. По состоянию на 2020 год 89159 бразильских студентов обучались в зарубежных высших учебных заведениях: Германии, Франции, Испании и т.д.[616].

Сегодня государства, претендующие на мировое признание в качестве лидеров, допущенных к формированию международной повестки, не могут себе позволить апеллировать очевидными факторами вроде размера территории или численности населения. На первый план выходит способность воспринимать и генерировать научно-технический прогресс. Именно на технологии возлагаются большие надежды в вопросах обеспечения демократии, социального и экономического благополучия населения, а также безопасности. «Растущее признание интернета как главной инфраструктуры, обеспечивающей экономическую и социальную сторону жизни, в последние годы привлекло особое внимание к вопросам, связанным с его управлением»[617]. Своевременное внимание к интернет пространству связано с ежедневно растущим количеством активных пользователей, по состоянию на 2022 год имели доступ в интернет 70% граждан Бразилии.

Цифровые платформы с агрегаторами и рейтингами становятся новыми институтами, которым доверяют. Это новая форма доверия, доверие к

---

[616] Global Flow of Tertiary-Level Students: Brazil. UNESCO Institute for Statistics, 2020. Available at: http://uis. unesco.org/en/uis-student-flow (дата обращения: 20.11.2023).

[617] Косевич Е.Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки//Polis. Political Studies. 2022 № 3 С.108-123.

неизвестному. Безусловно период самоизоляции подтолкнул в цифровое пространство практически каждого, не делая существенных различий между возрастом и профессией. Но секрет доверия к цифровым платформам кроется не столько в распространенности, сколько в вовлеченности в процесс. Убежденность что агрегатор сработал верно в силу того, что пользователь сам вносит свой активный вклад в его работу являясь участником составления различных рейтингов. Правительства всего мира наблюдая этот тренд понимают, как важно сейчас не противостоять ему, а активно в него интегрироваться, создавать сервисы (сервисные ведомства) и делать все возможное дабы не утратить сферу влияния. Происходит вытеснение старых форм новыми.

В 2023 году в Бразилии произведен интересный эксперимент, по запросу члена городского совета Рамиру Росариу нейронной сетью был разработан первый в мире законопроект, полностью написанный с помощью искусственного интеллекта ChatGPT. Данный закон «позволяет муниципалитету не взимать с налогоплательщиков плату за замену счетчиков воды в случае их кражи. Документ одобрен советом и подписан мэром»[618]. Интересным фактором является то, что, мэр, члены горсовета и граждане узнали, что законопроект разработан ИИ только после его принятия. Росарио в интервью порталу G1 заявил, что «стратегия заключалась в том, чтобы не говорить никому, что это сделал искусственный интеллект». По его словам, все стали свидетелями эксперимента, и в ближайшее время благодаря ИИ общество ждет «революция в различных областях». При этом, отметил Росарио, «политики не могут оставаться в стороне от этих изменений»[619].

Передовым шагом в движении к технологическому будущему стало то, что Бразилия первой перешла на полное электронное голосование. Однако не смотря на все «за» есть и определенное недоверие к электронному голосованию. Объективной причиной может выступать фактор ошибки подсчета электронными

---

[618] https://rg.ru/v-brazilii-priniali-pervyj-v-mire-zakon-razrabotannyj-nejrosetiu.html (дата обращения: 20.12.2023).

[619] https://rg.ru//v-brazilii-priniali-pervyj-v-mire-zakon-razrabotannyj-nejrosetiu.html (дата обращения: 20.12.2023).

машинами результатов выборов или возможность хакерских атак. Субъективный фактор можно рассмотреть на примере выборов президента Бразилии в 2018 году, «когда путем несложных манипуляций был вызван диссонанс воли избирателя и его волеизъявления на выборах»[620]. Использовался ложный ассоциативный ряд, в социальных сетях распространялись изображения кандидатов с не их номером, который сохранялся в памяти у избирателя. Затем в процессе голосования оказывалось что под этим номером его оппонент и голос отдан ошибочно. Таким образом, электронное голосование не получило полноценного доверия у избирателей.

Итак, Бразилия является самой крупной страной Латинской Америки и обладает большим экономическим потенциалом, ввиду значительной территории, плотности населения, ресурсов. Следует отметить что социальное доверие пронизывает все сферы государства и общества. Оно является пусковым механизмом в ускоренном развитии экономики, ввиду снятия напряжения и трения между участниками экономических отношений. Осознание роли образования и работа над взращиванием социального и человеческого капитала способствует к росту доверия внутри страны, а также экономическому развитию.

Ресурс правового доверия граждан к органам власти Бразилии реализуется посредством создания цифровых платформ. Используя инструмент вовлечения пользователя органы власти добились высоких результатов доверия граждан. Для поддержания доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов, был создан «Правительственный портал», направленный на поддержание «прозрачности» правительственных расходов Федерального Правительства Бразилии[621].

---

[620] Старостина И.А. Старостенко М.В. Выборы федерального Президента Бразилии 2018 года: новые технологии в действии // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С.23-27.

[621] Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т.77. № 3. (208). С. 107 – 115.

Значительными особенностями в аспекте социального доверия отличается Индия[622]. Государство, в котором находятся в гармонии роста, казалось бы, противоположные тенденции. В частности, приверженность традициям сочетается с активным развитием технологий и внедрением инноваций. Индия заняла 40 место в рейтинге Глобального инновационного индекса в 2022 году. Несколько городов Индии вошли в топ 100 научно-технологических кластеров мира[623]. При этом в Индии сохраняется выраженный социальный дисбаланс, проблема бедности и голода, что не помешало Индии стать основным конкурентом Китая по численности населения. Несовершенная система здравоохранения, которая сильно варьируется по уровню оказания услуг от штата к штату сочетается с фактом того, что Индия себя позиционирует на внешнем рынке как «мировая аптека». Экономика Индии считается одной из быстро развивающихся в мире, не смотря на довольно высокий уровень коррупции, который пока не удалось искоренить.

Долгие годы Индия была колонией Великобритании, лишь активное противостояние сделало государство вновь независимым в 1947 году. Не смотря на колониальное прошлое и радикальные попытки искоренить все с ним связанное, в индийском обществе был найден баланс. Демонстративная попытка позиционировать себя как независимое самодостаточное государство с одной стороны, с другой же – тот факт, что помимо нескольких языков на которых разговаривает населении Индии в Конституции закрепляется английский язык. Это делает Индию комфортным деловым партнером для стран англосаксонской группы.

Одним из компонентов успеха является ресурс социального доверия. «Edelman Trust Barometer» по данным за 2024 год ставит Индию на передовое место в мировом доверии к бизнесу и НПО. Это развитие подчеркивает

---

[622] Володина С. В. Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т.19. № 9 (166). С. 158 -166.

[623] Global Innovation Index 2022. (Дата обращения: 10.02.2024).

динамичную роль страны в формировании мирового восприятия и доверия к учреждениям [624].

Обозначим ключевые тренды которые сейчас просматриваются:

1. Развивающиеся страны превосходят развитые в вопросах уровня доверия, так например в глобальном рейтинге доверия Китай занимает первое место;

2. Уровень доверия к органам государственной власти и СМИ повсеместно снижается. «Индия занимает 4-е место в доверии общества к СМИ и 5-е в доверии к правительству в масштабе всего мира» [625].

Недоверие экономически не выгодно и влечет за собой обширный перечень расходов в том числе на функции контроля. В связи с чем интересен опыт создания и развития идеологии доверия на примере Индии которая является членом BRICS.

Разделяй и властвуй этим принципом пользовалась Британская империя, чтобы получить контроль над большой территорией Индии. Завоевывая «доверие» по частям, чему способствовало отсутствие сильной центральной власти. Британии удалось установить контроль в целом над Индостанским полуостровом. Индия это мультиэтническое государство, своего рода эклектика из представителей различных рас, этносов и религий, но с довольно-таки сильным обще-индийским самосознанием и кастовой солидарностью.

Освободившись от колониального бремени, Индия за основу взяла британскую парламентскую модель с одним исключением: если Британия является парламентской монархией, то Индия парламентской республикой. Федеративное территориальное устройство продиктовано не только внушительными размерами Индии (занимает 7 место в мире), но и историческим этноконфессиональным разнообразием, не смотря на все это индийский федерализм носит высокоцентрализованный характер. Еще одна особенность это

---

[624] https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240117/global-trust-leadership-india-scores-high-in-business-and-ngo-confidence-in-2024-edelman-trust-barometer (Дата обращения: 10.02. 2024).

[625] https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240117/global-trust-leadership-india-scores-high-in-business-and-ngo-confidence-in-2024-edelman-trust-barometer (Дата обращения: 10.02. 2024).

дуализм центральной исполнительной власти, в лице Президента и Премьер-министра.

Индия с экономической точки зрения имеет все шансы стать абсолютно самодостаточной в том числе благодаря многочисленному населению. Все это подкрепляет выбранный вектор движения индийского правительства националистической направленности. Политика, которая сейчас проводится, могла бы идти под лозунгом: «Внутренние возможности вместо внешних зависимостей». «Индия должна быть самодостаточной, независимой страной, в таком случае она будет определять XXI век» – из выступления премьер-министра Нарендра Моди, выдвинувшего пять основных направлений успеха страны на этом пути: экономика, инфраструктура, высокие технологии, демография и рост спроса»[626].

Помимо граждан, проживающих внутри страны, индийская диаспора входит в том 5 самых крупных мировых диаспор. Миграция населения является одной из причин появления диаспор. Миграция как явление характеризуется переселением людей из одного места в другое, она представлена различными типами (внешняя и внутренняя, постоянная и сезонная и тд.). В связи с этим фундаментальный интерес вызывают процессы, когда граждане массово покидают свое государство, это требует обстоятельного анализа. Что сподвигает граждан Индии к переселению и почему они зачастую с лёгкостью делают шаг в неизвестное?

Удачное сочетание исторически сложившихся особенностей может стать одним из ответов на этот вопрос. Так, например: владение английским языком помогает в международных коммуникациях, способность работать в атмосфере кросс-культурного разнообразия, а так же готовность к кропотливому труду как национально-культурная черта, это то что делает мигрантов из Индии интересным контингентом для англоговорящих странах.

---

[626]PM Modi shares 5 pillars that will make India self-reliant in Covid-19 times. India Today. 2020. 12 May. URL: https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-speech-5pillars-atm-nirbhar-india-self-reliance-covid-19-lockdown-1677293-2020-05-12 (Дата обращения 10.02.2024).

Заслуживают внимания данные, что «индийское сообщество в США удерживает лидерство по доходу на человека среди всех диаспор в стране, поскольку оно главным образом состоит из высококвалифицированных специалистов»[627]. Включенность диаспоры в политические и деловые круги не тождественно развитию про индийского лоббизма, что, несомненно, нивелирует напряжение среди местных властей. Еще одной важной чертой индийской диаспоры является выраженная самоидентификация, что подразумевает отсутствие желания в эмиграции разорвать связь с Родиной.

Конституция Индии 1950 года, весьма объемна, и включает в себя преамбулу, 448 статей, 12 приложений, в нее внесены 103 поправки. В конституцию Индии ее основатели постарались погрузить все самое лучшее на их взгляд из конституций других прогрессивных на том этапе времени государств. Крайне простой порядок внесения поправок в конституцию сделали ее максимально «гибкой» в духе времени перемен. В Конституции Индии содержатся статьи, включающие в себя положения о доверии. Так, например: статья 261 пункт 1: «На всей территории Индии оказывается полное *доверие* публичным актам, документам и судопроизводству Союза и каждого Штата»[628]. Это очень важный пункт ввиду федеративного устройства, который призван централизовать и в тоже время обеспечить взаимодействие федеральной власти и властей штатов.

Статья 18 пункт 3: «Ни одно лицо, которое не является гражданином Индии, пока оно занимает какую-либо оплачиваемую государственною должность, требующую *доверия,* не вправе без согласия Президента принимать какой-либо титул от иностранного государства». Пункт 4 этой же статьи: «Ни одно лицо, занимающее какую-либо оплачиваемую государственную должность или государственную должность, требующею *доверия*, не вправе без согласия Президента принимать каких-либо даров, вознаграждений или назначений на

[627]Thomos S. (2018) Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States // Interventions. Vol. 21 № 2. Pp. 255-272.
[628]https://Legalns.com/download/books/cons/india.pdf (Дата обращения: 10.02.2024).

должность любого рода от иностранного государства»[629]. Эта статья в большей мере посвящена возможности доверять лицам, занимающим государственные должности, как со стороны государства, так и со стороны граждан в вопросах коррупционной составляющей.

Коррупция многовековое явление, бороться с ней тоже, самое, что бороться с природой человека, а значит нужно прилагать усилия не в разветвлённые ветви проблемы, а в ее корни, а корни в культуре. После ухода английских колониальных властей элиты Индии вступили в противостояние за лидерство. Итогом стал раздел структур и финансовых потоков. Для общества это не было секретом, воспринималось на том этапе времени терпимо. Радость от осознания свободы от колониализма заставляла ценить новую власть. Согласно исследованию Global Corruption Barometer, «Индия имеет один из самых высоких уровней взятничества в мире: почти 70% опрошенных сообщили, что, обратившись за государственными услугами, вынуждены были заплатить взятку»[630].

Многие государства начали осознавать необходимость борьбы с коррупцией, даже если общество терпимо к ней, коррупционная составляющая исключает приток внешних инвестиций, что затормаживает экономическое развитие страны, а также роняет ее имидж на мировой арене. Мало обеспеченные слои населения невольно поддерживают существование коррупции; укрепление среднего класса тяготеющего к англосаксонской культуре и стандартам поведения пытается изменить эту ситуацию в Индии.

Здесь включаются те же механизмы контроля, что и по отношению к гражданам применяет государство, переводя все в цифровую среду. Доверяю только тому, что вижу, что контролирую. Меры по обеспечению прозрачности работы органов управления, являются важнейшими направлениями борьбы с коррупцией. Создание независимых антикоррупционных органов, формирование

---

[629]https://Legalns.com/download/books/cons/india.pdf (Дата обращения: 10.02.2024).

[630]People and Corruption: Asia Pacific (2017) Transparency International. Available from: transparency.Org/whatwedo/publication/people_and_corruption_asia_pacific_global_corruption_barometer. (Дата обращения: 10.02.2024).

атмосферы нулевой толерантности к коррупции, подотчетность и прозрачность государственного аппарата все это может искоренить коррупцию, при одном условии, если это будет действительные осознанные движения, а не проекты на бумаге.

Цифровизация государств представляет собой противоречивое и рискогенное явление XXI века, где комфорт и вовлеченность обмениваются на безграничный доступ к персональным данным субъекта.

Организацией Объединенных наций в 2001 году был запущен проект по исследованию индекса развития электронного правительства, проводимый раз в два года (E-Government). Что в свою очередь было нацелено не только на сбор данных и аналитику, но и на стимулирование развития цифровой среды среди 193 государств членов ООН. По результатам исследования в 2024 году Индия занимала 97 место. Эксперты ООН отмечают прогресс Индии, связанный с реализацией и интеграцией национальной системы биометрической идентификации Aadhaar в государственные цифровые сервисы.

Желание контролировать, а в последнее время и анализировать, чтобы лучше прогнозировать является естественным для государственной власти, но тенденции таковы, что сейчас все идет с приставкой smart или soft. Чтобы интегрировать жесткий контроль в демократическую среду он должен быть «умным» и «мягким». Индийское общество по количеству граждан соизмеримо с китайским, но в отличие от него не готово воспринять жесткую риторику напрямую от органов государственной власти.

Разнообразие языков, культур, религий, каст безусловно ведет к разобщенности общества и требует больших усилий от государства в вопросах консолидации. Ввиду высокой плотности населения для властей Индии безусловно важно контролировать ситуацию и вовремя нивелировать барьеры в коммуникациях и работать над сокращением социального разрыва. Как взрастить доверие, убрать барьеры и сократить социальный разрыв в обществе?

Путем активного вовлечения в деятельность государства гражданского общества. Для реализации данной задачи в 2014 году начал работу «портал My

Gov – платформа Правительства Индии для гражданского участия»[631]. Данная платформа обеспечивает вовлеченность граждан в процесс широкого обсуждения по таким значимым темам как: «здоровая Индия», «чистый Ганг», «образование для девочек».

Цель этой платформы показать возможность партнерских отношений между администрацией страны и гражданами в вопросах государственного строительства. Реализованность политической и социальной активности дает позитивный импульс, ощущение что тебя слышат и с твоим мнением считаются, а значит все в твоих руках. Это благоприятно влияет на сознание человека переводя его из пассивного положения в активное. Контролируемое, можно сказать порционно-дозируемое вовлечение становится шагом навстречу который должен нивелировать границы между: «мы - государство» и «они – народ».

Сближение через регулярный диалог и вовлечение в общее дело способствует взращиванию доверия. «Широта охвата участия ставит эту инициативу в ряд особенных и даже уникальных. Цифры участия, по данным портала, выглядят следующим образом: более девяти с половиной миллионов пользователей, которые вносят свои идеи в дискуссии, а также участвуют в различных целевых задачах, более десяти тысяч сообщений в неделю по различным вопросам, анализирующихся и объединяющихся в качестве предложений для соответствующих департаментов, которые могут преобразовать их в повестку дня»[632].

Очень часто можно встретить работы посвященные доверию/недоверию к органам власти, выборам и т.д.. Однако есть и другой глобальный тренд это вопрос доверия/недоверия государства относительно общества. Подтверждением становится именно цифровое поле, где граждане вовлечены, но «слепы» (не видят общей картины только поле своего личного электронного кабинета) с комфортом,

---

[631]URL: https://www.mygov.in/ (дата обращения: 10.02.2024).

[632] Погодина И.В. Манохин В.С. Платформы органов власти как инструменты электронного участия: зарубежный опыт// Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12.

но «обнажены» (не защищены в полной мере от утечки своих персональных данных, которые компактно собраны в одном месте).

Вслед за развитием цифровизации населения встает вопрос о кибербезопасности и конфиденциальности. Достаточно лишь одной серьезной утечки или потери данных чтобы подорвать доверие граждан и к сервисам и к государству. Также подтверждением вышеописанных процессов является тот факт, что «26 марта 2020 года корпорация Microsoft Билла Гейтса, на самом пике пандемии и самоизоляции, получила от Всемирной организации интеллектуальной собственности очередной патент, предоставляющей ей право анализировать и отслеживать все формы активности человека»[633].

Крупнейшей в мире системой биометрической идентификации является Aadhaar в Индии. В ней храниться информация практически о всех гражданах, в виде биометрических данных. Парламентом Индии в 2000 году был принят закон № 21: «Information Technology Act, ITA[634] касающийся киберпреступности и электронной торговли и регулирующий правоотношения в сфере информационных технологий.

Как известно именно критические или кризисные ситуации оголяют проблемные области, которые до этого долгое время могли иллюзорно казаться эффективными. Кризис пришедший в связи с COVID-19 оказался испытанием на прочность многих систем и толчком в развитии цифровых сервисов. Если раньше на первый план выходило недоверие, как ко всему новому, то пандемия стала драйвером продвижения идеи «гибридного будущего» активизировав процесс погружения граждан всех возрастов в цифровое пространство. Так например количество стран предоставляющих цифровые услуги в сфере образования выросло на 22% в 2022 году[635]. Доступность массовому потребителю,

---

[633] Михель Д.В., Михель И.В. Пандемия COVID-19 как глобальный кризис: взгляд азиатских экспертов // Россия и мир в XXI веке. 2022. С.67-84.

[634] The Information Technology Act, 2000. Act. № 21 of 2000. India, 09 June 2000. 36p. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1999/3/A2000-21.pdf (Дата обращения: 10.02.2024).

[635] См.: https://www.tadviser.ru/index.php/(Дата обращения: 10.02.2024).

возможность удаленно получить услугу, экономия времени, вовлеченность, как пример победы комфорта над недоверием.

24 марта 2020 года премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил локдаун в стране. Это было не простое решение, с шлейфом экономических последствий. «В первом квартале 2020 финансового года ВВП Индии упало на 23,9%, что стало худшим показателем среди всех стран мира»[636]. Индия подобна Китаю по количеству населения, но перенятие эффективного опыта Китая в вопросах локдауна не возможно ввиду того фактора, что индийское общество менее дисциплинированно и привыкло к демократической системе управления страной, где любые радикальные перегибы будут восприняты остро и перетекут в активную медиа дискуссию. Положение Индии было чем то схоже с Бразилией. Сильный диссонанс между элитами и простым населением, большой процент людей который привязан к ежедневному неофициальному заработку, как единственному средству существования, сложности с доступной медициной в зависимости от штата. Что безусловно усложняло работу правительства особенно в начале.

Пандемия COVID-19 – это экзамен на социальную ответственность, на доверие к тем, кто управляет и выбирает путь, на доверие к специалистам и экспертам в тех областях, которые особенно необходимо поддерживать на высоком уровне в сложившейся ситуации, например: медицина и фармакология, экономика, социальная и продовольственная сфера и тд. Пандемия не была подвластна никаким границам и являлась проблемой мирового, глобального масштаба. Значит на первый план выходит актуальность глобального сотрудничества, обмена технологиями и опытом. Но все это невозможно представить без доверия к информации которую получаем от контрагентов.

Нам легче доверять, когда мы знаем ответ на вопрос, который мы задаем и тогда мы можем сопоставить и проверить верность суждений. Особенно на первых этапах коммуникации, как бы абсурдно это не звучало, работает принцип:

---

[636] Захаров А.И. Внешнеполитические последствия пандемии коронавируса для Индии//Россия и современный мир. 2022. №4. С. 184-205.

доверяй, но проверяй! Ввиду тотального глобального недоверия на первый план выходит «экономика знаний» этот термин был введен в 1969 году Питером Друкером в книге «Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества». В этой книге подчеркивается роль знаний для прорывного развития экономики.

В глобальной инновационной экосистеме каждый игрок (на уровне государства) хочет занять свою нишу. Индия старается не отставать от этой гонки, постепенно внедряя новые технологии. В Индии большой процент молодого населения, что делает вопросы образования, науки, инноваций и цифровизации логичными и своевременными. Проверить истинность вектора движения в сторону экономики знаний довольно просто для нее характерен рост расходов государства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Человеческий и кадровый капитал является основным приоритетом для всех стран участниц BRICS.

Ганс Моргентау определял силу как «рычаг мирового регулирования, власть над умами и действиями людей»[637]. Можно сказать что сила это способность влиять и вводить в зависимость. Но у всех этих терминов очевидно негативный подтекст. В соответствии с мировыми тенденциями распространяемыми мировыми СМИ на первый план выходит мягкая сила, дипломатия, гуманитарная повестка и т.д. Даже в случае с доверием все чаще ставится вопрос не о влиянии, а о взращивании доверия.

Доверие многогранно, многослойно, многоуровневое явление буквально пронизывающее всю нашу жизнь и все сферы. Оно может присутствовать на одном уровне и отсутствовать на другом, накапливаться и угасать, быть взращённым или проявится в определенные кризисные периоды. Доверие общества к государству и наоборот; доверие к бизнесу, СМИ, ИИ, медицине, все эти темы все чаще поднимаются и обсуждаются, ведь для доверия важно понимание и отсутствие пробелов.

---

[637] Morgenthau H. Politics among Nations. 4-d ed. N.-Y.: Knopf, 1967. - P.97.

Ввиду последних тенденций государства для отстаивания своих позиций и лоббирования своих интересов на мировой арене предпочитают объединяться в союзы или содружества. Но уровень влияния и признанности этих коалиций не всегда напрямую зависит от набора либо количества стран участниц. Принципиально важным становятся тандемы со слаженной работой и поддержкой стран внутри таких объединений. Очевидно доверие и здесь выступает краеугольным камнем.

Из чего складывается доверие на уровне государства по отношению к другому государству? Первое это история, так на пример отношения между Индией и Китаем являются сложными, можно сказать даже контрастными, как все присущее Индии. С одной стороны, Индия и Китай вместе входят в BRICS, им присуща определенная со зависимость в экономических аспектах, но есть и историческая память поддерживаемая работой СМИ о военных действия и столкновениях ввиду спорных территорий. 15 июня 2020 года в Гималаях между индийскими и китайскими военными произошел инцидент, унесший жизни военнослужащих с обеих сторон. С 1975 года до такого состояния обстановка не обострялась, не смотря на давний территориальный конфликт между двумя государствами. Данное столкновение с жертвами только возродило недоверие между странами.

После поражения Индии в войне 1962 года уровень доверия к Китаю в восприятии граждан Индии упал и сохранилось настороженное отношение к усилению его позиций. Мудрый правитель понимает, что стабильная внешняя среда содействует внутреннему развитию страны. Так например П.А. Столыпин более 100 лет назад сказал: «Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Наверное именно поэтому не смотря на все пограничные споры прагматический подход в вопросах развития государства который поддерживают лидеры обоих стран не позволяет им погружаться в рецессию.

Сотрудничество, соперничество, со зависимость и приграничные конфликты так можно было бы описать взаимоотношения между Индие и Китаем.

В далеком прошлом Индия занимала на карте мира большую площадь, но после колонизации, а затем обретения независимости полуостров Индостан был поделен на Индию и Пакистан. Два государства с когда-то общей территорией, но разными религиями. Отношения осложняются тем что остаются территориальные конфликты (Кашмир, Джамму и др.) и тем что Пакистан обрел покровителя в лице Китая. Пакистан предоставил транспортные коридоры Китаю для реализации инициативы «один пояс один путь», тем самым обострив ситуацию и без того в сложной, спорной области. Так же Пакистан по приглашению Пекина является кандидатом на вступление в BRICS.

Отношение между Индией и Россией были самыми продуктивными и доверительными в период с 1970 по 1980-х годах когда СССР был второй экономикой мира. Для Индии вопросы доверия сейчас находятся не на первом месте первостепенно это партнёрство с сильными государствами которые могут обогатить Индию технологиями, ресурсами, возможностями и инвестициями. Политические элиты Индии видят отношения без внушительного экономического базиса, как неполноценные, в тоже время государства с постоянно растущим товарооборотом видятся как обреченные на сближение.

Здесь срабатывает азиатский принцип выгоды и представление о том, что сильная стабильная экономика равно могуществу государству, а значит и доверию к выбранному лидеру государства и его стратегии роста и процветания. Индийское общество довольно закрытое, доверие может присутствовать лишь внутри общины, но не выходя за ее пределы, поэтому выстраивая отношения на междурядной арене основной акцент делается на математический расчет и если он интересен, то даже некомфортный в историческом ключе партнер станет приемлемым. Индия как государство с колониальным прошлым пришла к идеи стратегической автономии, поэтому не старается выстраивать союз и доверять одной сильной державе дабы не повторить историю. Интересен опыт Индии по выстраиванию партнерских отношений на основе прагматичных подходов, которые помогают преодолевать дисбаланс доверия.

Индия действительно может стать абсолютно самодостаточным государством с экономической точки зрения ввиду не просто большого количества населения, но значительного количества молодежи, что повышает производительность и покупательскую способность и сокращает социальное бремя. Основной задачей остается сокращение дисбаланса между богатыми и бедными и увеличение среднего класса который должен стать опорным для государства и нивелировать коррупцию благодаря чему продвинуть Индию в международном рейтинге доверия стран для ведения бизнеса и инвестирования в проекты. По данным подготовленного доклада госдепа об инвестиционном климате Индия названа «сложным местом для ведения бизнеса» (challenging place to do business)[638].

Цифровизация важная составляющая настоящего и будущего Индии. Более миллиарда индийцев имеют доступ к смартфонам, в связи с чем очевидным становится что потребление данных является одними из самых высоких в мире. Это обязывает государство, с одной стороны, контролировать данную область, с другой, развивать ее обучать граждан в этом направлении и делать эту среду безопасной развивая доверие на новом технологическом уровне[639].

Для России интересен опыт Китайской народной республики[640]. Исследование процессов, происходящих в китайском обществе имеет значение для России не только в контексте понимания развития актуальных процессов соседнего государства, но и также для того, чтобы понять особенности развития собственно российского общества в сравнительном аспекте. Россия и Китай имеют высокую взаимную потребность как центров многополярного мира, все это обусловлено следующими обстоятельствами:

---

[638] См.: 2021 Investment Climate Statements: India // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/india (Дата обращения: 10.02.2024).

[639] Володина С. В. Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т.19. № 9 (166). С. 158 -166.

[640] Володина С.В. Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект // Lex Russica. (Русский закон). 2025. Т.78. № 10. (227). С. 82 – 89.

Во-первых, общность исторического прошлого, что выражалось в конструировании социально-политического и экономического будущего в соответствии с марксисткой идеей.

Во-вторых, совместная работа в настоящем времени по преодолению геополитических рисков и формированию нового многополярного миропорядка.

В-третьих, схожие черты социокультурных миров России и Китая, роли традиционных ценностей в формировании устойчивых мировоззренческих оснований.

В условиях актуализации данных обстоятельств, вопросы исследования доверия приобретают особую значимость, так как отмечает А.В. Семенов, «в российско-китайском взаимодействии понятие «доверие» является базовым признаком, который вместе с понятием «равноправие» характеризует партнерские отношения между двумя странами»[641].

Социальное доверие представляет собой институционализированный процесс, который отличается многомерностью и многовекторностью. Важнейшим измерением здесь выступает правовое, которое оформляет систему доверительных отношений и связей в реальность, функционирующую в соответствии с нормами, правилами. В этом случае доверие есть ожидание субъекта, имеющее нормативно-ценностную выраженность. Институциализация оказывается процессом, связанным с миром ценностей общества, а исследование проблематики доверия, его возникновения и существования, приводит к утверждению роли культуры и ее ценностей в возникновении и развитии данного феномена. Ценности фиксируют в себе наиболее предпочтительные и значимые представления, служат основой для социального консенсуса, выступают едиными позициями, вокруг которых выстраиваются социальные взаимодействия, реакции, действия. Применяя потенциал структурно-функциональной концепции Т. Парсонса отметим, что в данном случае институт выступает как система

[641] Семенов А.В. Проблема доверия между Россией и Китаем в ковидную и постковидную эпоху // Восточный альманах. Сборник научных статей. Том Выпуск VI. Дипломатическая академия МИД РФ. Москва, ООО «Квант Медиа». 2022. С. 127 (С.125-140).

воспроизводства ценностных образцов, а сами ценности, отражающие коллективные представления, есть правила или критерии выбора социального действия.

В этой связи возникает две возможные интерпретации данного процесса. С одной стороны, правовая институциализация как формирование системы правовых правил и норм выступает как своего рода «каркас», определяющий упорядоченность динамики доверия с опорой на формальную закрепленность, что делает устойчивым саму практику отношений доверия в обществе. А с другой стороны возникает риск считать правовую институциональность заменой доверия, которая активируется в ситуации возникновения потенциальных рисков недоверия.

Категория доверия становится принципиально значимой во взаимодействии России и Китая и для ее понимания необходимо обратиться к социокультурному миру. На XX съезде Коммунистической партии Китая в своем докладе Си Цзиньпин среди перечисленных идей, сформированных на протяжении многовекового развития культуры Китая, наряду с такими как «управлять государством с помощью добродетели»,.. «неустанно усиливая себя, [благородный муж] с помощью добродетели [добивается успеха] в подчинении вещей», была обозначена идея «сохранять *доверие,* создавать добрососедство»[642].

Роль культуры в определении повестки развития китайского общества невозможно отрицать и само китайское государство и общество в процессе своего длительного развития были детерминированы социокультурными факторами. Это развитие обеспечивало преимущественно ход постепенных изменений, возможность формирования долгосрочных стратегий развития. Си Цзиньпин в докладе XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, характеризуя роль культурных оснований в развитии китайской цивилизации отмечает, что «содержащиеся в ней (выдающейся традиционной культуре Китая) идеи... являются важным воплощением взглядов китайского народа на

[642] Жэньминь жибао. 26.10.2022

Вселенную, Поднебесную, общество и мораль, которые были сформированы им в производственной деятельности и в жизни в течение длительного времени»[643].

В тоже время исследователями отмечается тенденция, представляющая собой вызов для политико-правовой системы Китая. П.В. Трощинский фиксирует сложившееся в Китае отношение к закону как к писанному праву, которое можно охарактеризовать как нигилистическое, что является главным, как подчеркивает автор, препятствием для достижения верховенства права в современной Поднебесной. Исследователь отмечает, что данное «негативное отношение к закону характерно для традиционного китайского общества, поэтому для Си Цзиньпина борьба с этим явлением выходит на передний план в деле построения социалистического правового государства с китайской спецификой»[644].

Традиционные ценности культуры Китая всегда играли определяющую роль в конструировании социальных отношений, и доверие, возникающее на их основе – приоритетно. Так А.В. Ломанов, цитируя Лю Сянь Чжуна (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН) отмечает его вывод о том, что «юридически оформленных союзных отношений недостаточно. Политическое взаимодоверие и единство стратегических интересов не менее важны»[645]. Это подтверждает нашу выше обозначенную позицию о роли доверия в обеспечении эффективных межгосударственных отношений даже в случае наличия формально-юридических договоренностей.

Тысячелетиями поэты, философы, общественные и государственные деятели снискавшие себе доверие в глазах общества доносили вербальными и не вербальными методами до граждан, что считать справедливым, что благом для народа, тем самым настраивая людей определенным образом относиться к

---

[643] Текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. 2022-10-25. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 31.12.2024).

[644] Трощинский П.В. Первая сессия ВСНП 14-го созыва и законодательное развитие КНР //Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография / гл. ред. К.В. Бабаев, А.В. Лукин; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2023. 432 с. (С.37).

[645] Ломанов А.В. Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. 2020. Том 25. № 25. С. 38 (С.34-50).

внутренней и внешней политической обстановке, оценивая действия или бездействия по тем или иным животрепещущим вопросам.

В настоящее время в целях упрощения процедуры управления общественным мнением, что особенно активно используется на международной арене, применяется создание «имиджа как иллюзорного отражения того или иного явления»[646] или развитие стереотипного мышления.

Формируя негативный образ зарубежного государства в глазах своих граждан и мирового сообщества можно добиться двояких результатов: либо консолидации общества внутри своей страны против исходящей из-за рубежа риторики или упаднических настроений и снижения уровня доверия к власти внутри страны против которой направлена данная риторика. В этом плане Китай находится в более выигрышном положении, так как при всей своей экономической открытости на ментальном уровне является закрытым от внешнего мира, деля всех на «свой» - «чужой». Возможно именно поэтому мнение мирового сообщества не так много значит для граждан Китая, как мнение чужака который не понимает их, а значит и суть дела. Несмотря на меньшую подверженность внешнему влиянию государство пытается защитить китайское население от формирования ложных ценностей.

На данном этапе китайский рынок привлекает внимание зарубежных инвесторов и дело не только в плотности населения, а значит хорошем рынке сбыта товаров и услуг, но и в том, что руководство Китая вовремя смогло понять что прозрачный рынок вызывает доверие и способен привлечь новые зарубежные инвестиции необходимые для развития экономики страны, но так было не всегда.

Недобросовестный бизнес и коррупция это не только про внутренние финансовые и репутационные потери, но и про стагнацию в вопросах привлечения средств и технологий из-за рубежа. Проведя огромную работу чтобы сделать эту сферу привлекательной и притягательной для зарубежных инвесторов, Китай представил инструмент в виде прозрачного рынка так же

[646] Феофанов А.О. Реклама. Новые технологии в России: Психология рекламы. Формирование имиджа. Политическая реклама.-СПб.,2004.,С79.

дополнив его инструкцией в виде того что можно и что нельзя делать иностранной компании на территории Китая. Тем самым оберегая своих граждан от влияния извне и обозначая границы гостеприимства.

В свою очередь зарубежным контрагентам приходится мириться с правилами игры, чтобы сохранить свое присутствие на китайском рынке. Так, например: «корпорация Apple позволяющая себе игнорировать законные требования российских властей, совершенно по другому подходит к выстраиванию своей работы в Китае, стараясь реагировать с опережением на любой инфоповод или сбой который может быть расценен китайской стороной как недопустимый в рамках строгих китайских законов»[647].

М. Фуко французский философ в своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» писал: «дисциплины можно добиться посредством всестороннего контроля». А идеальная власть та, которая способна постоянно следить за индивидом или заставлять человека думать, что за ним следят. «Дисциплинарная мечта, в которой воплощается стремление власти все видеть, оставаясь невидимой и все учитывать, оставаясь анонимной»[648].

Китайское государство не стало исключением в этом вопросе и даже вывело его на новый уровень. В 2014 году Правительство Китая впервые опубликовало план внедрения системы социального доверия, где основная цель — «построение гармоничного социалистического общества».

«В систему включены четыре области:

- честность в государственных делах
- коммерческая целостность
- общественная целостность

---

[647] Jack Nicas, Raymond Zhong and Daisuke Wakabayashi. Censorship, surveillance and profits: A hard bargain for Apple in China [Цензура, слежка и прибыль: тяжелая сделка для Apple в Китае] // New York Times. May 17, 2021. URL: https://www.nytimes.com/2021/05/17/technology/apple-china-censorship-data.html
(дата обращения: 31.12.2024) (на англ.яз.).

[648] https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1772892158&tld=ru&lang=ru&name=7510-Fuko (дата обращения: 31.12.2024).

- судебная достоверность»[649]

Идея социального контроля не нова, но восприятие данной тематики разнится не только в зависимости от времени, когда она выдвигалась, но и от места. Отношение к социальному контролю на Западе и Востоке до сих пор не совпадает. Менталитет китайцев отличен от европейского, от европейской морали, основанной на внутреннем нравственном законе, по мыслям или намереньям каждый сам для себя главный нравственный судья. Для граждан Китая важно общественное мнение, когда сограждане оценивают друг друга по поступкам и формируют мнение о благонадежности или предсказуемости партнера.

Для китайского общества свойственен симбиоз конфуцианской традиции и идеологии коммунизма дополняемый низкой атомизацией общества и общности, а также размытие грани между личным и коллективным. В связи с чем граждане Китая более готовы обменивать приватность частной жизни на социальные и репутационные блага такие как доверие от государства, бизнеса и общества, которое и является главной привилегией! В 2023 году появилась «китайская сеть магазинов, где люди с высоким социальным рейтингом могут бесплатно получать продукты питания и другие товары за счёт увеличенных налогов для граждан с низким социальным рейтингом»[650].

Суверенный интернет и цифровая экономика – безопасность объектов критической инфраструктуры это, то на что сейчас нацелены передовые государства; то пространство, на котором ведется борьба за внедрение новых технологий, динамичное принятие которых невозможно без ресурса доверия. Необходимость наращивания технологического суверенитета обеспечение его стабильного развития в необходимом направлении – ключевая цель. Каждое государство понимает и декларирует это, но важно от имитационного типа развития перейти к инновационному. При это в Китае вопрос внутренней

---

[649] 国务院关于印发社会信用体系建设 规划纲要（2014—2020年) (кит.). gov.cn (14 июля 2014). (дата обращения: 31.12.2024).

[650] https://rg.ru/2023/07/10/professiia-horoshij-chelovek.html (Дата обращения: 20.02.2025).

безопасности является одним из ключевых. Так, например, статья 7 «Закона о национальной разведке КНР» обязывает китайские технологические компании взаимодействовать с государственными службами и военными. «Тем самым государство нацелено обеспечить национальную безопасность Китая и минимизировать риск дипломатического и экономического давления со стороны других стран в последующем»[651].

Возвращаясь к пронизывающему все сферы жизни китайского общества – конфуцианству, можно сказать, что образование согласно данному учению – это ключ к повышению социального статуса. Но на занятие наукой нужно еще замотивировать, если есть потребность в ускоренном росте технологий и массовом включении кадров в этот процесс. Здесь, безусловно, требуются высокие расходы государства и стимулирование частного сектора по инвестированию в исследования и образование, а так же постоянная работа по совершенствованию законодательства в такой противоречивой сфере как ИИ. В Китае принят Кодекс этики искусственного интеллекта. В нем указано: «ИИ должен быть заслуживающим *доверия* и контролируемым, обеспечивающим честность и справедливость, повышающим человеческое благополучие, защищающим приватность и безопасность»[652].

Коммунистическая партия Китая на протяжении долгого периода сохраняет доверие граждан, что только укрепляет ее позиции в общественном сознании. От принципа Мао Цзэдуна «служить народу» до идеи Си Цзиньпина «ставить людей на первое место». Закрепление верховенства закона, наличие долгосрочной понятной стратегии, стабильный-последовательный прогресс, все это усиливает доверие общества к власти. Согласно Edelman Trust Barometer Китай стабильно входит в топ стран с высоким уровнем доверия к правительству. А одно из последних «исследований показало, что доверие к искусственному интеллекту (ИИ) гораздо выше в Китае (72%), чем в США

---

[651] Борисов А.В., Босов А.В., Жуков Д.В. Стратегия исследований и разработок в области искусственного интеллекта: государственная политика КНР // Системы и средства информатики. - 2022. Т.32 №1 С. 18-33.

[652] https://goo.su/Gk6ta (Дата обращения: 31.12.2024).

(32%)»[653]. Что в очередной раз продемонстрировало то на сколько китайское общество готово воспринимать новую риторику, подтверждая лозунг от «традиций к инновациям».

Опыт Китая как стратегического партнера России важен, так его понимание позволяет определить и основы межгосударственного взаимодействия, и получить представление о лучших практиках обеспечения социального доверия в стремительно меняющемся цифровизирующемся обществе Поднебесной. Пример китайского общества демонстрирует интеграцию традиционных и инновационных аспектов, когда институциализация доверия, в том числе правовая, осуществляется при обеспечительной функции традиционных ценностей. Исследование опыта Китая свидетельствует о значимости ресурса социального доверия в формировании и обеспечении развития правовых, политических, экономических институтов[654].

Итак, исследование законодательства и практики Бразилии, Индии и Китая позволило выявить общие тенденции развития правового и социального доверия стран БРИКС. В каждом из государств существуют особенности конституционно-правового развития, обусловленные историей государства, национальными традициями и социальным составом населения. Определено, что для правового и социального доверия важное значение имеют «политический менталитет», общественное сознание и развитие экономики.

Развитие потенциала доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов в государствах БРИКС обеспечивается посредством создания цифровых платформ. В Бразилии создан и действует «правительственный портал», направленный на поддержание «прозрачности» правительственных расходов Федерального Правительства Бразилии; в Индии – цифровая платформа Правительства для гражданского участия. В Китае внедрена

---

[653] https://www.ferra.ru/news/techlife/kitaicy-namnogo-silnee-doveryayut-ii-nezheli-amerikancy-analiz-edelman-14-02-2025.htm (Дата обращения: 20.02.2025).

[654] Володина С. В. Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект // Lex Russica. (Русский закон). 2025. Т.78. № 10. (227). С. 82 – 89.

система социального доверия, основанная на социальном и правовом рейтинге граждан, для «построения гармоничного социалистического общества».

Общей тенденцией государств БРИКС является развитие информационного общества, посредством внедрения цифровых технологий для обеспечения доверия граждан к «цифровой среде».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование раскрывает значимый регулятивный потенциал конституционного принципа доверия в процессе конституционализации Российской правовой системы. Раскрыты конституционно-правовая природа принципа доверия, формы его осуществления; изложена концепция содержания принципа доверия в системе основ конституционного строя России, обоснованная с позиции конституционных ценностей, взаимосвязи конституционных принципов, правовых позиций Конституционного Суда, законотворчества и правоприменительной практики.

Полученные научные результаты развивают науку конституционного права в аспекте теории конституционных принципов и конституционных ценностей, вносят посильный вклад в совершенствование методологии конституционно-правовых исследований.

В диссертации исследована социальная ценность доверия. Сформулирован вывод о значимости регулятивного свойства доверия в межличностных отношениях; доверие выступает общечеловеческой ценностью – абсолютным благом. Оно относится к смысложизненным ценностям, таким как добро и справедливость. Содержание доверия заключается в ожидании субъектом отношений адекватных (положительных) и предсказуемых действий со стороны иного субъекта (субъектов), готовность вступать в эти отношения, результатом которых должно быть общностное благо, являющееся целью отношений. Доверие формируется на основе эмоциональных, чувственных и умственных оценок личности; в своем итоге выражается через волевые действия субъекта.

Отмечается, что ценность доверия обладая свойством «абсолютного блага» проявляется в социокультурных отношениях - традициях, религиозных и иных правилах существующих в конкретных обществах. В силу социокультурных, цивилизационных отличий, доверие имеет различное содержание в схожих отношениях.

Сформулирован вывод о том, что доверие не является исключительно социально-психологическим феноменом. Оно имеет нормативные характеристики и становясь важным элементом правового регулирования. Правовая природа доверия проявляется в способности конкретизироваться в виде нормативных конструкций, правовых принципов, презумпций, иных нормативных предписаний. Отмечено, что доверие в праве - это не просто эмоциональная установка, которая возникает в ходе межличностного общения, а правовая категория, которая всегда сопровождается определенными действиями. Такая характеристика доверия в праве отличает от доверия в социологии и психологии.

Одним из основных отличий доверия в праве от других социально-гуманитарных исследований доверия, определяется его субъектно-объектным составом, где и субъектом и объектом доверия может выступать не только человек, но и государство, государственные органы, институты гражданского общества.

Сделан вывод о том, что если в основе социального доверия лежат нравственные, религиозные, иные социальные ценности, то в основе правового доверия – конституционные ценности. Они обладают свойством нормативности особого рода, не сводимой к нормативности принципа или нормы. Их нормативность обусловлена авторитетом и юридической силой Конституции. Конституционные ценности, имея оригинальное текстуально-формальное выражение, определяют: источник суверенной власти; значимость социальных, общественных и государственных явлений (институтов), обуславливающих конституционные отношения; разделяемые российским обществом блага; конституционные цели; предопределяют смысловое и юридическое содержание иных конституционных положений (принципов, норм, презумпций и т.д.).

Важнейшей основой правового доверия являются конституционные ценности. Проведено исследование конституционных ценностей. Содержится вывод о том, что в преамбуле Конституции Российской Федерации конституцируется особое условие и цель, выступающее основой государственного и общественного порядка и развития России – «гражданский

мир и согласие». Достижение этого состояния невозможно без правового доверия, существующего как во взаимодействии граждан и государства, так и в рамках общественных, гражданских отношений.

Доверие как конституционная ценность лежит в основе иных постулируемых преамбулой ценностей. Доверие является частью провозглашаемого конституционного правопорядка. Будучи отражением потребности государства и общества в создании конституционного правопорядка доверие как ценность служит достижению закрепленных целей развития, выступает критерием оценки деятельности органов публичной власти и институтов гражданского общества.

Значимой составляющей диссертации является обращение к природе конституционных принципов. Указано, что конституционные принципы отражают господствующее, выраженное в Конституции РФ представление о должном праве, основаниях и условиях его осуществления. Конституционные принципы заключают в себе логическую концентрацию правового материала на основе национальной практики, предшествующего опыта или заимствованного опыта зарубежных государств. Этим объясняется высокая абстрактность принципа, наряду с формальной определенностью. Идеи изложенные в виде конституционных принципов являются правилом, выражающим объективное право; они представляют собой требование, которое является одновременно целью и условием действия национального права и правоприменения. В тоже время, каждый конституционный принцип определяет границы правомерного поведения субъектов правоотношений. Именно поэтому принципам свойственна императивность. По своей юридической природе конституционные принципы не сводимы нормам. Они являются нетипичными правовыми предписаниями. В силу атрибутивных качеств конституционные принципы эксплицитно входят в содержание правовой системы, являясь ее «скрепами».

Особое внимание в диссертации уделено раскрытию содержания принципа доверия. Обосновано, что конституционный принцип доверия не сводится

исключительно к его трактовке как доверия граждан к государству и законодательству, а включает четыре взаимосвязанных аспекта:

- доверие граждан к государству, органам публичной власти, их актам и действиям;

- доверие государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности;

- доверие в системе публичной власти (во взаимоотношениях ветвей власти, органов, должностных лиц, иных субъектов публичного права);

- доверие во взаимодействии граждан, включая отношения в рамках институтов гражданского общества.

Совокупность этих четырех аспектов образуют общее содержание конституционного принципа доверия, получившего текстуальное выражение как принцип взаимного доверия государства и общества (Конституция Российской Федерации ст. 75^{1}). В единстве указанных аспектов достигается полнота идеи принципа, которая заключается в достижении стабильного и максимально возможного правового доверия государства и общества, выраженного в конституционной ценности - «гражданский мир и согласие», что служит основой поддержания конституционного правопорядка.

Сформулирован вывод о том, что конституционную основу принципа доверия составляет положение преамбулы о гражданском мире и согласии, а также положения статей 1, 2, 3, 5, 7, 10, 15, 17, 18, 19, 52, 53, 54, 55, которые обеспечивают устойчивость правовой системы и правовых отношений в указанных выше четырех аспектах принципа. Принцип выступает гарантом стабильности и предсказуемости правоотношений в государстве, отражает конституционную ценность взаимосвязи государства и личности через мир и согласие, основанную на взаимных конституционно обусловленных ожиданиях и ответственности. Обосновано, что принцип доверия, будучи основополагающим принципом основ конституционного строя России, опирающийся на верховенство Конституции Российской Федерации, означает, что действия участников правоотношений должны соответствовать правомерным ожиданиям участников,

возникшим в результате их собственных действий или законодательства, обеспечивая предсказуемость и стабильность правоотношений.

В диссертации последовательно раскрываются правовые характеристики четырех аспектов содержания принципа доверия.

В аспекте правового доверия граждан к государству, принцип доверия состоит в том, что государство (органы публичной власти), действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений законодательства, обязано учитывать и защищать обоснованные ожидания граждан, возникшие в результате его действий или законодательства.

Принцип доверия, в аспекте правового доверия государства к институтам гражданского общества состоит в том, что государство (органы публичной власти), действуя последовательно, предсказуемо и не допуская произвольных изменений статуса граждан (общественных объединений), признавая автономию, полагается на их разумность и добросовестность, сохраняя возможность осуществления контроля в законодательно установленных пределах.

В системе публичной власти, принцип доверия означает, что органы публичной власти действуют в рамках компетенции добросовестно, ответственно и согласовано, исходя из информационной открытости и подконтрольности /подотчетности.

Принцип доверия в среде гражданского общества означает, что гражданин, действуя правомерно, проявляя разумность и добросовестность полагается на адекватные и предсказуемые действия со стороны другого гражданина либо граждан (общественных объединений), не злоупотребляющих правом.

В диссертации подчеркивается, что стабильное и максимально полное соответствие общественных отношений конституционному принципу взаимного доверия государства и общества обеспечивает конституционный правопорядок, являющейся целью и одновременно условием развития основ конституционного строя России. Достижение и поддержание конституционного правопорядка, его постоянная актуализация конституционная обязанность государства, органов публичной власти. Однако граждане, их объединения своими действиями

должны способствовать поддержанию конституционного правопорядка. Особенно важным является использование гражданами правовых средств защиты нарушенных прав и восстановления в праве, а также осуществлением общественного контроля за деятельностью органов публичной власти.

При исследовании проблем конституционализации в работе определено, что данный процесс направлен на раскрытие и усиление регулятивного потенциала конституционных принципов. Цель конституционализации заключается в достижении и поддержании режима конституционности, как деятельности направленной на соответствие существующих отношений в государстве и обществе основам конституционного строя.

Применительно к принципам, конституционализация представляет собой: во-первых, осуществление конституционных принципов в законодательстве (законах и производных актах) посредством законодательно установленных процедур для достижения презюмируемых ими целей; во-вторых, возможность и необходимость субъектов правоотношений соотносить свои действия с конституционными принципами и закрепленными в нормативных правовых актах моделями поведения участников; в-третьих, интерпретацию принципов органом конституционной юстиции для цели должного (конституционного) правопонимания и устранения неопределенности в правоприменительной практике.

Исследование конституционной практики позволило заключить, что презумпция добросовестного законодателя и презумпция конституционности закона основаны на принципе доверия. В соответствии с данным принципом законодатель должен своими действиями и результатами действий (закон) оправдывать конституционное доверие, оказываемое иными органами публичной власти и гражданами законодателю и его решениям.

В диссертации на основе широкого анализа действующего законодательства (федеральных конституционных и федеральных законов) сформулирован вывод о том, что осуществление конституционных принципов в конституционно

сопряженном и текущем законодательстве будучи наиболее сложным видом деятельности законодателя должно проистекать с учетом ряда требований.

Первое требование состоит в том, что законодатель должен учитывать специфические особенности сферы регулируемых отношений, применительно к которой необходимо обеспечить действие принципа. Соответственно закрепляемые законом принципы должны быть адекватны сфере регулируемых отношений.

Второе требование заключается в сопряжении закрепляемых в законе принципов с конституционными принципами. Установленные в законе принципы регулируют конкретную сферу отношений, определенную Конституцией РФ. Соответственно закрепленные в законе принципы не должны вступать в противоречие с конституционными принципами, ибо именно они определяют условие действия выраженных в законе принципов. Для процесса конституционализации наиболее важным является должное соответствие принципов закона конституционным принципам.

Третье требование состоит в соблюдении правовой определенности принципов закона, составляющей юридико-содержательную основу принципа доверия к закону. Правовая определенность принципов должна заключаться в соблюдении требований формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания принципов, их согласованности в системе закрепленных принципов.

Четвертое требование заключается в обеспечении полноты следования принципам в содержании закона. Это означает: во-первых, что в законе принципы должны отражаться таким образом, чтобы не искажался их смысл и они получали развитие в правах и обязанностях участников соответствующих правоотношений; во-вторых, не должны излагаться правила, вступающие в противоречие с принципами; в-третьих, должно обеспечиваться системное действие принципов. Объект правового регулирования закона должен воплощать не один, а все принципы закона. Положения закона должны синтезировать эти разнообразные принципы. Системное действие принципов должно заключаться не в их

суммировании, а в усилении действия одного принципа другим (другими). Регулируемые отношения должны отвечать системе исходных принципов закона, которые соответствуют конституционным принципам.

Важным не только для конституционной теории, но и для практики является вывод о том, деятельность федерального законодателя по осуществлению конституционных принципов в законодательстве является особым видом правотворческой деятельности. Эта деятельность должна заключаться в разработке юридических конструкций, которые бы наиболее полно воплощали конституционные принципы в текущем законодательстве. Результатом данной деятельности должно быть отражение принципов в содержании закона, так чтобы характеристики (качество) конституционного принципа были переданы закону. Это явление в диссертации определено как «конституционная трансдукция принципов».

В диссертации содержится обстоятельный анализ широкого круга решений (постановлений, определений, заключений) Конституционного Суда Российской Федерации. Сформулирован вывод о том, что разрабатывая доктрину и догму современного российского права, Конституционный Суд изложил развернутое обоснование принципа доверия. Юридико-содержательное определение содержания принципа осуществлялось Конституционным Судом имплицитно, на основании ценностей, закрепленных в преамбуле, принципов и положений глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Ценностное и функциональное значение принципа доверия обосновывается Конституционным Судом через его взаимосвязь с другими конституционными принципами системы основ конституционного строя России, прежде всего во взаимосвязи с принципами равенства и справедливости. В правовых позициях Конституционного Суда принцип доверия определен конституционной ценностью основ конституционного строя, идеальной моделью правовых отношений и применяется в качестве критерия проверки законодательства.

Исходя из анализа решений выявлено, что первоначальных постановлениях и определениях Конституционного Суда принцип доверия формулируется как

«принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства». С принятием поправок 2020 г. к Конституции Российской Федерации, наряду с формулировкой «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства», в решениях Суда используется формулировка «принцип взаимного доверия государства и общества». Принцип доверия применяется Судом при оценке норм законов различных отраслей (конституционного, налогового, административного, трудового, социального и др.).

На основе анализа интерпретационной практики Конституционного Суда, сформулирован вывод, что юридико-содержательную основу принципа доверия составляет правовая определенность. В трактовке Суда правовая определенность заключается в требованиях формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования. Требование правовой определенности распространяются Конституционным Судом не только на действия законодателя и иных нормотворческих органов, но и на судебную и правоприменительную практику для цели обеспечения ее единства.

Конституционным Судом определены иные существенные требования к действиям законодателя, которые являются частью содержания принципа доверия. К ним относятся: сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; включено требование о недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмену ранее приобретенных прав. С позиции Конституционного Суда, придание закону обратной силы может осуществляться преимущественно в интересах личности в отношениях, возникающих между ним и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование). Определенные Судом требования распространяются не только на федерального законодателя, но также на законодателя субъекта РФ и иные нормотворческие государственные органы. Таким образом, применяемый Конституционным Судом принцип доверия устанавливает ограничения дискреционных полномочий законодателя.

В диссертации исследована модель взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы. На основе анализа Конституции РФ, действующего федерального законодательства, Регламента Государственной Думы и практики их применения сформулирован вывод о расширении направлений и форм их взаимодействия на основе конституционного принципа доверия.

На основе анализа российской практики, а также положений Закона о парламентском контроле, разграничены основания внесения Государственной Думой предложений о недоверии Правительству РФ: во-первых, возникновение чрезвычайных (кризисных) ситуаций, вызванных действиями Правительства РФ или федеральными органами исполнительной власти (неисполнение обязанностей); во-вторых, систематическое несоблюдение Правительством и/или федеральными органами исполнительной власти требований по принятию нормативных правовых актов в установленные федеральными законами сроки, а также качества актов (отсутствие полноты регулирования соответствующих правоотношений, наличие пробелов). В диссертации аргументировано, что эти основания выражение недоверия Правительству имеют конституционно-правовую основу, являются итогом осуществления парламентского контроля. Отставка Правительства по данным основаниям является конституционной санкцией.

В диссертации сформулировано ряд предложений по совершенствованию законодательства. В ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» предлагается установить критерии, на основе которых Государственная Дума вправе принимать решение о недоверии Правительству Российской Федерации. Должна быть установлена персональная ответственность членов Правительства. В случае признания деятельности члена Правительства неудовлетворительной, Государственная Дума должна обладать правом выражения ему недоверия. Предложено закрепить обязанность Государственной Думы принимать постановление по итогам рассмотрения ежегодного отчета Правительства РФ. Председатель Правительства или лицо его замещающее, по итогам обсуждения доклада, должен ставить вопрос о доверии Правительству Российской Федерации.

С позиции конституционализации, исследована реализация принципа доверия в процедуре назначения и статусе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Особенность конструкции правового доверия, которым наделяется кандидат, назначенный Уполномоченным по правам человека в РФ, заключается в одностороннем, безотчетном характере доверия.

Принцип доверия реализован в статусе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации наиболее полно. Это достигается: посредством норм устанавливающих конституционный статус как независимого субъекта в системе публичных правоотношений; наличием компетенции, организационными, финансовыми, материальными, информационными и др. формами и средствами для ее реализации; не подотчетности и не подконтрольности каким либо органам и должностным лицам; правовым иммунитетом для осуществления полномочий; уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами обеспечения независимости; законодательно установленными основаниями досрочного прекращения деятельности. В целях совершенствования статуса Уполномоченного по правам человека в РФ, в работе сформулировано предложение о необходимости дополнить правовое регулирование процедуры досрочного прекращения полномочий в рамках конституционной ответственности, положениями, которые бы отвечали требованию правовой определенности.

Рассмотрены особенности реализации принципа доверия в статусе и деятельности общественных объединений. Сформулирован вывод о том, что правовое доверие является неотъемлемым составляющим в организации и деятельности общественного объединения. Правовое доверие выражено в процедурах принятия решений, устава и иных локальных актов, формирования органов, в процессе взаимодействия участников, выявления проблем и определения способов их решения, в контроле за исполнением принятых решений. В работе предложено дополнить статью 15 Федерального закона «Об общественных объединениях» принципом доверия. Включение принципа доверия

в положение указанного Закона являлось бы выражением сложившейся практики его реализации.

Особое внимание в диссертации уделено обеспечению доверия в рамках правового регулирования общественных отношений в цифровой среде. Сформулирован вывод о том, что правовое доверие является важным условием формирования правопорядка в цифровой среде. Где биометрия – это самый «хрупкий» элемент доверия. Закон должен прямо запрещать сбор биометрии без явного, отдельного, письменного согласия и запрещать использование для эмоционального и поведенческого скоринга и слежки без санкции суда. Необходима трансформация института согласия от формальности к осознанности. Несмотря на императивно-правовой характер регулирования информационных систем как ключевых элементов инфраструктуры цифровой среды, обеспечение цифрового доверия должно включать участие институтов гражданского общества.

В диссертации обоснована перспективность формирования общественно-государственных рабочих групп с участием НКО, в том числе в рамках деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, а также аналогичных органов в субъектах РФ для совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности указанных органов, ориентированной на обеспечение цифрового доверия. Обеспечение баланса между безопасностью и свободой личности в цифровой среде, комфортностью цифровых государственных и частных услуг и цифровым контролем над личностью на основе сбора данных (цифровых следов) требует взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества для развития уровня цифровой грамотности и цифровой культуры, формирования ответственного поведения в цифровой среде всех субъектов общественных отношений.

На основе анализа законодательства и практики, выявлены общие тенденции развития правового и социального доверия в странах БРИКС, на примере Бразилии, Индии и Китая. Заключено, что в каждом из государств существуют особенности конституционно-правового развития, обусловленные

историей государства, национальными традициями и социальным составом населения. Определено, что для правового и социального доверия важное значение имеют «политический менталитет», общественное сознание и развитие экономики.

Исследование позволило заключить, что развитие потенциала доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов в государствах БРИКС обеспечивается посредством создания цифровых платформ. В Бразилии создан и действует «правительственный портал», направленный на поддержание «прозрачности» правительственных расходов Федерального Правительства Бразилии; в Индии – цифровая платформа Правительства для гражданского участия. В Китае внедрена система социального доверия, основанная на социальном и правовом рейтинге граждан, для «построения гармоничного социалистического общества».

Сформулирован вывод, что общей тенденцией государств БРИКС является развитие информационного общества, посредством внедрения цифровых технологий для обеспечения доверия граждан к «цифровой среде» и государству.

Библиографический список

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы
1.1. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.

3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

4. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

5. Федеральный конституционный закон от 23 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» : в ред. от 31 июля 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

6. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» : в ред. от 31 июля 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

7. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» : в ред. от 29 мая 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

8. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» : в ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.

9. Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» : в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (часть I). – Ст. 5020.

10. Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» : в ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52 (часть I). – Ст. 5020.

11. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» : в ред. Федерального конституционного закона от 13 декабря 2024 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

12. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» : в ред. от 30 декабря 2021 г. // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

13. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

14. Федеральный конституционный закон от 23 мая 2015 г. № 4–ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации»» : в ред. от 6 ноября 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 21. – Ст. 2979.

15. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. Федерального закона от 15 октября 2025 г. № 378-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 344-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

19. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 8 марта 2026 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

21. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 288-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

22. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» : в ред. от 3 февраля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

23. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» : в ред. от 28 декабря 2025 г., с изм. от 17 февраля 2026 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2026 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

24. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Российская газета. – 1992. – 29 июля. – № 170.

25. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

26. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» : в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

27. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» : в ред. от 28 декабря 2022 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 27. – Ст. 2503.

28. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» : в ред. от 20 февраля 2026 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

29. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» : в ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

30. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

31. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» : в ред. от 20 февраля 2026 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.

32. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 223.

33. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 88-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

34. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» : в ред. от 23 марта 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

35. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» : в ред. от 15 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

36. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

37. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» : в ред. от 27 октября 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

38. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.

39. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

40. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» : в ред. от 13 июня 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

41. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 50. – Ст. 5245.

42. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» : в ред. от 28 декабря 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

43. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : в ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

44. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» : в ред. от 24 июня 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

45. Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5303.

46. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» : в ред. Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4008.

47. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» : в ред. от 2 июля 2021 г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.

48. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» : в ред. от 28 ноября 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

49. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2789.

50. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» : в ред. от 17 июля 2022 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

51. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» : в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228 ; Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6730 ; Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 27. – Ст. 3929.

52. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» : в ред. от 26 декабря 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 15.

53. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» : в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

54. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» : в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

55. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2307.

56. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 102- ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»» : в ред. от 22 декабря 2014 г. // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2329.

57. Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 739.

58. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

59. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» : в ред. от 25 декабря 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.

60. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» : в ред. от 10 июля 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4349.

61. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» : в ред.

от 7 апреля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (1 ч.). – Ст. 4736.

62. Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» : в ред. от 8 августа 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1640.

63. Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 21. – Ст. 3232.

64. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : в ред. от 29 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.

65. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» : в ред. от 23 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 28.

66. Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 29 мая 2023 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 12. – Ст. 1787.

67. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» : в ред. от 21 апреля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29 (часть II). – Ст. 5222.

68. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» : в ред. от 8 августа 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29 (часть II). – Ст. 5228.

69. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» : в ред. от 28 декабря 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (часть I). – Ст. 19.

70. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» : в ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1. – Ст. 3215.

71. Федеральный закон от 15 мая 2024 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 21. – Ст. 2650.

72. Указ Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» : в ред. от 1 июля 2017 г. // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 33. – Ст. 5164.

73. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

74. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): в ред. от 15 февраля 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

75. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : в ред. от 4 марта 2026 г. // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

76. Указ Президента РФ от 11 мая 2024 г. № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» : в ред. от 17 июня 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2590.

77. Указ Президента РФ от 14 ноября 2024 г. № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 47. – Ст. 7101.

78. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» : в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 13 марта 2015 г. № 222 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3335.

79. Постановление Правительства РФ от 11 июля 2012 г. № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» : в ред. от 5 апреля 2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4130.

80. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» : в ред. от 29 июня 2019 г. // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 45 (ч. II). – Ст. 6261.

81. Приказ Минюста России от 30 сентября 2021 г. № 185 «О формах и сроках предоставления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций» : в ред. от 9 декабря 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

82. Приказ Минюста России от 30 декабря 2021 г. № 274 «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и

задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации» : в ред. от 9 августа 2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

83. Приказ Генпрокуратуры России от 31 августа 2023 г. № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») : в ред. от 20 февраля 2024 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

84. Приказ Федерального агентства по делам молодежи от 13 октября 2025 г. № 401 «Об утверждении перечня ключевых показателей эффективности реализации молодежной политики на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

85. Закон Воронежской области от 19 октября 2009 г. № 125-ОЗ «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти Воронежской области» : в ред. от 22 мая 2019 г. // Собрание законодательства Воронежской области. – 2009. – № 10. – Ст. 448.

86. Закон Курганской области от 6 декабря 2006 г. № 203 «О порядке рассмотрения обращений граждан в Курганской области» : в ред. от 1 марта 2019 г. // Новый мир – Документы. – 2006. – № 41.

87. Закон города Севастополя от 11 марта 2020 г. № 566-ЗС «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в городе Севастополе» // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. – URL: http://sevzakon.ru (дата обращения: 11.03.2024).

88. Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865

89. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : принят постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (дата обращения: 30.01.2026 г.).

90. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 25 марта 2016 г. № 8609-ГД «О досрочном освобождении Памфиловой Эллы Александровны от должности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 13. – Ст. 1814.

91. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 3818-8 ГД «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 21. – Ст. 3656.

92. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 295-СФ «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4510.

93. Распоряжение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 93 «Об утверждении Положения о рабочем аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Гарант : справочно-правовая система. – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

94. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

95. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

1.2. Послания Президента РФ Федеральному Собранию

96. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 февраля 1995 г. «О действенности государственной власти в России» // Российская газета. – 1995. – 17 февраля. – № 36.

97. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23 февраля 1996 г. «Россия, за которую мы в ответе» // Российская газета. – 1996. – 27 февраля. – № 39.

98. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1997. – 7 марта. – № 47.

99. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17 февраля 1998 г. «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1998. – 24 февраля. – № 36.

100. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1999. – 31 марта. – № 60.

101. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Российская газета. – 2002. – 19 апреля. – № 71.

102. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. «О положении в стране» // Российская газета. – 2003. – 17 мая. – № 93.

103. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. – 2005. – 26 апреля. – № 86.

104. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. – 2006. – 11 мая. – № 97.

105. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г. «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. – 2007. – 27 апреля. – № 90.

106. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. – 2008. – 6 ноября. – № 230.

107. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 13 ноября. – № 214.

108. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. // Парламентская газета. – 2010. – 3 декабря. – № 63.

109. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. – 2011. – 23 декабря. – № 290.

110. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. – 2012. – 13 декабря. – № 287.

111. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. – 2013. – 13 декабря. – № 282.

112. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. – 2014. – 5 декабря. – № 278.

113. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Российская газета. – 2015. – 4 декабря. – № 275.

114. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Парламентская газета. – 2016. – 2 - 8 декабря. – № 45.

115. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Российская газета – 2021. – 22 апреля. – № 87.

1.3. Судебные акты Российской Федерации

116. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1993. – № 2-3.

117. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 24. – Ст. 2342.

118. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 4. – Ст. 409.

119. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.

120. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 14. – Ст. 1549.

121. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 16. – Ст. 1909.

122. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5202.

123. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

124. Постановление Конституционного Суда от 6 апреля 1998 г. № 11-П «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1879.

125. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125,

126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

126. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 28. – Ст. 3393.

127. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 1998 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 30. – Ст. 3801.

128. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 52. – Ст. 6447.

129. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 23. – Ст. 2890.

130. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 30. – Ст. 3988.

131. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 22. – Ст. 2276.

132. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 6. – Ст. 626.

133. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2002 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц

рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» в связи с жалобой гражданина М.А. Будынина» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 1. – Ст. 152.

134. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 января 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 6. – Ст. 450.

135. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 19 (часть 2). – Ст. 1923.

136. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 51. – Ст. 5260.

137. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 6. – Ст. 491.

138. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центронефтехимремстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5123.

139. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 18. – Ст. 2058.

140. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.

141. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2686.

142. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2010 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» в связи с жалобами граждан А.А. Анохина и П.И. Зелинского и запросами Железнодорожного районного суда города Новосибирска и Кировского районного суда города Ростова-на-Дону» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2277.

143. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 23. – Ст. 2934.

144. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 1 и подпункта "а" пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3552.

145. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования - городского округа «Город Чита»» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2190.

146. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 33. – Ст. 4948.

147. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2011 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 3 статьи 15 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в связи с жалобой гражданки Г.В. Шикуновой» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 18. – Ст. 2697.

148. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 9. – Ст. 1152.

149. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1086 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Тимашова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 24. – Ст. 3256.

150. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.

151. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта "в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 78.

152. Постановление Конституционного суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта "з" пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 18. – Ст. 2292.

153. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2013 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 21. – Ст. 2692.

154. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3647.

155. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 43. – Ст. 5622.

156. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.

157. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 16. – Ст. 1921.

158. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 - 6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой

граждан В.Л. Герасименко и Л.Н. Герасименко» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть IV). – Ст. 2288.

159. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2014 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.В. Гончарова» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7785.

160. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Правозащитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 9. – Ст. 1389.

161. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 24. – Ст. 3548.

162. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 25. – Ст. 3736.

163. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 41 (часть III). – Ст. 5726.

164. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2016г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»

в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 4. – Ст. 551.

165. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2016 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 5. – Ст. 762.

166. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 8. – Ст. 1167.

167. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х.Э. Увангуе» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 9. – Ст. 1307.

168. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7169.

169. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2655.

170. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 27. – Ст. 4075.

171. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи

247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения "Российский сельскохозяйственный центр"» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 30. – Ст. 4726.

172. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М.С. Колесниковой» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 15 (часть V). – Ст. 2237.

173. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» в связи с запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 18. – Ст. 2721.

174. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 3. – Ст. 278.

175. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О.В. Морозовой» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 5. – Ст. 583.

176. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2020 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской

Федерации» в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2431.

177. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 28. – Ст. 4498.

178. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 октября 2020 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности подпунктов "а", "е" пункта 14.1 статьи 35, подпункта "в" пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 6 части 1, пункта 4 части 2 статьи 27 и пункта 3 части 24 статьи 30 Закона Московской области «О муниципальных выборах в Московской области» в связи с жалобой гражданина М.Ю. Серяпова» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 44. – Ст. 7059.

179. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2021 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 5. – Ст. 956.

180. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2021 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 12. – Ст. 2131.

181. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 марта 2022 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1780.

182. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2022 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки И.В. Рехиной» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 14. – Ст. 2371.

183. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2022 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38, пунктов 5 и 17 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также

пункта 4 части 5 статьи 35 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданки Г.М. Вирясовой» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 48. – Ст. 8579.

184. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М.Д. Малинина» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 2. – Ст. 547.

185. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ "Специализированный Застройщик "Кошелев-проект Самара" и "Кошелев-проект"» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 15. – Ст. 2746.

186. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2023 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 14.2 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4668.

187. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2024 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Александровой» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 18. – Ст. 2514.

188. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2024 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 37 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 3 статьи 37.2 Закона Республики Северная Осетия - Алания «О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия - Алания» в связи с жалобами Регионального отделения Всероссийской политической партии "Партия дела" в Республике Северная Осетия - Алания»» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 22. – Ст. 3037.

189. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2024 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов "в", "в.1" пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Г. Силаевой» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 23 (часть III). – Ст. 3271.

190. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2024 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного

Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 27. – Ст. 3914.

191. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 40. – Ст. 6055.

192. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7029.

193. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53 (часть III). – Ст. 8891.

194. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 января 2025 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 4. – Ст. 277.

195. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2025 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и подпункта "д" пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, в связи с жалобами граждан Ю.Б. Митрофановой и И.П. Рыбакова» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 8. – Ст. 838.

196. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 2025 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А.С. Карпунина» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 19. – Ст. 2375.

197. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс :

справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

198. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2002 г. № 320-О «По жалобе гражданина Спесивцева Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта "а" части первой статьи 12 и статьи 133.1 Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 5. – Ст. 500.

199. Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2005 г. № 462-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности частей первой и второй статьи 16 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 6. – Ст. 733.

200. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 502-О «По жалобе гражданина Зимницкого Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 44 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 8. – Ст. 944.

201. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 118-О «По жалобе гражданина Ковалевского Эдуарда Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 866 «О порядке обеспечения жильем за счет средств федерального бюджета нуждающихся в улучшении жилищных условий граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, аварии на производственном объединении "Маяк", и приравненных к ним лиц»» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 5.

202. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2007 г. № 37-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Митиной Эммы Фоминичны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 169 Семейного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

203. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Галины Петровны на нарушение ее конституционных прав подпунктом "в" пункта 8 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в государственных и муниципальных учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 10 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О

трудовых пенсиях в Российской Федерации»» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

204. Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 262-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Ростинком" на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

205. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 745-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества "Тиман-Печора Эксплорэйшн" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 374 Налогового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

206. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 691-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Георгиевича на нарушение его конституционных прав положением Федерального закона «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

207. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 598-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Управляющая компания "Жилищно-эксплуатационный участок-15" города Ставрополя" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 30.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

208. Определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2020 г. № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 4.

209. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

210. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» : в ред. от 9 декабря 2025 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3. – март.

211. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

212. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

213. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 АПК РФ» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

214. Кодекс судейской этики : утвержден VIII Всероссийским съездом судей 12 декабря 2012 г. : в ред. от 1 декабря 2022 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

1.4. Нормативные правовые акты СССР, РСФСР (утратившие силу)

215. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета Союза советских и социалистических республик и Всероссийского комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. – 19 июля. – № 151.

216. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов 11 мая 1925 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – № 118.

217. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

1.5. Международные и зарубежные правовые акты

218. Венская декларация и Программа действий : приняты Второй Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976 г. – № 17. – Ст. 291.

219. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. – Прекратила действие в отношении Российской Федерации на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

220. Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 44. – Ст. 5400. – Прекратил действие в отношении Российской Федерации на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

221. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4971.

222. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. : принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

223. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] : Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 30.01.2026 г.).

224. Конституция Аргентинской Республики : принята Генеральным Конституционным Конгрессом 1 мая 1853 г. : в ред. от 22 августа 1994 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – URL: https://constitutions.ru/?p=6233 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

225. Конституция Федеративной Республики Бразилия : принята Национальным учредительным собранием 22 сентября 1988 г. : промульгирована 5 октября 1988 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=8282 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

226. Основной закон Федеративной Республики Германия : от 23 мая 1949 г. : в ред. от 28 марта 2019 г. // Конституции государств мира : библиотека конституций Пашкова Романа. – URL: https://worldconstitutions.ru/?p=155 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

227. Конституция Королевства Испания : от 27 декабря 1978 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=7305 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

228. Конституция Итальянской Республики : от 22 декабря 1947 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=7297 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

229. Конституция Китайской Народной Республики : от 4 декабря 1982 г. : в ред. от 11 марта 2018 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=84 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

230. Конституция Соединенных Штатов Америки : принята Конституционным Конвентом 17 сентября 1787 г. : ратифицирована 21 июня 1788

г. : [с поправками] // Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. – Москва : Прогресс : Универс, 1993. – С. 17–38.

231. Конституция Французской Республики : от 4 октября 1958 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=6429 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

232. Конституция Швейцарской Конфедерации : от 18 апреля 1999 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=288 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

233. Конституция Японии : от 3 мая 1947 г. // Библиотека Пашкова : конституции государств мира. – URL: https://constitutions.ru/?p=69 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии, учебная и справочная литература

234. Авакьян, С.А Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография / С.А. Авакьян. – Юстицинформ, 2022. – 484 с.

235. Авакьян, С.А. Конституционное право Росси. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – Т. 1. – 864 с.

236. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва. Норма: ИНФРА-М, 2014. – Т.2. – 491 с.

237. Автономов, А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность / А.С. Автономов. - М.: 2009. – 444 с.

238. Аксиология российского конституционализма: история и современность / под ред. С.И. Дудника, И.Д. Осипова. – СПб., 2012. – 320 с.

239. Актуальные проблемы конституционного права: к 100-летию Е.И. Козловой: монография / отв. ред. В.В. Комарова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 328 с.

240. Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых: монография / под общ. ред. проф. С.А. Авакьяна. – М.: Юстицинформ, 2015. – 372 с.

241. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.

242. Алешкова, И.А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография / И.А. Алешкова ; РАН, ИНИОН, отд. правоведения ; под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. – Москва, 2022. – 223 с.

243. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления // Е.А. Борисова, Л.В. Головко, Н.Н. Ковтун и др.; под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрист, 2011 с. – 380 с.

244. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.

245. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.

246. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак ; пер. с англ. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – 376 с.

247. Бейлин, Б. Идеологические истоки Американской революции / Б. Бейлин ; пер. с англ. Д. Хитрова, К. Осповат. –М.: Новое издательство. – 2010. – 306 с.

248. Белкин, А.А. Государственное право: юридическая техника и юридические категории: избранные статьи / А.А. Белкин. – М., 2007. – 226 с.

249. Берлявский, Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США: монография / Л.Г. Берлявский. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 240 с.

250. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М.: Юристъ, 2001. – 256 с.

251. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия /Н.С. Бондарь – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. 544 с.

252. Бондарь, Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Юрист, 2013. 176 с. – (Серия «Библиотечка судебного конституционализма ; вып. 2).

253. Бондарь, Н.С. Права человека в теории и практике российского конституционализма / Н.С. Бондарь // Российский конституционализм: проблемы и решения. – М., 1999. – 200 с.

254. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 263 с.

255. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.

256. Велиева, Д.С. Правовая определенность и права человека: Монография / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – 401 с.

257. Виноградов, В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования / В.А. Виноградов. – М., 2000. – 240 с.

258. Витрук, Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.

259. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) – М. : Юристъ, 2004. – 284 с.

260. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 652 с.

261. Гриб, В.В. Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институциализации гражданского общества: монография / В.В. Гриб. – М.: Юрист, 2010. – 184 с.

262. Давыдова, М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве / М.Л. Давыдова. – Волгоград, 2001. – 236 с.

263. Дзидзоев, Р.М. Конституционно-правовая ответственность: Учеб. Пособие / Р.М. Дзидзоев. – Краснодар, 2004. – 178 с.

264. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества/ отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 446 с.

265. Ефимов, А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография / А.В. Ефимов. – М.: Проспект, 2024. – 376 с.

266. Захаров, А.Л. Межотраслевые принципы права / А.Л. Захаров. – Самара, 2005. – 180 с.

267. Захарова, Л.И. Международные стандарты в области прав человека и роль омбусмена в их обеспечении / Л.И. Захарова. – М.: Монолит, 2002. – 264 с.

268. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография /В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2017. – 512 с.

269. Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке / В.Д. Зорькин. – М., 2008. – 480 с.

270. Зражевская, Т.Д. Методологические основы организации эффективной деятельности региональных уполномоченных по правам человека в современных условиях : монография / Т.Д. Зражевская, В.И. Белоножкин, Т. Колобова. – М.: Проспект, 2020. – 208 с.

271. Зубарев, С.М. Система контроля в сфере государственного управления. – М: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 152 с.

272. Ильин, И. А. Теория права и государства / И.А. Ильяин ; под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. –2-е изд., доп. – М.: Зерцало, 2008. – 521 с.

273. Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 288 с.

274. Институты публичной власти в условиях глобализации : монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2020. – 272 с.

275. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В Варламовой, Т.А. Васильевой. – М. : ИГП РАН, 2017. – 224 с.

276. Кабышев, В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные труды / В.Т. кабышев. – М.: Формула права, 2013. – 320 с.

277. Кабышев, С.В. Конституция России: традиции прогресса (к 30-летию) / С.В. Кабышев. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – 240 с.

278. Карташев, В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. / В.Н. Карташев. – Яролавль, 2005. – Т. 1. – 548 с.

279. Кененова, И.П. Практика и проблемы организации разделения властей в Российской Федерации (федеральный уровень) / И.П. Кененова // Современные проблемы организации публичной власти : монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014. – 416 с.

280. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский ; сост., примеч., указа. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1998. – 800 с.

281. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4 е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 608 с.

282. Кокотов, А.Н. Доверие Недоверие. Право / А.Н. Кокотов. – М.: Юрист, 2004. – 320 с.

283. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации / Н.М. Колосова. – М.: Городец, 2000. – 256 с.

284. Комарова, В.В. Теория конституционализации: динамика становления в России / В.В. Комарова // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина : монография / под общ. ред. В.В. Комаровой ; отв. ред. О.С. Рыбакова. – М.: Проспект, 2023. – 607 с.

285. Комментарий к Конституции Российской Федерации / [Андриченко Л. В. и др.] ; под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева; Конституционный Суд Российской Федерации. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.

286. Кондрашев, А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации / А.А. Кондрашев. – М.: Издательство московского университета, 2011. – 480 с.

287. Конституционное право России: учебник / под ред. Б.С. Эбзеева. – М., 2012. – 800 с.

288. Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. : в 2 т. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Российская академия правосудия, 2010. – 393 с.

289. Контроль в современной России: вопросы теории и практики правового регулирования: монография / В.П. Беляева, О.В. Брежнева, И.Б. Лагутина [и др.]– М.: Юрлитиформ, 2013. – 312 с.

290. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / [О.А. Александрова и др.] ; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2012 – 670 с.

291. Кохановский, В. П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. – 581 с.

292. Кравец, И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка: монография / И.А. Кравец. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 336 с.

293. Кравец, И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 420 с.

294. Краснов, М.А. Российская система власти: треугольник с одним углом / М.А. Краснов, И.Г. Шаблинский. – М.: Институт права и публичной политики, 2008. – 280 с.

295. Крусс, В.И. Конституционализация права: основы теории : монография / В.И. Крусс. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 239 с.

296. Крусс, В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы. Методологические основы организации эффективной деятельности региональных уполномоченных по правам человека в современных условиях: монография / В.И. Крусс, Т.Д. Зражевская, В.И. Белоножкин, Т. Колобова. – М.: Проспект, 2020. – 240 с.

297. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. – М. : Норма, 2007. – 752 с.

298. Кузьмин, А.Г. Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики / А.Г. Кузьмин. – М.: Издат. Дом «Городец», 2016. – 368 с.

299. Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия / А.Б. Купрейченко. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 571 с.

300. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. – М. : Норма, 2008. – 544 с.

301. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э Лейст. – М.: Зерцало, 2002. – 280 с.

302. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

303. Малый, Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики / Д.А. Малый. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 431 с.

304. Масленникова, С.В. Партнерство и конкуренция предпринимателей и органов власти Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование: коллективная монография / С.В. Масленникова, И.С.Сушильников, Н.А. Галстян. – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2025. – 368 с.

305. Михайлов С.М. Участие уполномоченных по правам человека в административном судопроизводстве по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) наделенных публичными полномочиями органов и лиц, нарушающих права и свободы граждан: методические рекомендации : учебно-практическое пособие / С.М. Михайлов. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023 – 116 с.

306. Мосин, С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: монография / С.А. Мосин. – М.: Юстицинформ, 2009. – 112 с.

307. Муромцев, С.А. Определение и основное разделение права / С.А Муромцев; вступ. ст. и коммент. Ю.И. Гревцова. – 2-е изд., доп. – СПб., 2004. – 224 с.

308. Научно-практический комментарий Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации и регламента общественной палаты Российской Федерации» / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына, В. М. Дикусар [и др.] ; под ред. А. Г. Кучерены. – М. : Юстицинформ, 2007. – 328 с.

309. Невинский, В.В. Избранные труды / В.В. Невинский. – М.: Норма, 2021. – 600 с.

310. Нравственные ориентиры и принципы в системе ценностей российской Конституции: монография / отв. ред. С.Б. Сафина. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 296 с.

311. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, А.М. Цирин [и др.]. – М.: Проспект, 2019. – 224 с.

312. Осавелюк, А.М. Конституционное право зарубежных стран: учебник / А.М. Осавелюк. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 400 с.

313. Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст : Сборник материалов Всероссийской конференции, Санкт-Петербург, 07–08 апреля 2010 года / Редакторы: Н. Балясникова, Е. Дубченко. – Санкт-Петербург: Агентство социальной информации, 2010. – 172 с.

314. Поленина, С.В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина. – М.: Издательствово Института государства и права РАН, 1993. – 56 с.

315. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие / В.П. Верин, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др; под ред. В.П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 560 с.

316. Пресняков, М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / М.В. Пресняков / под ред. Комковой Г. Н. – М.: ДМК Пресс, 2009. – 397 с.

317. Румянцев, О. Г. Т.1 : Основы конституционного строя России : понятие, содержание, вопросы становления : монография (1994) : практикум (2023) / О. Г. Румянцев ; предисл. В.Н. Плигин, Б.С. Эбзеев. –2024. – 363 с.

318. Савоськин, А.В. Обращения граждан в Российской Федерации: понятие и виды : Монография / А.В. Савоськин – Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2015. – 196 с.

319. Сафронов, В.Н. Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование: монография / В.Н. Сафонов. – М.: Проспект. – 2018. – 286 с.

320. Скурко, Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании / Е.В. Скурко. – М.: Издательствово «Юрлитинформ», 2008. – 200 с.

321. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина : монография / под общ. ред. В.В. Комаровой; отв. ред. О.С. Рыбакова. – М.: Проспект, 2023. – 608 с.

322. Согрин, В.В. Центральные проблемы истории США / В.В. Согрин. — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. – 352 с.

323. Соколова, Н.В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе / Н.В. Соколова. – М.: Инфотропик Медиа, 2012 - 160 с.

324. Сравнительное конституционное право / Б.Н. Топорнин, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин, М.А. Никифорова [и др.]; Институт государства и права РАН. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. – 729 с.

325. Степанов, И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: очерк-эссе / И.М. Степанов. – М., 1996. – 108 с.

326. Судебная власть: институционально-правовые аспекты: монография / Аулов В. К., Бурдина Е. В., Ермошин Г. Т. и др.; под ред. Ю.Н. Туганова. – М.: РГУП, 2019. – 404 с.

327. Умнова-Конюхова, И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики / И.А. Умнова-Конюхова. – М.: РГУП, 2019. – 256 с.

328. Управление НКО: ставка на доверие. Советы руководителю. – СПб, 2008. – 109 с.

329. Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин [и др.] ; отв. ред. И.И. Кучеров. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 184 с.

330. Фарбер, И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права / И. Е. Фарбер, В.А. Ржевский. – Саратов, 1969. – 234 с.

331. Филимонова, И.В. Юридические фикции в праве России: история и современность / И.В. Филимонова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 168 с.

332. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М., 1991. – 559 с.

333. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. ; пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина ; под общ. ред. М. Колопотина. – Москва : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.

334. Хабриева, Т.Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – М.: Норма : Инфра-М, 2020. – 240 с.

335. Хабриева, Т.Я., Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

336. Хаманева, Н. Ю. Уполномоченный по правам человека – защитник прав граждан / Н. Ю. Хаманева; отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1998. – 80 с.

337. Хессе, Г. Основы конституционного права ФРГ / Г. Хессе. М., 1981. – 368 с.

338. Хиль-Роблес, А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана) / Альваро Хиль-Роблес; пер. с исп. А. Казачкова. – М. : Ad Marginem, 1997. - 335 с.

339. Чеботарев, Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации / Г.Н. Чеботарев. – Тюмень, 1997. – 217 с.

340. Чиркин, В.Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин. - Москва : Юристъ, 2008. – 214 с.

341. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2009. – 352 с.

342. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо ; пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. – 292 с.

343. Шевердяев, С.Н. Отражение современной антикоррупционной культуры в российском конституционном праве: монография / С.Н. Шевердяев. – М.: Юстицинформ, 2020. – 320 с.

344. Эбзеев, Б.С. Философия российского конституционализма: очерки / Б.С. Эбзеев – М.: Проспект, 2023. – 304 с.

345. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М., 2005. – 280 с.

346. Энтин, Л.М. Разделение властей: опыт современных государств / Л.М. Энтин. – М..: Юрид. лит., 1995. – 174 с.

347. Явич, Л. С. Общая теория права /Л.С. Явич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 288 с.

348. Явич, Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). / Л.С. Явич. – М.: Юридическая литература , 1978. – 232 с.

2.2. Статьи в научных журналах и иных изданиях

349. Абдулгалимов, Р.З. Предметы ведения и полномочия общественных объединений, участвующих в управлении делами государства / Р.З. Абдулгалимов, А.П. Сунцов // Административное и муниципальное право. - 2015. - № 5. - С. 506–510.

350. Авакьян С.А Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – 2-е изд. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – С. 193–528 с.

351. Авакьян С.А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование / С.А. Авакьян // Национальные интересы. – 2001. – № 4. – С. 44-47.

352. Авакьян, С.А. Конституционно-правовые проблемы модели организации власти в Российской Федерации / С.А. Авакьян // Современные проблемы организации публичной власти : монография / рук. авт. колл. и отв редактор С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014. – С. 60-75.

353. Авдеев, Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6. – № 2 (22). – С. 76–77.

354. Александров, Н.Г. Социалистические принципы советского права / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1957. – № 11. – С. 17-26.

355. Алексеева, А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения / А.Ю. Алексеева // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С. 85-98.

356. Антоненко, И. В. Доверие: понятие, генезис, структура / И.В. Антоненко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2015. – Т. 9. – №. 2. – С. 34-44.

357. Арзамаскин, А. Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А.Н. Арзамаскин //Наука и школа. – 2016. – №. 6. – С. 47-51.

358. Аюшеева, И. З. К вопросу о доверии в гражданском праве / И.З. Аюшеева, Т.В. Сойфер // Lex russica. – 2022. – №. 11 (192). – С. 9-20.

359. Белов, С.А. Ценности российской Конституции в тексте и практике ее толкования / С.А. Белов // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. – № 4 (131). – С. 68–83.

360. Бернацкий, Г.Г. В обществе есть ценности не менее высокие, чем права и свободы человека / Г.Г. Бернацкий // Конституционализм: идеал и/или реальность: сборник материалов дискуссии за круглым столом, 4 февраля 2011 г. / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – М.: Институт права и публичной политики, 2012. – С. 93–98.

361. Братановский, С.Н. Организационная структура и органы управления общественных спортивных объединений / С.Н. Братановский, М.Г. Вулах, В.В. Майстровой // Спорт: экономика, право, управление. – 2013. – № 1. – С. 26-33.

362. Бурла, В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации / В.М. Бурла // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 11-26.

363. Витрук, Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности / Н.В. Витрук // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2 т. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. - М.: Российская академия правосудия, 2010. – Т.1. – С. 9–20.

364. Войников, В. В. Принцип взаимного доверия в праве и политике ЕС / В.В. Войников // Современная Европа. – 2021. – №. 6. – С. 144-154.

365. Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 7 (92). - С. 37 - 42.

366. Володина С.В. Диалог и доверие: юридические нормы и политические практики // Lex Russica. (Русский закон). - 2018. - № 8 (141). - С. 88 - 95.

367. Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2023. - № 12 (112). - С. 115 - 123.

368. Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica. (Русский закон). - 2023. - Т.76. № 12. (205). - С.52 - 60.

369. Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии // Lex Russica (Русский закон). - 2024. - Т.77. № 3. (208). - С. 107 - 115.

370. Володина С.В. Аксиология правового доверия: от конституционного измерения к практике медиации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)-. 2024. -№ 9 (121). - С.185 - 194.

371. Володина С.В. Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т.19. № 9 (166). -С. 158 -166.

372. Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. - 2025. - Т.20. № 3 (172). -С. 75 - 86.

373. Володина С.В. Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект // Lex Russica. (Русский закон). - 2025. - Т.78. № 10. (227). - С. 82 - 89.

374. Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. - 2025. Т. 20. №11 (180). - С. 19 - 28.

375. Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. - 2025. - № 12. - С. 30-34.

376. Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. - № S3 (127). - С. 157 - 166.

377. Володина С.В. Нормативно-правовые и ценностные основы взаимодействия в сфере международного научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия // Актуальные проблемы российского права. - 2026. - Т.21. № 4 (185). - С.19 - 25.

378. Володина С.В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. - 2026.- Т. 21. № 5 (186). - С.41 - 49.

379. Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). - 2026. – Т. 79 - №6 (235) – С. 57-66.

380. Ворникова, Е. Д. Понятие цифровой среды доверия / Е.Д. Ворникова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – №. 6. – С. 251-257.

381. Гаджиев, Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности | Г.А. Гаджиев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 3-16.

382. Гаджиев, Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000 – 2002 годов) / Г.А. Гаджиев. // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 9-17.

383. Гаджиев, Г.А. Принципы права и право из принципов / Г.А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 36-42.

384. Гаджиев, Г.А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 10-20.

385. Гиш, Т. А. Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных / Т.А. Гиш, Н.В. Ржевская, А.С. Медведева // Auditorium. – 2023. – №. 4 (40). – С. 29-34.

386. Головко, Л.В Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгом и реальностью / Л.В. Головко // Государство и право. – 2013. – № 4. – С. 83–94.

387. Горбачева, С. В. Теоретико-правовые проблемы организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации / С.В. Горбачева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 4 (72). – С. 59–64.

388. Грудцына, Л.Ю. Кодекс этики членов Общественной палаты России / Л.Ю. Грудицына // Адвокат. – 2007. – N 8. – С. 75-79.

389. Гусейнов, А.А. Философия: между знаниями и ценностями / А.А. Гусейнов // Философия науки. – 2001. – № 2. – С. 47-66.

390. Добробаба, М. Б. Обеспечение информационной безопасности как составляющая модели правового регулирования квантовых коммуникаций / М.Б. Добробаба // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2024. – №. 10 (122). – С. 108-116.

391. Дудко И.Г. Институт уполномоченных по правам человека в России: концептуальные основы и эволюция / И.Г. Дудко // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 10. – С. 14-18.

392. Дудко, И.Г. Авторитетность конституции / И.Г. Дудко // Конституционное и муниципальное право. 2014. – № 7. – С. 3-8.

393. Дудко, И.Г. Институт защиты прав человека (омбудсмена) в Канаде / И.Г. Дудко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4 (80). – С. 164-173.

394. Дудко, И.Г. Проблемы защиты прав граждан от неправомерных решений или действий (бездействия) организаций, наделенных публичными полномочиями / И.Г. Дудко // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 75-83.

395. Евсиков, К. С. Информационная безопасность цифрового государства в квантовую эпоху / К.С. Евсиков // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2022. – №. 4 (92). – С. 46-58.

396. Ершов, В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2016. – № 3. – С. 5-36.

397. Ершов, В.В. Размышления к 20-летнему юбилею Конституции России / В.В. Ершов // Российский судья. 2013. – № 12. – С. 3–13.

398. Ефремов, А.А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России:

состояние и перспективы / А.А. Ефремов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – №4. – С. 71-99.

399. Зорькин В. Доверие и право / В. Зорькин // Российская газета. – 2013. – 29 апреля. – № 93. – С. 4.

400. Зорькин, В.Д. Ценностный подход в правовом регулировании прав и свобод / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. 2008. – № 12. – С. 3-15.

401. Кертман, Г. Межличностное доверие в России / Г. Кертман // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 7-24.

402. Клишас, А.А. Уполномоченный по правам человека как институт обеспечения национального суверенитета / А.А. Клишас // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3s (127). – С. 24-28.

403. Ковачев, Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность / Д.А. Ковачев // Журнал российского права. – 1997. – № 9. – С. 71-77.

404. Кокотов, А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5. – С. 97–108.

405. Кокотов, А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1511–1516.

406. Кокотов, А.Н., Конституционализм как политико-правовой режим / А.Н. Кокотов, Л.В. Сонина // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 128–131.

407. Комарова, В.В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма / В.В. Комарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 6. – С. 29–38.

408. Комарова, В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) / В.В. Комарова // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1 – 8. – С. 1385-1387.

409. Комкова, Г.Н. Понятие принципов конституционного права России / Г.Н. Комкова // Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина. – М., 2012. – С. 33-38

410. Кондрашев, А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России / А. А. Кондрашов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 21-29.

411. Кондрашев, А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 / А.А. Кондрашов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. С. 15–25.

412. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4-17.

413. Креховец, А.В. К вопросу об отграничении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК

РФ) от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) / А.В. Креховец, А.А. Никифорова // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 43-46.

414. Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2. – С. 2-14.

415. Крюкова, Ю.Е. Репутация: этимология понятия и поиск социально-философских оснований анализа. К постановке проблемы / Ю.Е. Крюкова // Пространство и время. 2015. – № 3. – С. 134-136.

416. Кузнецов, В. И. Теоретические подходы к категории» цифровая среда доверия» / В.И. Кузнецов, П.П. Кабытов // Юридические исследования. – 2021. – №. 2. – С. 64-74.

417. Купрейченко, А. Б. Социально-психологические функции доверия и недоверия в жизнедеятельности человека / А.Б. Купрейченко // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2005. – Т. 11. – № 3. – С. 48–55.

418. Лапаева, В.В. Законодательство об общественных объединениях: правовая концепция разграничения полномочий федерации и субъектов / В.В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2002. – № 10. – С. 8–19.

419. Лебедев, К.К. Юридическая природа дефолта и реструктуризация долгов / К.К. Лебедев // Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 141-153.

420. Леонова, И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции / И.Ю. Леонова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – №. 2. – С. 34-41.

421. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

422. Либанова, С.Э. Конституционализация норм договорного права (проблемы правоприменения в адвокатской практике) / С.Э. Либанова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – Вып. 4 (6). – С. 56–61.

423. Лисовский, В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской модернизации) / В.Т. Лисовский // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 98-104.

424. Лукашова, Е.А. Принципы социалистического права / Е.А. Лукашова // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 21-26.

425. Лучин, В. О. Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления / В.О. Лучин, И.С. Данилов // Право и политика. – 2001. – № 4. – С. 19–28.

426. Макаренко, Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти / Д.Г. Макаренко //Мониторинг правоприменения. – 2021. – №. 2 (39). – С. 21-26.

427. Митин, Г.Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений / Г.Н. Митин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 2. – С. 18-21.

428. Москалькова, Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России / Т.Н. Москалькова // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 52–59.

429. Москалькова, Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра / Т.Н. Москалькова // Вестник Университет имени О.Е. Кутафина. 2021. – № 4. – С. 25-31.

430. Москалькова, Т.Н. Справедливость как парадигма трансформации правозащитных механизмов в условиях многополярного мира / Т.Н.Москалькова // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). 2025. – № 3s (127). – С. 10–23.

431. Нарутто, С.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе / С.В. Нарутто, А.В. Никитина // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 13-18.

432. Невинский, В.В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционных принципов / В.В. Невинский // Конституционное правосудие на рубеже веков. – М., 2002. – С. 194-198

433. Орехова, Е. А. Цифровое доверие как фактор развития в условиях турбулентности / Е.А. Орехова //Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2020. – №. 3 (82). – С. 24-27.

434. Орлов, А.В. Достоинства, недостатки, ошибки и неурегулированные вопросы федерального закона «Об общественных объединениях» / А.В. Орлов // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 1404-1428.

435. Павлисова, Т.Е. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства (защиты законных ожиданий) в российском праве: проблемы и перспективы / Т.Е. Павлисова, Т.Ю. Емьулаева // Право и политика. – 2018. – № 4. – С. 1-10.

436. Пантыкина, М.И. Доверие в праве как когнитивная установка индивидуального правосознания / М.И. Пантыкина // Философия права. – 2016. – №2 (75). – С. 53-58.

437. Петров, А.А. Презумпции конституционности правовых актов и ее законодательное закрепление в Российской Федерации / А.А. Петров // Закон. – 2009. – № 9. – С. 48–53.

438. Руденко, В.В. Институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: проблемы становления и перспективы развития / В.В. Руденко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4. – С. 155-163.

439. Савенков, А.Н. Справедливость и милосердие в государственной правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой / А.Н. Савенков // Вестник Университета имени О.Э. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3s (127). – С. 85 – 92.

440. Саликов, М.С. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации / М.С. Саликов, М.В. Гончаров // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса. – 2020. – № 1. – С. 61–66.

441. Сапаров, Д. К. Правовое регулирование электронного документооборота и цифровых подписей / Д.К. Сапаров // Холодная наука. – 2025. – №. 14. – С. 86-108

442. Сергеева, Д.А. Приращение конституционного содержания института обращений граждан определениями Конституционного Суда России / Д.А. Сергеева // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 264–270.

443. Сивицкий, В.А. Презумпции конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты / В.А. Сивицкий // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 499–502.

444. Снежко, О. Правовая природа конституционных ценностей современной России / О. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2 (51). – С. 13-19.

445. Соболева, А. К. Принцип разделения властей / А.К. Соболева // Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / под ред. А.Н. Медушевского. – М., 2013. – С. 78-119.

446. Степкин, С. П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки / С.П. Степкин // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 10 (155). – С. 30-44.

447. Степкин, С.П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений / С.П. Степкин // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 11. – С. 34 – 37.

448. Стырин, Е. М. Цифровое доверие как ключевой фактор в формировании датацентричного государственного управления / Е.М. Стырин, Я.А. Рыбушкина, А.Г. Санина // Государство и граждане в электронной среде. – 2024. – № 7. – С. 13-23.

449. Таева, Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей / Н.Е. Таева // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 2–5.

450. Терещенко, Л. К. Единая цифровая среда доверия как условие формирования цифровой экономики / Л.К. Терещенко // Информационное право. – 2020. – №. 4. – С. 12-15.

451. Тихонова, Ж. К. К вопросу о доверии в праве / Ж.К. Тихонова // Вопросы экономики и права. – 2019. – №. 127. – С. 7-9.

452. Третьяк, И.А. Конституционно-правовой конфликт о доверии Правительству Российской Федерации в контексте конституционной реформы 2020 г. / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 2. – С. 159-169.

453. Троицкая, А.А. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений / А.А. Троицкая, Т.М. Храмова // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. – № 1 (122). – С. 54–79.

454. Троицкая, Т.В. Общественная палата в России: история создания и тенденции развития на современном этапе / Т.В. Троцкая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 422–426.

455. Тулинова, Б. О принципах правосудия по гражданским и административным делам и о своеобразии принципа доверия к суду и правосудию / Б. Тулинова // Современное право. – 2014. – № 2. – С. 99 – 103.

456. Фадеева, А.Н. Партнерские отношения между государством и гражданским обществом: необходимость и проблемы становления / А.Н. Фадеева // Вестник СГЮА. – 2017. – № 6 (119). – С. 52-58.

457. Фомин, А.Г. Конституционализация административного законодательства как путь к построению гражданского общества / А.Г. Фомин // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 325-327.

458. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Ф. Фукуяма, автор предисловия В. Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 123-162.

459. Химченко, А. И. Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления / А.И. Химченко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – №. 3 (69). – С. 159-164.

460. Химченко, А. И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия / А.И. Химченко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – №. 4 (92). – С. 83-91.

461. Чеботарев, Г.Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 33-36.

462. Чечельницкий, И. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в контексте запроса общества на социальную справедливость / И.В. Чечельницкий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2. – С. 54-63.

463. Чечельницкий, И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях / И.В. Чечельницкий // Lex russica. – 2025. – № 3. – С. 66-85.

464. Чиркин, В.Е. Контрольная власть / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1993. – № 4. С. 10 – 18.

465. Шамрин, М.Ю. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / М.Ю. Шамрин, Е.В. Мигачева // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 41-48.

466. Шапкина, Е.А. Партнерство государства и общества в сфере экологической безопасности / Е.А. Шапкина, П.В. Марчук // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 4 (172). – С. 90-93.

467. Шевердяев, С.Н. Круг лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ и муниципальные должности: к вопросу об актуализации антикоррупционного контроля в связи с конституционной реформой 2020 года / С.Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 26-34.

468. Шеломенцев, В.Н. Соотношение корпоративного права и общественных объединений / В.Н. Шеломенцев // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 8. – С. 7-11.

469. Широбоков, С.А. Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления / С.А. Широбоков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. – Вып. 32. – С. 158 – 164.

470. Шустров, Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года / Д.Г. Шустров // Социально-политические науки. 2015. – № 4. – С. 14 – 26.

471. Эбзеев Б.С. Конституционное и муниципальное право / Б.С. Эбзеев. – 2007. – № 2. – С. 7 – 14.

472. Южаков, В. Н., Доверие контрольно-надзорным органам как индикатор эффективности государственного управления / В.Н. Южаков, А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Государственная служба. – 2025. – Т. 27. – №. 2 (154). – С. 6-17.

473. Яковлев, В.Ф., Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса / В.Ф. Яковлев, Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 125-140.

474. Яценко, Т.С. Конституционализация гражданского права и ее влияние на правовое регулирование имущественного оборота / Т.С. Яценко // Российская юстиция. – 2021. – № 8. – С. 21-24.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

475. Абгаров, С. С. Институт парламентского контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Абгаров Степан Степанович. – Белгород, 2019. – 23 с.

476. Арапов, Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Арапов Николай Александрович. – СПБ., 2015. – 277 с.

477. Бегаева, А.А. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Бегаева Александра Алексеевна. – М., 2004. – 226 с.

478. Беляцкая, А.М. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и иностранных государствах: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Беляцкая Анна Михайловна. – Омск, 2023. – 33 с.

479. Бурла, В. М. Система ценностей в конституциях государств — членов Содружества Независимых Государств : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. / Бурла Виктория Михайловна. – М., 2022. – 30 с.

480. Буянкина, Е.С. Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Буянкина Елена Сергеевна. –Челябинск, 2006. – 28 с.

481. Варламова, Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 5.1.1. / Варламова Наталия Владимировна. –М., 2024. – 60 с.

482. Ведяхина, К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ведяхина Клара Владимировна. – Волгоград, 2001. – 30 с.

483. Вершинина, И.Ф. Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Вершинина Ирина Фёдоровна. – М., 2009. – 26 с.

484. Вилкова, Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … докт. юрид. наук : 5.1.4. / Вилкова Татьяна Юрьевна. – М., 2022. – 44 с.

485. Волкова, М.В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волкова Марина Васильевна. –Краснодар, 2010. – 205 с.

486. Галустова, К. Р. Конституционно-правовые основы формирования Российской Федерации как социального государства и перспективы его развития в условиях модернизации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Галустова Каринэ Рафаэловна. – М., 2010. – 24 с.

487. Галяутдинов, Б.С. Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис… канд. юрид. наук : 12.00.02 / Галяутдинов Булат Салаватович. – М., 2014. – 20 с.

488. Горбачев, А.П. Специализация института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (На примере Уполномоченного по защите прав предпринимателей) : автореф. дис… канд. юрид. наук : 12.00.02 / Горбачев Александр Петрович. – Белгород, 2015.– 24 с.

489. Гурко, А. В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Гурко Антон Владимирович. – М., 2020. – 22 с.

490. Гуторова, А.Н. Народное доверие в конституционном праве России: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 5.1.2. / Гуторова Алла Николаевна. – Н. Новгород, 2024. – 62 с.

491. Данкин, Д. М. Проблема политического доверия в международных отношениях : дис. … докт. полит. наук : 23.00.04 / Данкин Дмитрий Михайлович. – М., 2000. – 311 с.

492. Ереклинцева, Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ереклинцева Елена Владимировна. – Челябинск, 2010. – 25 с.

493. Ищенко, У.С. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ищенко Ульяна Сергеевна. –Н. Новгород, 2021. – 32 с.

494. Калнина, М.Ю. Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Калнина Марина Юрьевна. – М., 2009. – 26 с.

495. Карасёва, И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Карасёва Ирина Андреевна. – М., 2014. – 30 с.

496. Колобова, Т.В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Колобова Татьяна Владимировна. – Воронеж, 2021. – 26 с.

497. Коновалов, А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.03. / Коновалов Александр Владимирович. – М., 2019. – 73 с.

498. Корнеева, Н.В. Конституционно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Корнеева надежда Владимировна. – СПб, 2002. – 18 с.

499. Кулакова, Д.В. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в публично-правовом механизме защиты прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Кулакова Диана Владимировна. – М., 2025. – 26 с.

500. Кулишенко, Е.А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кулишенко Екатерина Алексеевна. – Белгород, 2021. – 23 с.

501. Лазарь, Л.К. Роль и функции омбудсменов (комиссаров) в международной защите прав человека : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10 / Лазарь Лилия Константиновна. – М., 2004. –185 с.

502. Ломаев, А.Ю. Публичный интерес как правовая категория : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ломаев Александр Юрьевич. – Казань, 2012. – 22 с.

503. Майоров, А.Г. Формирование правового института омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) в России и за рубежом : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Майоров Андрей Геннадьевич. – М., 2002. – 257 с.

504. Мархгейм, М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук :12.00.02 / Мархгейм Марина Васильевна. – М., 2005. – 56 с.

505. Назаров, А.В. Правозащитная деятельность Общественной палаты Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Назаров Александр Валентинович. – М., 2011. – 26 с.

506. Насонова, Е. Н. Информация как объект гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Насонова Елена Николаевна. – М., 2002. – 23 с.

507. Наумов, В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дисс… докт. юрид. наук : 12.00.13 / Наумов Виктор Борисович. – М., 2020. – 455 с.

508. Новикова, А.Е. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : историко-правовой и теоретико-правовой аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Новикова Алевтина Евгеньевна. – СПб., 2007. – 22 с.

509. Новикова, А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.02 / Новикова Алевтина Евгеньевна. – Белгород, 2021. – 38 с.

510. Осейчук, В.И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Осейчук Владимир Иванович. – Тюмень, 2009. – 53 с.

511. Плотникова, А.Э. Структурно-организационные и функциональные особенности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Плотникова Александра Эдуардовна. – Челябинск, 2013. – 26 с.

512. Плотникова, И.Н. Экономическая свобода личности в России: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 5.1.2 / Плотникова Инна Николаевна. – Саратов, 2023. – 66 с.

513. Ройзман, Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ройзман григорий Борисович. – Челябинск, 2012. – 25 с.

514. Руденко, В.Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Руденко Виктор Николаевич. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.

515. Семенова, А.Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Семенова Анастасия Юрьевна. – Тюмень, 2006. – 27 с.

516. Сидоркин, А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сидоркин Александр Сергеевич. – М., 2010. – 25 с.

517. Скрипкина, Т.П. Доверие как социально-психологическое явление : автореф. дис. на … докт. псих. Наук : 19.00.05. / Скрипкина Татьяна Петровна. – Ростов. пед. ун-т., 1998. – 46 с.

518. Солдатов, В.А. Реализация принципа независимости при осуществлении правосудия арбитражными судами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Солдатов Виталий Александрович. – Саратов, 2014. – 22 с.

519. Сурменева, Е.А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Сурменева Екатерина Анатольевна. – Саратов, 2024. – 272 с.

520. Суханова, А.А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2. / Суханова Александра Андреевна. – Челябинск, 2023. – 216 с.

521. Сырбо, В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сырбо Владислав Анатольевич. – М., 2008. – 26 с.

522. Титова, Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве : автореф. дисс. … докт. юрид. наук : 12.00.02. / Титова Елена Викторовна. – Челябинск, 2022. – 48 с.

523. Феоктистов, Д.Е. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Феоктистов Данил Евгеньевич. – Саратов, 2012. – 26 с.

524. Чуксина, В.В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите : сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Чуксина Валентина Валерьевна. – Омск, 2016. – 54 с.

525. Шапкина, Е.А. Государственно – общественное партнерство: проблемы теории, методологии, практики : дис. ... докт. юрид. наук : 5.1.2 / Шапкина Елена Анатольевна. – М., 2023. – 390 с.

526. Эмих, В.В. Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации : (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Эмих Валентина Викторовна – Екатеринбург, 2008. – 25 с.

IV. Аналитические материалы, документы

527. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2025 год. – URL: https://report2025.oprf.ru/ru-RU/status-report-civil-society-russian-federation-2025.html (дата обращения: 30.01.2026 г.).

528. Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации : одобрен протоколом пленарного заседания Общественной палаты Российской Федерации седьмого состава от 8 декабря 2022 г. № 6. – URL: https://files.oprf.ru/storage/corruption/kodeks-etiki-oprf.pdf (дата обращения: 30.01.2026 г.)

529. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018-2020 годов) : одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

530. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013-2015 годов) : одобрено решением Конституционного

Суда РФ от 23 июня 2016 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2026 г.).

V. Источники на иностранных языках

531. Black's Law Dictionary / ed. by B.A. Garner. – 9th ed. – St/ Paulб Minn: Thomson Reuters, 2009. – 1920 p.

532. Eisenstadt S. N. Power, Trust, and Meaning : Essays in Sociological Theory and Analysis / S.N. Eisenstadt. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 403 p.

533. Luhmann N. Trust and Power / Ed. by M. King, C. Morgner; Transl. by H. Davis, J. Raffan, K. Rooney. – Cambridge : John Wiley and Sons Inc., 2018. – 224 p.

VI. Интернет-ресурсы

534. Зорькин В.Д. Конституционная идеология – это система самоограничения государства / В.Д. Зорькин // РАПСИ. – 2023. – 12 декабря. – URL:https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html (дата обращения: 30.01.2026 г.).

535. Клишас А.А. Госсовет утвердил себя в качестве в качестве одного из значимых политических институтов страны / А.А. Клишас // Парламентская газета. – 2020. – 1 сентября. – № 9. – URL: https://www.pnp.ru/politics/gossovet-utverdil-sebya-v-kachestve-odnogo-iz-znachimykh-politicheskikh-institutov-strany.html (дата обращения: 30.01.2026 г.).

536. Главы российского правительства с 1990 года // ТАСС. – URL: https://tass.ru/info/7530513 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

537. Три фракции поддержат кандидатуру Мишустина // Российская газета. – 2020. – 16 января. – URL: https://rg.ru/2020/01/16/tri-frakcii-podderzhat-kandidaturu-mishustina.html (дата обращения: 30.01.2026 г.).

538. Перестановки и свежие лица: кто есть кто в новом правительстве РФ // РИАМО. – 2024. – 15 мая. – URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/perestanovki-i-svezhie-litsa-kto-est-kto-v-novom-pravitelstve-rf/ (дата обращения: 30.01.2026 г.).

539. Дмитрий Медведев провёл первое заседание Президиума Правительства // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – 2012. – 13 мая. – URL: http://government.ru/news/1411/ (дата обращения30.01.2026 г.).

540. В Государственной Думе прошел ежегодный отчет Правительства РФ // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – 2025. – 26 марта. – URL: http://duma.gov.ru/news/61153/ (дата обращения: 30.01.2026 г.).

541. История недоверия в России // Коммерсантъ. – 2005. – 18 января. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/539477 (дата обращения: 30.01.2026 г.).

542. Взаимодействие с государственными органами // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/vzaimodejstvie_s_gosudarstvennymi_organa (дата обращения: 30.01.2026 г.).

543. Ежегодные доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL:https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).

544. Экспертный совет при Уполномоченном // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL:https://ombudsmanrf.org/exp_sov (дата обращения: 30.01.2026 г.).

545. Тематические (специальные) доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL:https://ombudsmanrf.org/documents/tematicheskie_specialnye_doklady (дата обращения: 30.01.2026 г.).